

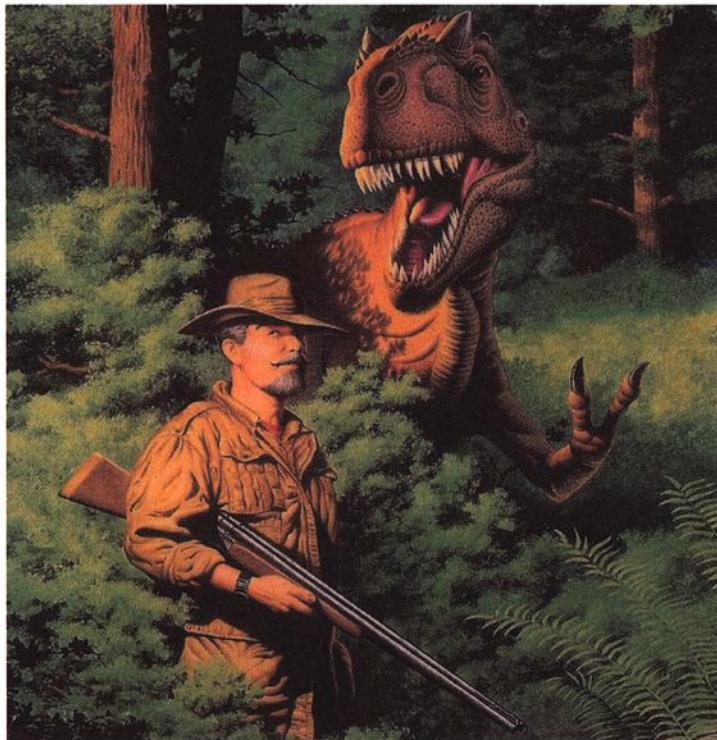
Л. Спрэг де Камп

Библиотека англо-американской классической фантастики

РЕКИ ВРЕМЕНИ

Л. Спрэг
де Камп

Том 1

РЕКИ ВРЕМЕНИ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

РЕКИ ВРЕМЕНИ

Л. Спрэг де Камп

том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2020

БААКФ-48 (2020)

Клубное издание

Л. Спрэг де Камп (1). РЕКИ ВРЕМЕНИ.
Сборник фантастики.
(а.л.: 10,9)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

**Спрэг и Кэтрин де Камп
в Ленинграде, 1983 год**
(Источник: <http://www.rusf.ru/>)

ОБ АВТОРЕ

Лайон Спрэг де Камп (Lyon Sprague de Camp), известный писатель Золотого века научной фантастики и фэнтези, родился в Нью-Йорке 27 ноября 1907 года, скончался 6 ноября 2000 года в г.Плано, штат Техас. Там Л. Спрэг де Камп со своей женой Кэтрин Аделаидой Крук (Catherine Adelaide Crook, 06.11.1907 – 09.04.2000) жили с 1989 года. Вместе они прожили 60 лет и совместно написали несколько произведений.

Прах Л. Спрэга де Кампа, служившего лейтенантом военно-морского резерва США во время Второй мировой войны, вместе с прахом его жены захоронен на Арлингтонском национальном кладбище.

Л. Спрэг де Камп получил степень бакалавра в области авиационной техники в 1930 г. и степень магистра в области инженерии в 1933 г. Он работал педагогом, лектором, инженером, патентным экспертом и писателем-публицистом, и посвятил более полувека написанию свыше сотни научно-фантастических и фантастических романов.

Среди его других работ - исторические романы, биографии Х.П. Лавкрафта (1975) и Роберта Э. Говарда (1983), а также признанные нон-фикшн произведения, такие как *The Ancient Engineers* (1963), *The Day Of The Dinosaur* (1968) *Great Cities of the Ancient World* (1972) и другие.

Многие ранние работы Спрэга появились в научно-фантастических

журналах конца 1930-х годов, включая серию про разумного медведя Джонни Блэка и серию фантастических историй «Бар Гавагана» (написанные в соавторстве с Флетчером Прэттом).

Л. Спрэг де Камп внес свой вклад в истории о жизни и приключениях Конана, персонажа, созданного Робертом Э. Говардом. Над историями о Конане он работал в сотрудничестве с Лином Картером и другими.

Л. Спрэг де Камп был мастером редкой разновидности фэнтези, а именно, юмористической. Еще молодым писателем, он, в сотрудничестве с Флетчером Прэттом, придумал основу для приключений Гарольда Ши, путешествующего по разным фантастическим мирам.

Пожалуй, самой издаваемой научно-фантастической книгой де Кампа стал роман «Да не опустится тьма» (*Lest Darkness Fall*, 1941). Это, наверное, одно из первых произведений про «попаданцев» в альтернативный мир.

Путешествуя по всему миру, часто со своей женой и коллегой, Спрэг де Камп пережил много необычных событий – его преследовал бегемот в Уганде и морской лев на Галапагосских островах, он наблюдал за тигром и носорогом со спины слона в Индии, его укусила ящерица в джунглях северной Гватемалы, а весной 1994 г. Спрэг де Камп встретил Пасху на острове Пасхи в южной части Тихого океана, где проводил изыскания для своей нехудожественной книги *The Ape-Man Within* (1995). Он говорил на нескольких языках и был членом многих научных, профессиональных, литературных и общественных организаций.

В 1976 г. Л. Спрэг де Камп получил долгожданного «Гэндалльфа» – премию Хьюго за достижения в области фэнтези, а в 1978 г. – премию американских писателей научной фантастики Небьюла в номинации «Грандмастер». Эти и многие другие награды де Кампа отметили его заслуги в профессии, которой он посвятил себя с 1930-х годов.

Одной из последних книг де Кампа стала книга «Реки времени» (*Rivers of Time*, 1993), сборник рассказов охотника-проводника, занимающегося оригинальным бизнесом – он организовывает и проводит сафари во времени, перемещая своих клиентов в давно минувшие геологические эпохи для охоты на доисторических зверей.

При переводе книги, учитывая ее название, было решено перевести и фамилию рассказчика, поэтому австралиец Reginald Rivers стал Реджинальдом Реки.

Борис Толстиков, переводчик

Galaxy

SCIENCE FICTION

MARCH 1956

35¢

SLAVE SHIP by FREDERIK POHL

РАЗНАЯ ФАУНА*

*Был наивнее и моложе я, и скажу вам, ничуть не тая,
Что мечтал оказаться вдруг в прошлом, когда только рождалась Земля!
Чтоб бродить по болотам топким в окружении дикой природы,
Содрогаясь от рыков громких карнозавров и зауроподов.
Чтоб в прекрасной зеленой долине мне однажды увидеть воочию -
Бьет по дереву мамонт бивнем, махайрод яростно когти точит.*

*Стал умней и мудрее с годами я. Столько в жизни трох перехожено!
Но чтоб встретиться с динозаврами, не нужно заныривать в прошлое.
Вроде люди вполне цивильные, складных фраз и речей поток...
Но под этою лживой личиною - подлость, ханжество, лень и порок!
Не кусает, не рвет и не воет, чешуи нет, и нет когтей,
Но все же нынешний антропоид динозавра куда страшней!*

1968

I. РУЖЬЕ НА ДИНОЗАВРА

НЕТ, ИЗВИНите, мистер Селигман, но я не могу взять вас на динозавровую охоту в поздний мезозой.

Да, я знаю, что написано в рекламе.

Почему «нет»? А сколько вы весите? Пятьдесят четыре килограмма? Посудите сами - это меньше шестидесяти кило, меньше нижнего предела.

Знаете, я могу отвести вас в другие эпохи. Могу взять в любой период кайнозоя. Вы можете подстрелить энтелодона или унитатерия. У них великолепные головы.

Я даже готов, в виде исключения, взять вас в ранний плейстоцен, где вы сможете попробовать добыть мамонта или мастодонта.

Я возьму вас и в древний триас, где вы сможете застрелить одного из мелких предков динозавров. Но черта с два я возьму вас в юрский или меловой период. Вы просто слишком маленький.

Какое отношение к делу имеет ваш рост? Послушайте, дружище, из чего вы собирались застрелить своего динозавра?

Ах, об этом вы не подумали, так ведь?

* Перевод Л.А.Макаровой.

Ладно, присядьте на минутку... Вот: мой собственный штуцер для этой работы, «Континенталь», он калибра .600*. Похож на дробовик, верно? Но, заглянув в стволы, вы сможете увидеть, что они с нарезами. Стреляет парой патронов «нитроэкспресс», калибр .600, каждый размером с банан, весит почти семь кило, а его дульная энергия более двадцати двух сотен килограммометров. Стоит двадцать тысяч долларов. Недешевое ружьёцо, ага?

У меня есть запасные ружья, чтобы давать их напрокат сагибам. Такие, что из них можно завалить слона. Не просто ранить, а опрокинуть вверх тормашками. Вот почему в Америке такие ружья пока

By L. SPRAGUE DE CAMP

A Gun

*In the bloodiest and most ferocious arena
of all prehistoric Earth, hunting reptile
heavyweights isn't for human lightweights!*

Illustrated by EMSH

* Здесь и далее калибр оружия указан в дюймах, для пересчета в миллиметры нужно указанный калибр умножить на 25,4. Например, калибр .600 в мм: $0,6 \times 25,4 = 15,24$. (Прим. перев.)

не делают, хотя мне кажется, скоро начнут, если охотничьи партии будут продолжать походы в прошлое.

Послушайте, я вожу охотничьи отряды уже двадцать лет. Водил в Африке, пока зверя для большой игры там не осталось, разве только в заповедниках. И за все это время я не встречал парня ваших размеров, который смог бы справиться со слонобоем. Отлача

for Dinosaur

сбивает таких с ног, и даже если пареньку удается устоять, он после нескольких попыток так начинает бояться чертовой пушки, что при выстреле дергает плечом и промахивается. К тому же штуцер для них слишком увесистый, чтобы таскаться с ним по мезозойским буеракам. Выматываются.

Правда, многие убивали слонов и из пушек поменьше, к примеру, из двустволок калибра .500, .475 и .465, или даже из карабина под патроны магнум .375. Разница в том, что из ружья калибра .375 вы должны попасть в нечто жизненно важное, предпочтительно в сердце, и не можете полагаться на ударную силу пули.

Слон весит... а ну-ка посмотрим... от четырех до шести тонн. А вам предлагается стрелять в рептилий, вес которых в два-три раза больше, чем у слона и к тому же они куда живучее. Вот почему синдикат решил больше не брать на динозавровую охоту людей, которые не смогут управиться с «шестисоткой». Мы, как у вас, американцев, говорится, понабивали шишек. Произошло несколько несчастных случаев...

Я расскажу вам, мистер Селигман. Так, уже шестой час вечера. Время закрывать офис. Почему бы нам не заглянуть в бар по дороге, а там я и расскажу одну историю?

...ЭТО СЛУЧИЛОСЬ в нашем с Раджой пятом сафари во времени. Раджа? О, его зовут Айяр, и он представляет половину фирмы «Реки и Айяр». Я называю его Раджа, потому что он наследный монарх Джанпура. В наше время, конечно, это ничего не значит. Познакомился с ним в Индии, а потом столкнулся в Нью-Йорке, где он руководил индийским туристическим агентством. Это тот темнокожий парень с фотографии на стене в нашем офисе, он еще попирает ногой труп саблезубого тигра.

Так вот, Чандру Айяру чертовски надоело раздавать брошюры о Тадж-Махале, и он снова пожелал охотиться. А я, когда мы услышали о машине времени профессора Прохазки из большого университета, был не при делах.

Где сейчас Раджа? На сафари, в раннем олигоцене, охотится на титанотерия, пока я управляю офисом. Мы работаем по очереди, но первое время отправлялись вместе.

Как бы то ни было, мы сели на ближайший рейс до Сент-Луиса. И там с прискорбием обнаружили, что были не первыми. Господи, вовсе не первыми! Нашлись и другие проводники-охотники, а ученым, каждый из которых имел собственное представление о том, как лучше всего использовать эту машину, просто не было конца.

С самого начала отсеялись историки и археологи. Похоже, эта чертова машина не работает в периоды, удаленные от нашего времени менее чем на сто тысяч лет. А оттуда до миллиарда лет в глубину - работает.

Почему? Ну, я не спец по четырехмерным проблемам, но, насколько я понимаю, если бы люди смогли вернуться в недавнее время, то их действия повлияли бы на нашу собственную историю, что привело бы к парадоксам или появлению противоречивых фактов. Понимаете, такого не должно быть в хорошо устроенной вселенной.

Однако действия, совершенные ранее примерно стотысячного года до рождества Христова, смоются реками времени еще до того, как началась человеческая история. При этом если раньше уже использовался отрезок прошлого, скажем, январь миллионного года

до нашей эры, вы не сможете снова воспользоваться этим отрезком прошлого и отправить в него другой отряд. Опять из-за парадоксов.

Профессора, впрочем, это не волнует. Имея миллиард лет, которые надо перелопатить, он нескоро исчерпает эпоху.

Другим ограничением машины являются ее размеры. По техническим причинам профессору Прохазке пришлось построить переходную камеру, едва вмещающую четырех человек со снаряжением и оператора камеры. Большие экспедиции приходится отправлять в несколько приемов. Это означает, сами понимаете, что брать с собой джипы, катера, самолеты и другое громоздкое оборудование невозможно.

С другой стороны, раз уж вы отправляетесь в такой период, где нет людей, то там по первому свистку не появится сотня туземцев, готовых тащить на своих головах ваше снаряжение. Так что обычно мы берем караван осликов, их здесь на испанский манер называют буррос. В большинстве периодов для них найдется достаточно подножного корма, чтобы добраться куда пожелаете.

Как я уже сказал, каждый носился со своей идеей насчет использования машины. Ученые смотрели на нас, охотников, свысока и твердили, что преступно тратить время машины времени на наши садистские аттракционы.

Мы подошли с другой стороны. Машина обошлась круглым счетом в тридцать лимонов. Я так понимаю, что их дал концерн Рокфеллера и прочие вроде него, но это учитывало только первоначальную стоимость, а не стоимость эксплуатации. А эта штука жрет фантастическое количество энергии. Большинство же научных проектов, ценных сами по себе, ведутся в стесненных, с финансовой точки зрения, условиях.

И вот теперь мы, проводники, обслуживаем людей с деньгами. А таких, вы уж не обижайтесь, в Америке, похоже, полным-полно. Многие из них могут позволить себе заплатить изрядную сумму за перенос в прошлое с помощью машины времени. Таким образом, получая справедливую долю ее времени, мы могли помочь финансировать эксплуатацию машины в научных целях. В конце концов, для распределения времени машины проводники образовали синдикат, одним из членов которого стало партнерство «Реки и Айяр».

Мы попали в этот бизнес с самого начала. Наши жены - моя и Раджа - на какое-то время устроили нам настоящий ад. Они надеялись, что раз в наше время со взрослыми играми покончено, то им больше не придется делиться нами со львами и прочим зверем - вы же представляете, что такое женщины. Но охота не слишком опасное занятие, если не терять голову и принимать меры предосторожности.

В ПЯТОЙ ЭКСПЕДИЦИИ нам пришлось нянчиться с двумя сагибами; оба американцы, обоим за тридцатник, оба в хорошей физической форме и оба с деньгами. Во всем остальном они были настолько разными, насколько это возможно.

Кортни Джеймс - таких вы, местные ребята, называете плейбойями: богатый молодой человек из Нью-Йорка, заботящийся только о своих удовольствиях и не понимающий, почему это приятное состояние не должно продолжаться вечно. Крупный парень, почти такой же рослый, как я, красивый и цветущий, но начинающий полнеть. Он был четырежды женат, и когда он появился в офисе с манерной блондинкой, на которой прямо-таки было написано - «модель», я предположил, что это и есть четвертая миссис Джеймс.

- Мисс Бартрам, - поправила она меня с неловким смешком.

- Она не моя жена, - объяснил Джеймс. - Жена в Мексике, где, полагаю, занимается нашим разводом. Но моя зайка здесь и хочет отправиться...

- Извините, - сказал я, - мы не берем дам. Во всяком случае, не в поздний мезозой.

Это было не совсем так, но я понимал, что мы и так достаточно рискуем, охаясь на малоизученную фауну, чтобы еще и влезать в семейные неурядицы. Ничего не имею против секса. Замечательное занятие и полезное, но не в том случае, если это может помешать моим делам.

- Вздор! - воскликнул Джеймс. - Раз она хочет, то она пойдет. Она лыжница и сама летает на моем самолете, так почему бы ей не...

- Такова политика фирмы, - сказал я.

- Она может держаться в стороне, когда мы столкнемся с опасными тварями.

- Нет. Извините.

- Черт возьми! - воскликнул он, побагровев. - В конце концов, я плачу вам приличные деньги и имею право брать с собой кого захочу.

- Вы не сможете заплатить достаточно, чтобы я пошел против своих прицепов. Можете поискать другого проводника.

- Ладно, так и сделаю, - сказал он. - И я расскажу всем своим друзьям, что ты долбанутый...

Ну, он много еще чего наговорил, не стану уж повторять. Наконец я сказал, чтобы он убирался сам, иначе сам его выброшу.

Я сидел в офисе и печально думал о денежках, которые Джеймс мог бы заплатить, не будь я таким твердолобым, когда появился другой барашек, Август Холцингер - невысокий худощавый бледный паренек в очках, вежливый и чопорный. Холцингер присел на краешек кресла и сказал:

- Мистер Реки, я не хочу, чтобы у вас создалось обо мне ложное впечатление. На самом деле по натуре я, скорее, домосед и, воз-

можно, напугаюсь до смерти, увидев настоящего динозавра. Но я полон решимости или повесить голову динозавра над камином или умереть при такой попытке.

- Почти все поначалу пугаются, - приободрил я его, - хотя не все это показывают.

И постепенно вытащил из него всю его историю.

В то время как Джеймс всегда купался в деньжищах, Холлингер был местным парнем, который только недавно встал на ноги. У него был небольшой бизнес здесь, в Сент-Луисе, и он едва сводил концы с концами, когда его дядя приказал долго жить и оставил маленькому Оги кучу денег.

Теперь у Холлингера появилась невеста, и он строил большой дом. Когда тот будет готов, они поженятся и переедут туда. И для меблировки ему требовалась голова цератопса над камином. Знаете, такая здоровенная рогатая голова с клювом попугая и костяной бахромой на шее. Вам следует дважды подумать, прежде чем начать коллекционировать таких, потому что если вы поставите двухметрового трицератопса в маленькую гостиную, там не останется места ни для чего другого.

Мы как раз говорили на эту тему, когда вошла девушка - маленькая девушка лет двадцати, довольно заурядная на вид. И вся в слезах.

- Оги! - рыдала она. - Ты не можешь! Ты не должен! Тебя убьют!

Она крепко обняла его и обратилась ко мне:

- Мистер Реки, вы не должны брать его! Он - все, что у меня есть! Он не выдержит трудностей!

- Моя дорогая юная леди, - сказал я, - мне не хочется вас расстраивать, но мистер Холлингер сам должен решить, хочет ли он воспользоваться моими услугами.

- Бесполезно, Клэр, - сказал Холлингер. - Я отправляюсь, хотя, наверное, мне будет ненавистен каждый миг этого путешествия.

- Так в чем дело, приятель? - заметил я. - Если вам это так не нравится, то зачем? Проиграли пари или что-то в этом роде?

- Нет, - ответил Холлингер. - Попробую объяснить. Видите ли, я совершенно неприметный тип. Я не блестаю умом, не гигант, не силач и не красавец. Я всего лишь обычный мелкий бизнесмен со Среднего Запада. Вы даже не заметите меня на ленче в Ротари-клубе*, настолько я туда вписываюсь. Но не могу сказать, что меня все это устраивает. Я всегда мечтал о путешествиях и насто-

* Ротари-клубы (англ. Rotary club) - сеть клубов по всему миру, входящих в ассоциацию Ротари Интернэшнл (англ. Rotary International). Ротари-клубы позиционируют себя как нерелигиозные и неполитические благотворительные организации. (Прим. перев.)

ящих делах. Я мечтал быть ярким и рисковым. Вроде вас, мистер Реки.

- Да ладно вам, - сказал я. - Профессиональная охота может показаться вам замечательным приключением, но для меня это просто образ жизни.

Он покачал головой.

- Нет. Вы же понимаете, о чем я. Ну да, теперь, когда я получил наследство, остаток жизни я могу провести за игрой в бридж или гольф, стараясь при этом не слишком скучать. Но я полон решимости свершить нечто яркое и запоминающееся, хотя бы раз в жизни. Поскольку в наше время больше нет возможности по-настоящему поохотиться на крупного зверя, я собираюсь застрелить динозавра и повесить его голову над камином, и я сделаю это, во что бы то ни стало. Иначе никогда не буду счастлив.

Холлингер и его девушка еще поспорили, но он не сдался. Она заставила меня поклясться, что я позабочусь о ее ненаглядном Оги, всхлипывая, удалилась.

Ушел и Холлингер и, как вы думаете, кто появился? Мой ужасно вспыльчивый приятель, Кортни Джеймс. Он извинился за то, что оскорбил меня, хотя извинения не показались искренними.

- На самом деле я редко срываюсь, - сказал он, - разве что когда люди отказываются сотрудничать со мной. В таких случаях я, бывает, злюсь. Но если они готовы сотрудничать, то со мной легко поладить.

Я понимал, что, говоря «сотрудничать», он подразумевает «делать все по указке Кортни Джеймса», но не стал на это указывать.

- Как насчет мисс Бартрам? - спросил я.

- Мы поссорились. С женщинами покончено. Так что - без обид, давайте продолжим с того места, где мы остановились.

- Очень хорошо, - сказал я - бизнес есть бизнес.

МЫ С РАДЖОЙ решили устроить совместное сафари на восемьдесят пять миллионов лет в прошлое: ранний верхний меловой период, или средний мел, как его называют некоторые американские геологи. Это лучший период для динозавров на Миссури. В позднем верхнем меле встречаются виды и покрупнее, но в том периоде, куда мы решили отправиться, виды разнообразнее.

Теперь, что касается нашего снаряжения: у нас с Раджой было по «Континенталю-600», вроде того, что я вам показывал, и несколько пушек калибром поменьше. В то время мы еще не заработали столько, чтобы иметь свободные «шестисотки» для сдачи в аренду.

Август Холлингер сказал, что возьмет ружье напрокат, так как решил, что раз у него будет одно-единственное сафари, то и нет смысла тратить двадцать тысяч долларов на оружие, из которого удастся выстрелить только несколько раз. Но поскольку у нас не

было запасных «шестисоток», ему пришлось выбирать - или купить себе такой штутцер, или взять в аренду одно из наших ружей поменьше.

Мы поехали за город и поставили мишень, чтобы он попробовал, что такое калибр .600. Холлингер с трудом поднял штутцер и пальнул. Мишень осталась целехонькой, а отдача свалила его с ног.

Он встал с еще более бледным видом, чем обычно, и вернул мне штутцер со словами:

- Э... Пожалуй, мне лучше попробовать что-нибудь поменьше.

Когда у него перестало болеть плечо, я дал ему испытать ружья полегче. Ему понравился мой винчестер-70, под патрон магнум .375. Это отличное универсальное оружие, идеальное при охоте на больших кошек и медведей, но слабоватое для слона и определенно слишком легкое для динозавра. Мне не следовало соглашаться, но я спешил, а для того, чтобы сделать под заказ новую «шестисотку», подходящую для него, возможно, потребовались бы целые месяцы. У Джеймса уже была двустволка фирмы «Холланд и Холланд»* калибра .500 - почти того же класса, что и .600.

Оба сагиба немного постреляли, но я не беспокоился насчет их меткости. В охоте на динозавра главное не столько меткость, сколько здравомыслие и четкость действий: не допустить случайного попадания ветки в ружейную механику, не провалиться в яму, не лезть на слишком маленькое дерево, с которого динозавр легко сможет вас сорвать, ну, и не пытаться отстрелить голову вашему проводнику.

Люди, имевшие опыт охоты на млекопитающих, иногда пытались стрелять динозавру в мозг. Это самая большая глупость, какая только может прийти вам в голову, потому что у динозавра мозга нет. Точнее, у них в передней части позвоночника имеется небольшой кусок мозгового вещества размером с теннисный мяч - но как вам до него добраться, если он вставлен в двухметровый череп?

Единственное правило при охоте на динозавров: всегда старайтесь попасть в сердце. У них большие сердца, у самых крупных так больше пятидесяти кило, и пара пуль калибра .600, попавшие в сердце, в любом случае и таких замедлят. Проблема в том, чтобы доставить туда пули сквозь окружающую гору мяса.

ИТАК, ОДНИМ дождливым утром в лаборатории профессора Прохазки появились мы: Джеймс и Холлингер, Раджа и я, наш

* «Холланд и Холланд» - (англ. Holland & Holland) - британская фирма, производитель охотничьего оружия, одна из старейших и наиболее известных. Специализируется на выпуске дорогостоящего штучного оружия и престижных охотничьих аксессуаров. (Прим. перев.).

погонщик Борегар Блэк, три помощника, повар Мин и дюжина «джеков»-осликов.

Переходная камера выглядит как полый куб размером с небольшую кабину лифта. По заведенному мной порядку люди с оружием должны идти первыми, на случай если в момент прибытия рядом окажется голодный теропод*. Так что в кабину втиснулись оба сагиба, Раджа и я, все с ружьями и рюкзаками. Оператор, Брюс Коэн, утрамбовался следом за нами, запер дверь, и начал мудрить над циферблатами. Он настроил приборы на двадцать четвертое апреля восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры и нажал красную кнопку. Свет погас, камеру освещала только маленькая лампочка, работающая от батареи. Джеймс и Холлингер выглядели довольно-таки зелеными, но, возможно, виновато в этом было слабое освещение. Мы с Раджой уже проходили через все это раньше, так что вибрация и головокружение нас не беспокоили.

Маленькие вращающиеся черные стрелки циферблатов замедлились и остановились. Оператор посмотрел на указатель уровня земли и повернул маховик, приподнимая камеру, чтобы она не материализовалась под землей. Затем он нажал еще одну кнопку, и дверь открылась.

Неважно, сколько раз такое уже случалось, но каждый раз, вступая в ушедшую эпоху, у меня от волнения мурашки по коже. Оператор поднял камеру чуть выше уровня земли, и я спрыгнул на землю, со штукером наготове. Остальные спрыгнули вслед за мной.

- Порядок, - сказал я Коэну, и он закрыл дверь.

Камера исчезла, а мы принялись оглядываться. В поле зрения никаких динозавров не наблюдалось, только ящерицы.

На этот раз камера материализовалась на вершине скалистой возвышенности, с которой можно было смотреть во всех направлениях, насколько позволял туман. На западе виднелся залив Канзасского моря, простирающийся до Миссури, а рядом с заливом - обширное болото, в котором обитали зауроподы.

На севере - низкая горная цепь, которую Раджа назвал Джанпурскими Холмами в честь индийского княжества, которым когда-то правили его предки. На востоке суша поднималась, переходя в плато, весьма подходящее для цератопсов, а на юге была равнина с большим количеством болот, кишевших зауроподами и множеством орнитоподов: утконосыми динозаврами и игуанодонами.

Самое прекрасное в меловом периоде - это климат: теплый, как на островах Южных Морей, но не такой влажный, какой он по большей части в юрском периоде. Была весна, повсюду цвели карликовые магнолии.

* Тероподы, или хищные динозавры - один из подотрядов ящеротазовых динозавров. (Прим. перев.)

Что примечательно, этот ландшафт создан сочетанием изрядного количества осадков и своеобразного растительного покрова. Травы еще не образовали сплошного ковра по всей открытой местности, и на земле участки, густо заросшие лавром, сассафрасом и другими кустарниками, чередовались большими проплешинаами. Встречались мощные заросли карликовых пальм и папоротников. Деревья вокруг холма были в основном саговыми пальмами, стоящими поодиноке и рощицами. Вниз к Канзасскому морю становилось больше саговника и ивняка, а на возвышенностях росли сосны и гинкго.

Ну, сам я чертовски далек от поэзии - не то, что Раджа, - но красоту сцены могу оценить. Один из помощников прибыл на машине с двумя осликами и вытаскивал их, а я всматривался сквозь дымку и принюхивался, когда за моей спиной грохнул штуцер - ба! ба!

Я крутнулся на месте - там были Кортни Джеймс со своей двустволкой и, метрах в пятидесяти, улепетывающий орнитомим. Орнитомимы - это среднего размера динозавры-бегуны, тощие существа с длинной шеей и ногами, вроде помеси ящерицы и страуса. Они больше двух метров в высоту, а весят столько же, сколько и человек. Бедняга высунулся из ближней рощицы, и Джеймс пальнул в него из обоих стволов. Промах.

Я психанул - сагибы, радостно пуляющие во что ни попадя, для отряда опасны не меньше, чем тероподы. Я заорал:

- Черт возьми, идиот! Мне и в голову не могло прийти, что ты станешь стрелять без моего ведома!

- А ты, черт возьми, кто такой, чтобы указывать, когда мне стрелять из моего собственного ружья?!

Мы ругались, пока Холлингер и Раджа не угомонили нас. Я объяснил:

- Послушайте, мистер Джеймс, у меня есть на то причины. Если вы расстреляете все боеприпасы до конца сафари, от вашего ружья толку будет ни на грош, потому что других патронов такого калибра нет. Если вы разрядите оба ствola по незначительной цели, что случится, если выскочит большой теропод, а вы не успеете перезарядиться? И, наконец, неспортивно стрелять во все, что попалось на глаза, лишь бы услышать звук выстрела. Уяснили?

- Э... пожалуй, да, - ответил он.

Машина доставила остальную часть отряда, и мы разбили лагерь на безопасном расстоянии от места материализации. Нашей первой задачей было добыть свежее мясо. Для двадцатидневного сафари, вроде этого, мы тщательно рассчитываем свои потребности в питании, чтобы при необходимости можно было обойтись консервами и концентратами, но еще мы планируем убить хотя бы одну животинку на мясо. После этого мы отправляемся на небольшую экскур-

сию, устраиваем четыре-пять стоянок для охоты и возвращаемся на базу за несколько дней до того, как появится переходная камера.

Холлингеру, как я уже говорил, нужна была голова любого цератопса. Джеймса устраивала только голова тираннозавра - тогда все решат, что он застрелил самого опасного хищника всех времен.

На самом деле тираннозавра сильно переоценили. Он, скорее, падальщик, чем активный хищник, хотя сцепает вас при первой же возможности. Он менее опасен, чем некоторые другие тероподы - они все, знаете ли, плотоядные. Например, в этом периоде таким был горгозавр, ящер размером поменьше тираннозавра. Но о тираннозавре читали все, к тому же среди тероподов у него самая большая голова.

В этом периоде еще не появился знаменитый Тираннозавр Рекс, Ящер-Король. Тот появился позже, стал крупнее и более специализированным. А пока здесь обитал тираннозавр-трионикс, чьи передние конечности еще не вполне редуцировались, хотя уже были слишком малы, чтобы годиться для чего-либо, кроме как поковыряться в зубах после хорошего обеда.

КОГДА ЛАГЕРЬ обустроили, полдень только-только наступил, и мы с Раджой взяли наших сагибов на их первую охоту. У нас была карта местности, составленная по результатам предыдущих экспедиций.

У нас была своя система для охоты на динозавров. Мы разделялись на две группы по два человека в каждой и шли параллельно друг другу на расстоянии от двадцати до сорока метров. Впереди каждой группой шел сагиб, за ним следовал проводник, который подсказывал, куда идти. Мы говорим сагибам, что ставим их впереди, чтобы они могли стрелять первыми. Ну, это так, но еще одна причина заключается в том, что они вечно спотыкаются и падают, а штуцер при этом на взводе. Будь проводник впереди, его запросто подстрелили бы.

Две группы нужны потому, что если динозавр нацелился на одну из них, то другая получает хороший шанс стрелять ему в сердце сбоку.

Пока мы шли, по дороге слышалось обычное шебуршание ящериц: мелких, шустрых, как вспышка пламени и ярких, как драгоценности Тиффани*, и больших серых, угрожающие шипящие на нас. Попадались черепахи и маленькие змейки. Взлетали с квакающими криками птицы, обладающие клювами, полными зубов.

* Тиффани - здесь имеется в виду Tiffany & Co. (NYSE: TIF) - ювелирная транснациональная компания, основанная в 1837 году. (Прим: перев.)

И повсюду - чудесный мягкий воздух. Он подбивает скинуть все одежки и танцевать, воткнув в волосы виноградные листья. Надеюсь, вы понимаете, о чем это я.

Наши сагибы скоро обнаружили, что в мезозое полно всяких во-домоин, вы их оврагами называете. Ходьба здесь становится дол-гим сражением со склонами, ведущими то вверх, то вниз.

Мы карабкались уже почти час и сагибы, бредущие с высуну-тыми языками, взмокли от пота, когда Раджа свистнул. Он заметил группу крепколобых динозавров, жующих побеги саговника.

Это были пахицефалозавры, небольшие орнитоподы размером примерно с человека, с выпуклым черепом, из-за которого создавалась иллюзия, что они разумны. Ничего подобного, эта выпу-кость - всего лишь толстая кость. Самцы бодаются, когда дерутся за самок.

Они опускались на все четыре лапы, съедали побеги, потом под-нимались и оглядывались по сторонам. Они вертлявей, чем боль-шинство динозавров, потому что являются желанной добычей для крупных тероподов.

Иногда думают, что раз динозавры глуповаты, то и их чувства тоже должны быть неразвиты. Но это не так. Некоторые, например, зауроподы, действительно малочувствительны, но у большинства - хорошее обоняние, зрение и тонкий слух. Слабость динозавров в том, что их маленькие мозги почти ничего не запоминают. Поэтому, если с глаз долой, то и из мозга вон. Когда за тобой мчится истека-ющий слюной большой теропод, лучше всего спрятаться в промо-ине или за кустом, и если он не увидит тебя и не почуяет запах, то просто пробредет мимо.

Мы спрятались за рощицей карликовых пальм с наветренной стороны от крепколобов. Я прошептал Джеймсу:

- Вы сегодня уже стреляли. Не стреляйте, пока не выстрелит Холцингер, а потом стреляйте только если он промахнется или если подранок начнет убегать.

- Угу, - буркнул Джеймс.

Мы разделились, он пошел с Раджой, а Холцингер со мной. Та-кое деление уже стало правилом. Мы с Джеймсом действовали друг другу на нервы, а Раджа был из тех дружелюбных и отзывчи-вых парней, которые не могут не нравиться.

Мы проползли вокруг рощицы с разных сторон, и Холцингер уже поднялся, собираясь стрелять. Не стоит стрелять из крупнокали-берного ружья лежа - слишком маленький люфт, и отдачей можно сломать плечо.

Холцингер целился, стоя за крайними пальмами. Я видел, как его ствол дрожит и описывает круги. Потом он опустил штуцер и засу-нул его подмышку, чтобы протереть очки.

Внезапно снова выпалило ружье Джеймса, опять оба ствола.

Самый большой ящер упал и, корчась, покатился по земле. Остальные - на задних лапах, задрав хвосты, - большими прыжками помчались прочь, дергая головами.

- Поставьте штуцер на предохранитель, - велел я Холлингеру, который двинулся вперед.

Когда мы добрались до крепколоба, Джеймс уже стоял над ним, переломив штуцер и продувая стволы. Он выглядел таким самодовольным, словно ему привалил лишний миллион и просил Раджу сфотографировать, как он попирает ногой охотничий трофей.

Я сказал Джеймсу:

- Я считал, что вы отадите Холлингеру первый выстрел.

- Черт возьми! Я ждал, - ответил он, - но он слишком долго кани-телился и я решил, что он, должно быть, перемандражил. Если бы мы промешкали достаточно долго, они бы нас увидели или учяли.

В этих словах был смысл, но его манера говорить безмерно меня раздражала.

- Если такое повторится, - сказал я, - в следующий раз мы оставим вас в лагере.

- Тише, джентльмены, - вмешался Раджа. - В конце концов, Реджи, у них просто не хватает опыта.

- Что теперь? - спросил Холлингер. - Потащим его сами или привезем сюда людей?

- Мы потащим его на шесте, - сказал я. - Он весит меньше ста кило.

Шестом послужил телескопически складывающийся алюминиевый стержень с мягкими прокладками на концах, нашедшийся в моем рюкзаке. Я его таскал, так как в эпохи вроде этой нельзя рассчитывать на то, что на месте найдутся достаточно крепкие деревца, которые можно было бы использовать как шесты.

Мы с Раджой выпотрошили крепколоба и привязали тушу к шесту. На потроха начали слетаться тысячи мух. Ученые говорят, что это не настоящие мухи в современном смысле слова, но они выглядят, как мухи, и ведут себя, как мухи. Есть тут такая огромная четырехкрылая падальная муха, летает она с характерным глубоким гудением.

Остаток дня мы возвращались, потея под этим шестом. Ящерицы разбегались с дороги, а мухи жужжали над тушей.

Мы добрались до лагеря незадолго до заката, проголодавшись так, что могли бы сожрать всего крепколоба за один присест. Подручные хорошо обустроили лагерь, так что, пока повар жарил стейки из крепколоба, мы, ощущая себя повелителями всего сущего, присели за стол опрокинуть по стаканчику виски.

Холлингер сказал:

- Хм, если я убью цератопса, то как мы притащим его голову?

Я объяснил:

- Если позволит рельеф, мы прикрепим его к алюминиевой раме на роликах и потащим.

- И сколько весит такая голова?

- Зависит от возраста и вида. Самая крупная может весить больше тонны, но в основном - от двухсот до пятисот кило.

- А рельеф везде такой же овражистый, как сегодня?

- По большей части. Понимаете, это из-за того, что растительного покрова мало, а осадков хватает. Эрозия ужасно быстрая.

- А кто потащит голову на этих роликовых санках?

- Все, имеющие руки. Для крупной головы понадобится каждая унция мышц нашего отряда. На такой работе никто не останется в стороне.

- Ага, - сказал Холцингер.

Я видел, что он задумался, стоит ли голова цератопса таких усилий.

СЛЕДУЮЩУЮ ПАРУ дней мы обследовали окрестности. Ничего стоящего для охоты, разве только стадо орнитомимов, которые ускакали, прыгая, как целая балетная труппа. Кроме них попадались лишь обычные ящерицы и птерозавры, птицы и насекомые, среди которых была и здоровенная муха с кружевными крыльями, жалящая динозавров. Понятно, что для такого хоботка человеческая кожа вообще не препятствие. Одна такая, когда ужалила Холцингера сквозь рубашку, заставила его скакать и танцевать, как краснокожий индеец. По этому поводу Джеймс ехидно заметил:

- Стоит ли суетиться из-за одной мелкой мошки?

На следующую ночь он, во время дежурства Раджа, завопил так, что все мы повыскакивали из палаток с ружьями наготове. А это всего-то динозавровый клещ забрался на него и присосался подмышкой. Поскольку даже голодный клещ размером с большой палец, реакция Джеймса вполне понятна. К счастью, он успел содрать клеша до того, как тот сцедил из него пинту крови. Холцингер довольно сильно обиделся на Джеймса из-за шуточки про муху, так что теперь Холцингер вернул ему фразу:

- Приятель, стоит ли суетиться из-за одного мелкого жучка?

Джеймс с рычанием растоптал клеша, не слишком довольный, что получил в ответ собственную подколку.

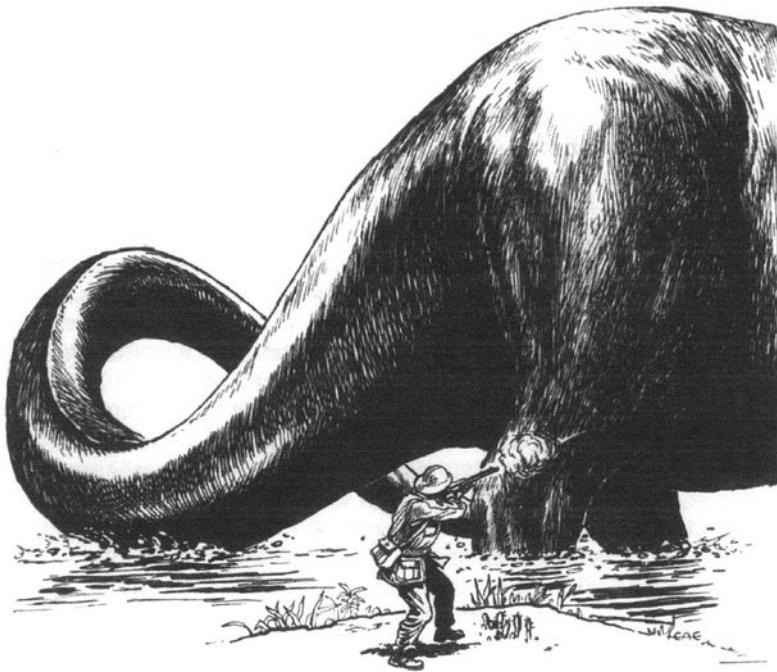
МЫ СОБРАЛИ ВЕЩИ и двинулись дальше по маршруту. Для начала мы собирались отвезти сагибов на болото зауроподов, больше для того, чтобы показать им дикую природу, нежели для охоты.

С места, где материализовалась переходная камера, болото выглядит будто бы в паре часов ходьбы, но на самом деле это путешествие на целый день. По первости - несложное, там надо спускаться

вниз по склону, да и кустов немного. Затем, по мере приближения к болоту, саговник и ивы разрастаются настолько густо, что приходится буквально продираться сквозь заросли.

Я привел отряд к песчаному гребню на границе болота, так как он был лишен растительности и с него открывался прекрасный вид. Пока мы добрались до хребта, солнце почти зашло. Пара крокодилов скользнула в воду. Сагибы настолько умотались, что упали на песок, словно мертвые.

Туман вокруг болота густой, поэтому солнце казалось темно-красным и странно искаженным. Высокие облака солнце окрасило в красное золото... В общем, было о чём Радже написать в одном из его новых стихотворений. Несколько маленьких птерозав-

ров метались над головами, как летучие мыши.

Борегар Блэк развел костер. Мы занялись стейками. Похожее на пагоду солнце скользило за горизонт и что-то за деревьями скрежетало, как ржавая петля, когда в воде шумно выдохнул зауропод. Понимаете, они реально здоровенные. Если бы Мать-Земля вздыхала из-за злодеяний детей своих, так звучали бы ее вздохи.

Сагибы подпрыгнули и закричали:

- Где он? Где?!

Я показал:

- Вон то черное пятно в воде, смотрите левее.

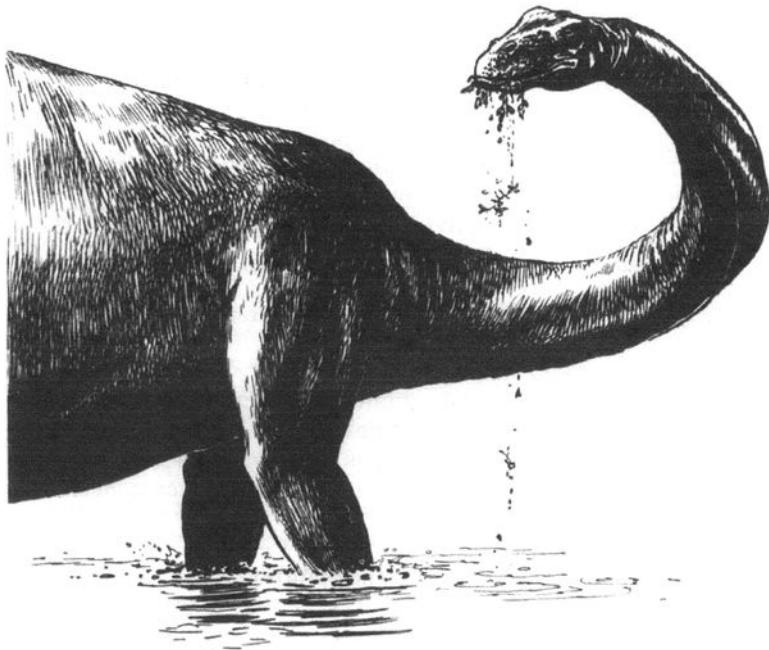
Они балаболили, пока зауропод не наполнил легкие и не скрылся.

- И это все? - сказал Джеймс. - Разве мы не увидим его полностью?

Холлингер добавил:

- Я читал, что они никогда не выходят из воды, потому что слишком тяжелы, чтобы ходить посуху.

- Не совсем так, - объяснил я. - Они прекрасно ходят и часто выбираются на сушу, чтобы отложить яйца или перебраться из одного болота в другое. Но большую часть времени они проводят в воде,

как гиппопотамы. Они съедают своими маленькими головами за день сотни килограммов мягких болотных растений. Поэтому они, непрестанно жуя, блуждают по озерам и болотам и примерно каждые четверть часа поднимают голову, чтобы вздохнуть. Уже темнеет, скоро этот бродяга вылезет на мелководье и уляжется спать.

- Может подстрелить его? - с напором спросил Джеймс.

- Не стоит, - ответил я.

- Почему?

- Бессмысленно и неспортивно. Во-первых, они почти неуязвимы. Их еще труднее поразить в мозг, чем других динозавров, из-за того, что их головы раскачиваются на длинных шеях. Их сердца слишком глубоко упрятаны в теле, чтобы пуля до них дошла, разве только вам чертовски повезет. Потом, если вы убьете одного из них в воде, он утонет, а оттуда его не вытащить. Если же убивать на суше, то единственным трофеем станет маленькая голова. Вам не утащить его целиком, потому что он весит тридцать тонн, если не больше, а нам не к чему тридцать тонн мяса.

- В одном Нью-Йоркском музее есть такой экземпляр, - заметил Холцингер

- Да, - согласился я. - Американский музей естествознания послал группу из сорока восьми человек в ранний мел с пулеметом пятидесяти калибра. Они убили зауропода и провели два месяца, снимая с него шкуру, очищая скелет и разделяя его на части, которые потом перетаскивали к машине времени. Я знаю парня, который руководил этим проектом, и у него до сих пор кошмары, в которых он воняет разлагающимся динозавром. Им пришлось прикончить с дюжину больших тероподов, привлеченных зловонием. Их туши остались валяться поблизости и тоже гнили. И все-таки, несмотря на крупнокалиберную пушку, тероподы сожрали троих человек из отряда.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО мы заканчивали завтрак, когда один из помощников окликнул меня:

- Смотрите, мистер Реки, вон там!

Он указал вдоль береговой линии. Там паслись на мелководье шесть больших утконосых динозавров с гребнями на затылке. Они принадлежали к виду паразауролофов и отличались длинным шипом-гребнем, торчащим из затылка и соединяющимся с шеей тонкой полоской кожи.

- Тише! - осадил я его.

Утконосые динозавры, как и другие орнитоподы, звери осторожные, потому что у них нет ни брони, ни оружия. Они кормятся в прибрежной части озер и болот, а когда из-за деревьев на них нападает горгозавр, они погружаются в глубокие воды и упłyвают. А если в воде на них начинает охотиться суперкрокодил фобозух, они бегут на сушу. Суматошная у них жизнь, а?

Заговорил Холцингер:

- Хм. Реджи! Я подумал о том, что вы говорили о головах цератопсов. Если я смогу получить одну из вот этих голов, меня бы это устроило. Такая в моем доме тоже будет выглядеть достаточно впечатительно, верно?

- Уверен в этом, дружище, - сказал я. - Теперь прикинем. Мы могли бы сделать крюк, чтобы выйти на берег неподалеку от них,

но тогда нам придется тащиться полмили через грязь и заросли, и они могут нас услышать. Или мы можем подкрасться к северному концу этой песчаной косы, оттуда до них будет три-четыре сотни метров. Далековато, но попасть вполне возможно. Как думаете, у вас получится?

- Хм, - сказал Холцингер. - С оптическим прицелом и стреляя в позиции «сидя»... Окей, я попробую.

- Оставайтесь здесь, - сказал я Джеймсу. - Это голова для Оги, и я не хочу никаких споров из-за того, что ты стреляешь первым.

Джеймс что-то ворчал, пока Холцингер прилаживал оптический прицел к ружью. Мы на корточках двинулись к косе, держась так, чтобы нас и «утконосов» все время разделяла песчаная грязь. Когда мы дошли до конца грязи, мы медленно поползли на четвереньках. Если двигаться прямо к динозавру или от него достаточно медленно, он, скорее всего, вас не заметит.

Утконосы продолжали кормиться, опираясь на все четыре конечности, приподнимаясь каждые несколько секунд, чтобы оглянуться. Холцингер сел, занял позицию для стрельбы в сидячем положении, взвел курок и прицелился через оптический прицел. А потом...

Бах! бах! - со стороны лагеря прогремели выстрелы крупнокалиберного штуцера.

Холцингер подскочил. Утконосы вздернули головы и, суматошно разбрызгивая воду, запрыгали на глубину. Холцингер выстрелил и промахнулся. Я тоже выстрелил в последнего утконоса, прежде чем он скрылся из виду, но тоже промахнулся. Штуцер калибра .600 не для дальних дистанций.

Мы с Холцингером поспешили в лагерь, решив, что у нашего отряда, возможно, возникли проблемы с тероподами.

ПРИЧИНОЙ ПРОИСШЕСТВИЯ оказался крупный зауропод, бредущий мимо лагеря под водой и кормившийся по ходу дела. Примерно в ста метрах от нашей косы болото разделяла отмель. Зауропод поднимался по склону отмели, пока его тело почти полностью не появилось над водой. Мотая головой из стороны в сторону, он высматривал, чего еще зелененького пожевать. Это был один из аламозавров, очень похожий на хорошо известных апатозавров, тех, которых чаще называют бронтозаврами.

Когда я увидел лагерь, зауропод с ужасным ревом как раз разворачивался, возвращаясь той же дорогой, что пришел. К тому времени, как мы добрались до лагеря, он почти полностью скрылся на большой глубине, торчала только раскаивающаяся голова на семиметровой шее, через какое-то время исчезнувшая в тумане.

В лагере Джеймс спорил с Раджой. Холцингер выскочил вперед:

- Ты, вонючий ублюдок! Ты уже второй раз портишь мне охоту!

- Не будь дураком, - сказал Джеймс. - Я не мог допустить, чтобы зверь прошел по лагерю и растоптал тут все в лепешку.

- Опасности не было, - возразил Раджа. - Вы же видите - глубокая вода далеко от берега. Просто наш волшебный стрелок мистер Джеймс не может, увидев что-то живое, не пальнуть в него.

Я добавил:

- Если бы он действительно приблизился, то достаточно было бы бросить в него поленом. Они абсолютно безобидны.

Ну, это не совсем так. Когда граф де Лотрек побежал за одним таким, чтобы выстрелить в упор, зауропод оглянулся, хлестнул хвостом и снял голову с графа не хуже, чем если бы это сделал топор в Тауэре. Однако, как правило, они и в самом деле достаточно безобидны.

- Откуда мне было знать? - заорал побагровевший Джеймс. - Вы все против меня! Зачем вообще, черт побери, мы отправились в это дурацкое место, если не пострелять? Называете себя охотниками, но я единственный, кто хоть кого-то подстрелил!

Я психанул и сказал, что он просто взбалмошный трепач-молосос, у которого больше денег, чем мозгов и которого мне не следовало брать с собой.

- Если так, - сказал он, - давайте мне осла и немного еды, и я самостоятельно вернусь на базу. Не стану осквернять ваш чистый воздух своим присутствием!

- Не будьте сами ослиной задницей, - сказал я. - Предложенное вами совершенно невозможно.

- Тогда я пойду один!

Он схватил рюкзак, сунул в него пару банок консервированных бобов с открывашкой и, подхватив штуцер, пошел прочь.

Заговорил Борегар Блэк:

- Мистер Реки, мы не можем позволить ему уйти вот так. Он заблудится и умрет с голоду, или его сожрет какой-нибудь теропод.

- Я приведу его обратно, - сказал Раджа, и пошел за дезертиром.

Он догнал Джеймса, когда тот почти скрылся в саговнике. Мы могли видеть, как они спорят и размахивают руками. Наконец они пошли обратно, обнявшись, как добрые школьные приятели.

Вот иллюстрация к тому, в какие неприятности можно попасть, если ошибиться при планировании. Отправившись в прошлое, мы должны извлечь максимум пользы из сделки.

Однако я не хочу, чтобы создалось впечатление, будто Кортни Джеймс был только занозой в заднице. У него имелись и хорошие черты. Он быстро забывал ссоры и на следующий день становился веселым, как всегда. От него был толк в общих работах по лагерю - во всяком случае, когда ему хотелось ими заниматься. Он хорошо пел и имел бесконечный запас непристойных анекдотов, которыми нас развлекал.

В лагере мы задержались еще на два дня. Мы видели крокодила, небольшого, и много зауроподов, иногда по пять за раз, но утконосов больше не было. Как наблюдалось и ни одного из пятнадцатиметровых суперкрокодилов.

В КОНЦЕ КОНЦОВ, первого мая мы свернули лагерь и направились на север, к Джанпурским Холмам. Мои сагибы начали нервничать и становились нетерпеливыми. Мы пробыли в меловом периоде целую неделю, а трофеев не добыли.

Во время перехода мы не заметили ничего примечательного, если не считать горгозавра, мелькнувшего за пределами досягаемости, и следов, принадлежавших огромному игуанодону высотой в восемь, а то и в десять метров. Лагерь разбили у подножия холмов.

Крепколоба доели, так что в первую очередь надо было добыть свежего мяса. И, конечно же, не забывать о трофеях. Наутро третьего дня мы собирались, и я обратился к Джеймсу:

- Послушайте, дружище, давайте теперь без этих фокусов. Раджа скажет, когда вам стрелять.

- Ладно-ладно, я все понял, - сказал он, кроткий, аки Моисей.

Мы отправились в предгорья вчетвером. У Холлингера имелся хороший шанс добыть своего цератопса. Парочку мы видели по дороге наверх, но то были просто детеныши, без приличных рогов.

От жары и духоты мы все очень скоро запыхались и вспотели. Все утро мы бродили и карабкались, не встретив ничего, кроме ящериц, но тут я почувствовал запах падали. Я остановил отряд и принююхался. Мы стояли на открытой поляне, прорезанной мелкими сухими промоинами. Промоины сходились в пару более глубоких оврагов, образовавшихся в небольшой впадине, густо заросшей саговником и панданусами. Прислушавшись, я узнал гудение падальных мух.

- Сюда, - сказал я. - Что-то сдохло... А, вот и оно!

Там они и были: остатки огромного цератопса, лежащие в не-глубокой ложбине у края рощи. Живым он, должно быть, весил шесть-восемь тонн - трехрогая разновидность, возможно, предпоследний вид трицератопса.

Определить точно было нелегко, потому что большая часть шкуры с верхней части была содрана, а обглоданные кости выломаны и разбросаны вокруг.

Холлингер восхликался:

- Вот же дернь! Почему я не добрался до него до того, как он сдох? Это была бы чертовски хорошая голова.

Я сказал:

- Парни, идем на цыпочках. Теропод кормился на этой туше и он, возможно, где-то близко.

- Откуда вы знаете? - спросил Джеймс, по его круглому красному лицу катился пот.

Он говорил так тихо, как только мог, ибо мысль о тероподе по соседству отрезвляет и самых легкомысленных.

Я снова принюхался. Показалось, что чувствуется характерный тяжелый запах теропода. Но полной уверенности не было - запах заглушала вонь от туши, заставившая позеленеть моих сагибов. Я обратился к Джеймсу:

- Даже самый большой теропод редко атакует взрослого цератопса, рога которого слишком серьезное препятствие для хищника. Но они любят мертвых или умирающих. Они будут кружить вокруг мертвого цератопса несколько недель, нажириаться, а потом дрыхнуть рядом со своим обедом несколько дней кряду. Обычно они укрываются от дневной жары, потому что не переносят прямых обжигающих солнечных лучей. Вы можете найти их лежащими в рощицах вроде этой, или в ложбинах, где есть тень.

- Что будем делать? - спросил Холцингер.

- Мы пойдем через эту рощу, как обычно, двумя парами. Что бы вы ни делали, не паникуйте и проявляйте выдержку.

Я взглянул на Кортни Джеймса, но он вернул мне взгляд и только проверил свой штуцер.

- Следует ли мне по-прежнему нести его переломленным? - спросил он.

- Нет, закройте, но держите на предохранителе, пока не приготовитесь стрелять, - ответил я. - Мы будем держаться ближе, чем обычно, чтобы оставаться на виду друг у друга. Раджа, начинай с этого угла. Идите медленно и, сделав шаг, останавливайтесь послушать.

Мы пробирались через рощу, оставив позади тушу, но не ее запах. Уже в нескольких метрах ничего не было видно.

Стало свободнее, когда мы добрались до деревьев, в тени которых кусты плохо росли. Солнце пробивалось сквозь ветви. Я слышал только жужжание насекомых, пересвист ящериц и кваканье зубастых птиц на верхушках деревьев. Показалось, что теперь уж точно чую запах теропода, но, сказал я себе, возможно, это просто игра воображения. Теропод может оказаться любым, их ведь несколько видов, есть крупные, а есть мелкие, да и сам зверь может находиться в любом месте в радиусе километра.

- Идем, - прошептал я Холцингеру.

Я слышал, как Джеймс и Раджа ломились вперед справа от меня, и видел, как колыхались потревоженные ими пальмовые ветви и папоротник. Наверное, они пытались двигаться тихо, но как по мне, они грохотали как землетрясение в посудной лавке.

- Немного ближе! - окликнул я их.

Вскоре они под углом приблизились ко мне. Мы спустились в овраг, заросший папоротниками, залезли по другому склону и наткнулись на заблокировавшую наш путь плотную купу карликовых пальм.

- Вы обойдете с той стороны, а мы с этой, - сказал я.

Мы двинулись, останавливаясь, чтобы послушать и принюхаться. Наши позиции были точно такими же, как в тот первый день, когда Джеймс убил крепколоба.

Мы прошли две трети пути вокруг наших пальм, когда я услышал шум впереди и слева. Холцингер тоже его услышал и сдвинул предохранитель. Я положил на свой предохранитель большой палец и шагнул в сторону, чтобы получить свободный сектор обстрела.

Треск стал громче. Я поднял свой штукер, прицеливаясь примерно в то место, где должно быть сердце большого теропода. Листва зашевелилась, и появился двухметровый крепколоб, торжественно шествующий поперек нашего маршрута и при каждом шаге дергающий головой, словно гигантский голубь.

Я услышал, как выдохнул Холцингер, и едва удержался от смеха. Холцингер сказал:

- Э-э-э...

И тут грохнуло проклятое ружье Джеймса: *бах! бах!*

Я мельком увидел, как крепколоб беспорядочно замахал хвостом и кувыркнулся вверх тормашками.

- Попал! - заорал Джеймс. - Я продырявил его!

Я услышал, как он побежал вперед.

- Богом клянусь, он опять за свое! - воскликнул я.

Внезапно листва замоталась, как бешеная, и раздался дикий крик Джеймса. Что-то вынырнуло из кустарника, и я увидел голову самого большого из местных плотоядных, тираннозавра-трионикса собственной персоной.

Ученые могут настаивать на том, что тираннозавр-рекс крупнее, но, клянусь, этот мерзавец был больше, чем любой когда-либо выпутившийся рекс. Он был метров шесть в высоту и метров пятнадцать в длину. Я увидел его огромный блестящий глаз, двенадцатисантиметровые зубы и здоровенный подгрудок, свисавший от подбородка до самой груди.

Второй из оврагов, пересекавших рощу, лежал на нашем маршруте у дальней стороны пальмовой купы. Его глубина была метра два. Там и лежал тираннозавр, отсыпаясь после последней трапезы. Там, где его спина поднималась над уровнем земли, теропода маскировали папоротники на краю оврага. Джеймс, пальнувши из обоих стволов прямо над головой теропода, разбудил его. Потом, не перезарядив штукер, этот тупой осел помчался вперед. Еще метров шесть - и он наступил бы на тираннозавра.

Джеймс, ясно, остановился, когда перед ним появилась эта тварь. Он вспомнил, что выстрелил из обоих стволов, а Раджа остался слишком далеко позади, чтобы сделать уверенный выстрел.

Сначала Джеймс держал себя в руках. Он переломил штуцер, вытащил два патрона из патронташа и вогнал их в стволы. Но, торопясь закрыть штуцер, он прищемил ладонь между стволами и ударным механизмом. Боль настолько напугала Джеймса, что он выронил ружье. Тут он потерял голову от страха и ринулся улепетывать.

Раджа уже бежал, высоко подняв штуцер и готовясь приложить его к плечу, как только появился хороший обзор. Увидев, как Джеймс бежит к нему, Раджа притормозил, опасаясь случайно попасть в него. А тот, мчавшийся вперед сломя голову, налетел на Раджу и оба повалились в папоротники. Тираннозавр своим крохотным умишком что-то сообразил и двинулся, чтобы сцепать их.

А как насчет Холцингера и меня, находившихся с другой стороны пальмовой купы? Ну, как только Джеймс заорал, и появилась голова тираннозавра, Холцингер скакнул вперед, как кролик. Я вскинул штуцер, чтобы выстрелить тираннозавру в голову, надеясь попасть в глаз; но прежде чем я смог прицелиться, голова скрылась за пальмами. Возможно, следовало стрелять наугад, но весь мой опыт не позволяет мне стрелять вслепую.

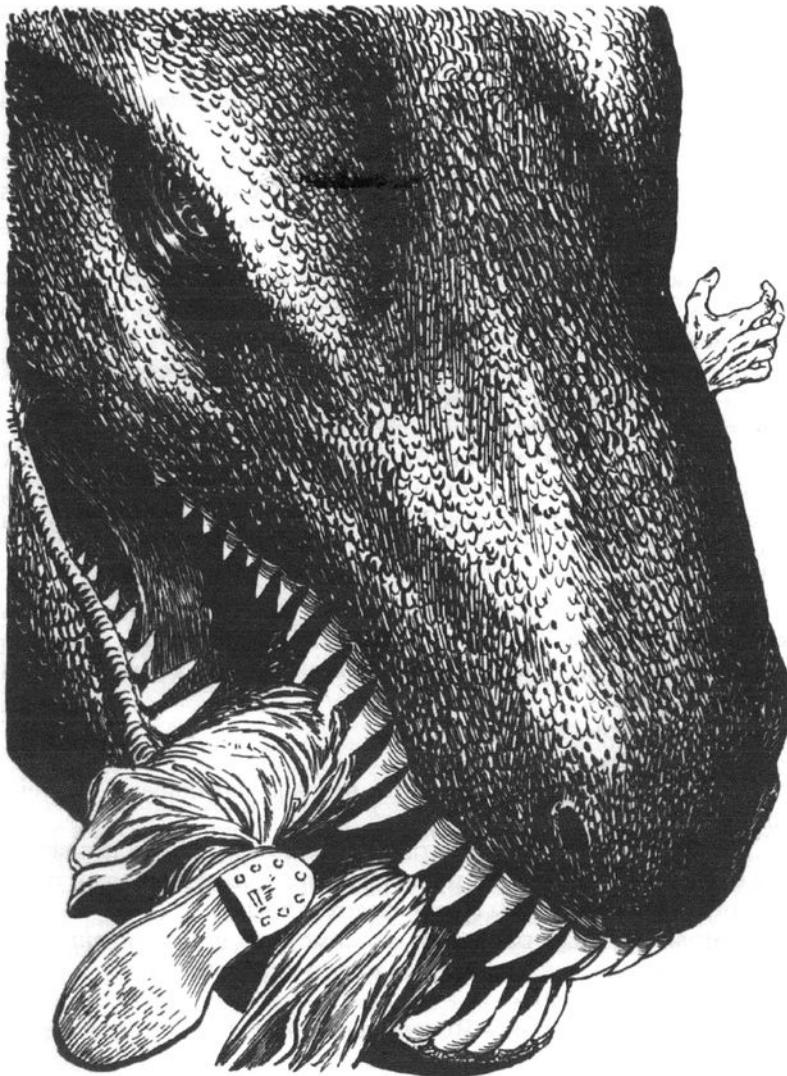
Когда я оглянулся, Холцингер, побежавший вокруг пальм, уже скрылся из виду. Я ринулся за ним и услышал выстрелы его винтовки и клацанье затвора в промежутках между выстрелами:

Бум! - клац-клац! - Бум! - клац-клац! Примерно так.

Он добрался до тираннозавра, когда тот нагибался к Джеймсу с Раджем. Метрах в шести от тираннозавра Холцингер начал вбивать в тушу пули калибра .375. Он успел сделать три выстрела, когда тираннозавр с оглушительным ревом развернулся посмотреть, что такое его ужалило. Челюсти распахнулись, а голова, качавшаяся из стороны в сторону, пошла вниз.

Холцингер сделал еще один выстрел и попытался отпрыгнуть. Он стоял на узкой полоске между пальмовой купой и оврагом и, отпрыгнув, упал в овраг. Тираннозавр стремительно нагнулся и схватил его. Челюсти сомкнулись и голова поднялась - с беднягой Холцингером, кричащим как проклятая душа.

Я подоспел как раз в этот момент и прицелился в морду животного, но потом понял, что его челюсти сжимают моего сагиба, и я могу его застрелить. Когда голова поднялась вверх, как ковш большого экскаватора, я выстрелил в сердце. Но тираннозавр уже поворачивался, и, подозреваю, пуля просто скользнула по ребрам. Зверь сделал пару шагов, когда я выстрелил из второго ствола ему в спину. Он пошатнулся, но продолжал двигаться дальше. Еще один шаг, и он уже скрывался за деревьями, когда дважды выстрелил

Раджа. Старый приятель распутался с Джеймсом, вскочил, подхватил свой штуцер и познакомил с ним тираннозавра.

Мощный двойной удар сбил зверя с ног. Он упал в карликовые магнолии, и я увидел огромную, похожую на птичью, заднюю лапу, дергающуюся посреди моря осыпающихся розово-белых лепестков. Но тираннозавр снова встал и заковылял прочь, даже не уронив свою жертву. Последнее, что я видел, были ноги Холлингера

(он уже перестал кричать), свисавшие с одной стороны челюстей, и огромный хвост, стучавший о стволы деревьев, а зверь шел, раскачиваясь из стороны в сторону.

Мы с Раджой перезарядили ружья и изо всех сил побежали за тероподом. Раз я споткнулся и упал, но вскочил и побежал дальше, только потом заметив, что ободрал локоть. Когда мы вырвались из рощи, тираннозавр уже был в дальнем конце поляны. Каждый из нас сделал по выстрелу, но, похоже, оба промазали, а он скрылся, прежде чем мы снова смогли открыть огонь.

Мы бежали дальше, по следам и брызгам крови, пока не остановились от изнеможения. Никогда больше мы не видели этого тираннозавра. Их походка выглядит медленной и неуклюжей, но с такими огромными ногами им и не нужно шагать очень быстро, чтобы развить большую скорость.

Когда мы отдохнули, то встали и попытались выследить тираннозавра, предполагая, что он умирает, и мы сможем подобраться к нему. Но, несмотря на то, что мы нашли следы, они вдруг исчезли, оставив нас в растерянности. Мы кружили вокруг, надеясь найти его, но безуспешно.

Через несколько часов мы сдались и вернулись на поляну.

Кортни Джеймс сидел, прислонившись спиной к дереву. Он держал ружья - свое и Холлингера. Его правая ладонь там, где он ее прищемил, опухла и посинела, но действовать ею он мог. Нас он встретил словами:

- Где, черт возьми, вы пропадали?

Я сказал:

- Мы были заняты. Помните недавно погибшего мистера Холлингера?

- Вы не должны были уходить и бросать меня! Могла появиться еще одна такая тварь! Достаточно плохо и то, что из-за вашей тупости погиб охотник, так вы еще рискуете и другим.

Я готовился устроить разнос Джеймсу, но его обвинение настолько поразило меня, что я смог только пробормотать:

- Что? Из-за нашей?..

- Конечно, - сказал он. - Вы поставили нас впереди, чтобы если кого и станут жрать, так это нас. Вы отправили против чудовища плохо вооруженного парня. Вы...

- Ты, богом проклятый вонючий поросенок! - взорвался я. - Если бы ты не был болтливым идиотом и не опустошил бы оба ствола, и не сбежал бы, как жалкий трус - каковым ты и являешься, - этого никогда бы не случилось! Холлингер погиб, пытаясь спасти твою никчемную жизнь! Богом клянусь, хотел бы я, чтобы он потерпел неудачу! Он стоял шестерых таких тупых, испорченных ублюдков с бараньими мозгами, как ты...

На этом я не остановился. Раджа пытался не отставать он меня, но у него закончился запас английских слов, и он продолжил проклинать Джеймса на хинди.

По багровеющему цвету лица Джеймса я видел, что задел его за живое. Он крикнул:

- Ну, ты...

Потом шагнул вперед и ударил меня в лицо левым кулаком.

Я слегка пошатнулся и сказал:

- Ох, мой мальчик, как я рад, что ты это сделал! Это дает мне шанс, которого я так долго ждал...

И я ему задал. Рост у него был хороший, но с большой правой рукой против моей сотни кило у него не было ни единого шанса. У меня же шансы в запасе нашлись, и он свалился.

- Вставай! - сказал я. - Буду рад продолжить!

Джеймс приподнялся на локтях. Я готовился снова помахать кулаками, хотя костяшки уже были сбиты и кровоточили. Джеймс перевернулся, схватил штуцер и направил вверх на нас, наводя стволы то на одного, то на другого.

- Ты ничего не продолжишь! - выдохнул он распухшими губами.

- А сейчас поднимите руки вверх! Вы, оба!

- Не будь идиотом, - сказал Раджа. - Убери штуцер!

- Никто не смеет так со мной обращаться и думать, что это сойдет ему с рук!

- Нет смысла убивать нас, - сказал я. - Это никогда не сойдет тебе с рук.

- С чего бы? От вас после выстрела не так уж много останется. Я просто скажу, что тираннозавр сожрал и вас тоже. Никто ничего не сможет доказать. Да и задержать за убийство, совершенное восемьдесят пять миллионов лет назад тоже не смогут - знаете ли, есть такой закон об истечении срока давности.

- Ты, дурак, ты же не доберешься живым до лагеря! - закричал я.

- Я рискну... - начал Джеймс, прижимая приклад своего ружья-«пятисотки» к плечу и направляя стволы мне в лицо. Стволы походили на пару дьявольских автомобильных туннелей.

Он следил за мной так пристально, что на секунду перестал контролировать Раджу. Мой напарник стоял на одном колене, и сейчас его правая рука, сжимавшая камень, метнулась быстрым «боулинговским» движением. Камень отскочил от головы Джеймса, «пятисотка» жахнула. Пуля, похоже, чиркнула по моим волосам, а от звука чертова выстрела едва не лопнули барабанные перепонки. Джеймс снова упал.

- Хорошая работа, дружище! - сказал я, схватив штуцер Джеймса.

- Да, - задумчиво сказал Раджа, поднял брошенный им камень, подержал и отшвырнул в сторону. - Не так хорошо сбалансирован, как крикетный мяч, но такой же твердый.

- Что нам теперь делать? - поинтересовался я. - Я склонен оставить этого убогого здесь, без оружия. Пусть сам о себе позаботится. Раджа вздохнул.

- Звучит заманчиво, Реджи, но мы ведь не сможем, сам знаешь. Мы не такие.

- Пожалуй, ты прав. Ладно, давай его свяжем и потащим обратно в лагерь.

Мы согласились, что не будем чувствовать себя в безопасности, если не станем сторожить Джеймса каждую минуту до возвращения домой. Если человек пытался убить тебя, ты сам дурак, если даешь ему еще один шанс.

Мы приволокли Джеймса обратно в лагерь и рассказали команде, с чем столкнулись, Джеймс же проклинал всех и каждого.

ТРИ НЕРАДОСТНЫХ ДНЯ мы прочесывали окрестности в поисках этого тираннозавра, но безрезультатно. Все чувствовали, что было бы бесчестно не попытаться отыскать останки Холцингера. Возвращаясь в наш основной лагерь, мы, если не было дождя, собирали мелких рептилий и прочие образцы для наших друзей-ученых. Мы с Раджой обсудили вопрос о судебном разбирательстве против Кортни Джеймса, но решили, что почва для этого слишком быстрая.

Когда переходная камера материализовалась, мы втиснулись в нее друг за другом. Джеймса, все еще связанного, бросили в угол, и велели оператору повернуть переключатели.

Пока камера перемещалась, Джеймс сказал:

- Вам следовало убить меня там.

- Зачем? - спросил я. - У тебя не слишком красивая голова.

Раджа добавил:

- Не слишком хорошо будет смотреться над камином.

- Смейтесь-смейтесь, - сказал Джеймс, - но все-таки я вас достану. Я найду способ сделать это и оставаться безнаказанным.

- Мой дорогой друг! - сказал я. - Если б было возможно, я бы обвинил тебя в смерти Холцингера. Слушай, тебе лучше оставить все как есть.

Когда мы вернулись в наше время, мы отдали ему разряженное ружье и прочее снаряжение, и он ушел, не сказав ни слова. Когда он вышел, девушка Холцингера, Клэр, разрыдалась:

- Где он? Где Август?

Это была мучительная и душераздирающая сцена, несмотря на все умение Раджа утешать.

Мы отвезли наших людей и зверей в старое здание лаборатории, которое университет оборудовал в качестве своеобразного караул-сарай для таких экспедиций. Расплатившись со всеми, мы обнаружили, что разорены. Авансы от Холцингера и Джеймса не по-

крыли наши расходы, и у нас было мало шансов получить остаток наших гонораров хоть от Джеймса, хоть из имущества Холлингера.

Кстати, о Джеймсе. Знаете, что натворил этот гаденыш? Вернувшись домой, он запасся кучей патронов и сразу отправился обратно в университет. Там он отыскал профессора Прохазку и обратился к нему:

- Профессор, я хочу, чтобы вы ненадолго отправили меня обратно в меловой период. Если сможете включить меня в свое расписание прямо сейчас, то просто назовите свою цену. Авансом я предлагаю пять тысяч. Я хочу отправиться в двадцать третье апреля восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры.

Прохазка спросил:

- Зачем вам так скоро снова возвращаться туда?

- Я потерял в меловом периоде свой бумажник, - ответил Джеймс.

- Думаю, что если я вернусь в день, предшествующий моей последней поездке в ту эпоху, то смогу проследить за собой, отправившись в эту поездку, и выяснить, где потеряю бумажник.

- Пять тысяч - многовато за бумажник, - заметил профессор.

- В нем есть незаменимые для меня вещи, - ответил Джеймс.

- Ну, - подумав, сказал Прохазка. - Звонили из отряда, который должен был отбыть сегодня утром и сообщили, что они задерживаются, так что, возможно, я смогу поработать с вами. Мне всегда было интересно, что случится, если один и тот же человек дважды займет один и тот же промежуток времени.

Джеймс выписал чек, Прохазка отвел его в камеру и проводил. Идея Джеймса, видимо, заключалась в том, чтобы притаяться за кустами в нескольких метрах от того места, где появится переходная камера, и пристрелить Раджу и меня, как только мы оттуда выйдем.

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО часов мы переоделись в обычную одежду и позвонили нашим женам, чтобы они приехали забрать нас. Мы стояли, поджидая их, на бульваре Форсайта, когда раздался громкий треск, вроде взрыва, а метрах в двадцати от нас сверкнула вспышка. Ударная волна едва не свалила нас с ног и выбила окна.

Мы побежали к месту вспышки и оказались там как раз тогда, когда туда подскочили полицейский и несколько прохожих. На бульваре, рядом с бордюром, лежало человеческое тело. По крайней мере, его напоминавшее, но выглядело оно так, как будто каждая кость в нем была раздроблена, и каждый кровеносный сосуд лопнул, так что осталась лишь слизистая масса розовой протоплазмы. Одежда на теле превратилась в труху, но я узнал штуцер-двустволку «Холланд и Холланд» калибра .500. Деревянные части обуглились, а металлические оплавились, но это было ружье Кортни Джеймса. Вне всякого сомнения.

Опуская расследование и расспросы о том, что произошло, расскажу, что же выяснилось. Никто не стрелял в нас, когда мы появились двадцать четвертого числа, и это не могло измениться. В тот момент, когда Джеймс начал делать все, что могло бы привести к заметным изменениям в мире восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры, например, просто оставляя следы на земле, силы пространства-времени выщелкнули его вперед, в настоящее, чтобы избежать парадокса. А в результате такого насильственного перехода его практически разорвало на куски.

Теперь, когда проблема стала понятнее, профессор никого не отправит в период, находящийся менее чем за тысячу лет до уже исследованного каким-нибудь путешественником во времени, потому что иначе было бы слишком легко сделать нечто, способное повлиять на последующий мир: например, срубить дерево или потерять какой-то прочный артефакт. Он говорил мне, что за длительный период времени такие изменения усредняются и теряются в реке времени.

После всех этих дел у нас наступили тяжелые времена - дурная слава и все такое, хоть мы и получили деньги из имущества Джеймса. К счастью для нас, нашелся сталепромышленник, возможавший заполучить голову mastодонта для своего кабинета.

ТЕПЕРЬ Я ТОЖЕ кое-что лучше понимаю. В катастрофе виноват не только Джеймс. Мне не следовало брать его, раз я догадывался, каким избалованным и несдержаным типом он был. А если бы Холцингер мог использовать по-настоящему крупнокалиберное ружье, он, вероятно, сбил бы тираннозавра с ног и, даже если бы не убил, то дал бы нам всем шанс прикончить теропода.

Итак, мистер Селигман, вот почему я не хочу брать вас на охоту в то время. Есть много других эпох, и если вы присмотритесь к ним, то, я уверен, вы найдете подходящий период. Только не юрский и не меловой. Вы просто недостаточно крупный человек, чтобы справиться с ружьем на динозавра.

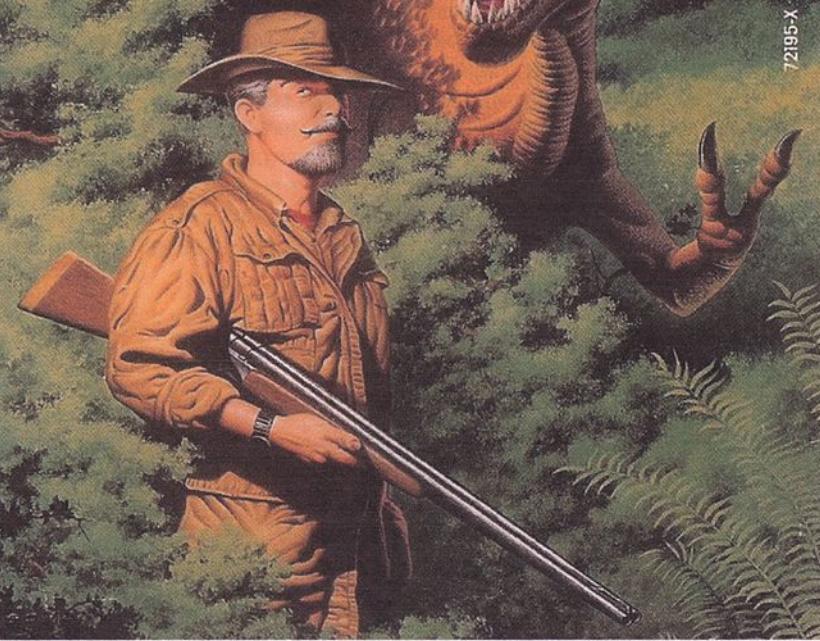
L. SPRAGUE DE CAMP

*The Adventures of Reginald Rivers
Time Traveller Extraordinaire!*

RIVERS OF TIME

72195-X (CAN. \$6.50) U.S. \$4.99

II. «КЕЙЮЗ»

ДА, МИСТЕР АХМАДИ, ослов мы используем в качестве транспорта во время сафари. А, на арабском, значит, во множественном числе правильно *сафариин*? Очень хорошо, пусть будет *сафариин*. Но, как я уже говорил, когда нам приходится перевозить припасы и оборудование, мы используем ослов - нет, я не говорю про задницы или ягодицы*. Дурацкий американский. Там, откуда я родом, в Австралии, осел - это животное, на котором я езжу, а задница - это та часть меня, на которой я сижу.

Почему не используются квадроциклы? По несколько причинам. Первая: только совсем малюсенький может поместиться в переходную камеру Прохазки так, чтобы там еще и оставить место для необходимого оборудования и персонала. Вторая: если топливо кончится, взять его будет негде. Третья: дорог нет вообще. Четвертая: если что случится с вашим внедорожником, вы попали. И, наконец, в экстренной ситуации осла, в отличие от джипа, вы сможете съесть.

Полагаю, что если совершить достаточно много поездок в прошлое и доставить туда достаточно много вспомогательного оборудования и персонала, можно было бы эффективно пользоваться автомобилями. Это как с нашим оружием. Теоретически, если бы мы застряли там слишком надолго, то у нас закончились бы патроны и пришлось бы пытаться сделать луки и стрелы, от которых, вероятно, толку было бы не больше, чем от задницы вомбата. Даже найдясь среди нас спецы по изготовлению луков и отличные лучники, цели уж больно здоровенные. Попадая стрелой в крупного теропода, ты лишь делаешь ему предложение: «Найди меня, заодно и пообедаешь». Поэтому, ради безопасности, мы не экономим на боеприпасах и берем их как можно больше.

Квадроциклы находятся, так сказать, на границе между тем, что практически, а что нет. Однажды меня уговорили испытать такие, и результаты со всей очевидностью показали, что они не подходят фирме «Реки и Айяр, Сафари во Времени».

Хотите подробнее? Окей. Это было семь или восемь лет назад, когда Чарльз Редмонд, производитель автомобилей, вошел в состав одной из наших экспедиций. Как и большинство охотников за тро-

* Игра слов: слово *ass* в английском языке кроме основного значения «осел» имеет и значение «зад». (Прим. перев.)

фяями, он хотел отправиться в меловой период и вернуться с головой теропода для своего нового особняка...

Что такое теропод? Их научное название *Theropoda*. Это один из подотрядов ящеротазовых динозавров, одного из двух главных отрядов рептилий, *Saurischia*, объединенных в единый надотряд, называемый «динозавры». Подотряд *Theropoda* включает в себя всех пожирателей мяса: аллозавров, тираннозавров, и далее по уменьшению, вплоть до мелочи размером с курицу. Крупные тероподы - единственные по-настоящему опасные динозавры. Они не только охотятся за любым другим существом, которое показалось им съедобным, но и умнее, чем растительноядные. Конечно, ни одна рептилия не претендует на роль гения в мире животных, но тероподы не так глупы, как большинство динозавров. Все остальные, растительноядные, как правило, оставляют вас в покое, если вы сами их не побеспокоили.

Редмонд был главой компании «Супериор Моторс», изготавливающей грузовики и кемперы*. Я слышал, что он создал компанию из ничего, и она была крупным независимым автопроизводителем, пока несколько лет назад один из членов «Большой Тройки»** не купил контрольный пакет.

Редмонд имел репутацию удачливого бизнесмена, и со временем он фантастически разбогател. Он оказался довольно обычным мужчиной: среднего возраста, среднего роста, хорошего сложенного, разве только имелось небольшое брюшко. Но такое случается с большинством мужчин, особенно если они ведут малоподвижный образ жизни.

Как бы то ни было, он пришел под руку с шикарной куколкой, вдвое его моложе. Ее он представил как «миссис Редмонд» и спросил, сможем ли мы устроить сафари для них двоих.

- Извините, - сказал я, - но мы не берем леди.

Если точнее, мы не берем на сафари разнополых участников.

Редмонд начал возражать:

- Послушайте, мистер Реки...

Он заговорил напористо и энергично, но при этом продолжал так дружелюбно улыбаться, что на него невозможно было сердиться. Вероятно, такое поведение во многом способствовало его успехам. Но его прервала спутница, взявшая его за руку:

* Кемпер - автофургон, оборудованный кухней, спальными местами, туалетом и т.п. (Прим. перев.)

** «Большая Тройка» - три крупнейшие автомобильные корпорации США: Форд мотор; Дженирал моторс и Крайслер. (Прим. перев.)

- Пожалуйста, не настаивай, Чарльз! Ты же знаешь, я не слишком рвалась в это путешествие. Отправляйся один, а за это время я выберу ковры и занавески для нашего нового дома.

Немного поспорив, Редмонд сдался.

- Ладно, дорогая, раз ты не возражаешь, то я отправлюсь один.

Так что мы договорились доставить в меловой период его и еще одного сагиба, записавшегося на освободившееся место. К тому времени у нас все было достаточно хорошо организовано, чтобы нам с Айяром не приходилось отправляться на сафари вдвоем. Он находился в плиоцене, а после его возвращения я собирался отвезти в мел Редмонда и другого клиента. Раджа же должен был остаться в офисе. Я называю Чандру Айяра «Раджа», потому что он наследный владелец одного местечка в Индии под названием Джанпур, хотя сегодня это ничего не значит. Он клянется, что не вернется туда и не станет княжить, даже если сюда заявятся джанпурцы и примутся его умолять. Он в этом уверен, потому что мы все знаем, что этого никогда не случится.

Редмонд подписал договор, а потом затеял разговор о «Супериор Моторс» и об их новом квадроцикле «Кейюз». Ему было трудно сказать «нет». Некоторые люди обладают такой вот способностью. Они становятся президентами, диктаторами, лидерами религиозных культов или такими магнатами, как Редмонд. Наконец, чтобы отвязаться, я согласился зайти в его торговый зал, расположенный неподалеку, и посмотреть их «Кейюз».

Что такое «Кейюз»? Насколько я понимаю, так называлось какое-то племя краснокожих индейцев - исконных американцев, как теперь говорят. Затем этим словом стали называть лошадей, на которых ездили индейцы в прежние времена, до того, как белые их покорили, а в западных штатах оно часто используется как сленговое обозначение любой лошади.

Как бы то ни было, я оставил офис на мисс Минакучи, и пошел вниз по улице с Редмондами в их агентство и выставочный зал. Там в центре под большой вывеской стоял «Кейюз». Лучше всего я могу описать его как четырехколесный мотоцикл без крыши, с двумя сиденьями, расположенными друг за другом.

- Видите ли, Реджинальд, - сказал Редмонд, следя обычаю янки сразу же называть перспективных парней по имени, словно они давние друзья. - Видите ли, вот ответ на ваш довод о недостатке места в переходной камере. «Кейюз» максимально компактен.

- Какое у него топливо?

- Дизельное.

- И насколько хватает одного литра?

- На восемнадцать километров по асфальту. Это немногим хуже, чем у мотоциклов.

Он говорил и говорил и, наконец, сказал:

- Послушай, Реджинальд, у меня есть идея. Я даю вам «Кейюз», бесплатно, если вы возьмете его на наше сафари и разрешите нам использовать это в рекламе. Только подумай о свободе, которую он вам обеспечит! Там, в меловом периоде, вам не придется беспокоиться о повернутом на экологии типе, который выскочит, как черт из табакерки, чтобы крикнуть: «Нельзя стрелять в эту тварь, это исчезающий вид!» Или другой штамп эко-чокнутых: «Здесь нельзя ездить на джипе, он разрушает хрупкую окружающую среду!» Там вы так же свободны от всего этого высоколобого вздора, как и наши предки - ваши и мои - когда они впервые появились на пустых континентах.

Мне подумалось, что у индейцев и коренных австралийцев может иметься на этот счет несколько иное мнение, так как для них Северная Америка и Австралия никогда не были «пустынями». Но спорить было бессмысленно. Совершенно очевидно, что бизнесмен Редмонд посчитал бы «высоколобым вздором» все, что хоть малейшим образом помешало бы продажам его продукции. Я только сказал:

- Предположим, что мы уже в прошлом, и вдруг ваш «Кейюз» ломается? Вы достаточно хороший механик, чтобы его починить?

Он замялся.

- Не особенно. Реджинальд, я могу поменять шину и все такое, но я не спец по ремонту машин. Вот что! У нас в агентстве есть первоклассный механик, Джо Вотс. Я возьму его с собой.

- По обычному тарифу? - спросил я, не желая, чтобы его механик прокатился за мой счет.

- Конечно. Раз Мелисса не едет, это обойдется мне не дороже, чем я уже запланировал в бюджете. А на самом деле, даже меньше, так как платить будет компания, и это будет вычитаться из налога на прибыль.

Он сновал начал рекламировать чудесные достижения «Супериор Моторс» и, в особенности, «Кейюз». Я прервал его:

- Большое спасибо, Чарльз. Я должен обсудить ваше предложение с моим партнером, который вернется из плиоцен на этой неделе. А сейчас мне нужно вернуться в офис.

На самом деле я не вернулся в свой офис, а пошел в офис газеты «Герольд». Там у меня был друг, который искал для меня информацию о сагибах, а теперь я попросил его посмотреть, что найдется о Редмонде.

Другой клиент? К тому времени он уже подписал договор. Его звали Рекс Лигонье, и я узнал от моего друга-журналиста, что он получил изрядное наследство, промотал его, живя на широкую ногу и делая неудачные инвестиции, потом попытался все исправить, женившись на девушке из богатой семьи. С тех пор у него не было постоянной работы, потому что эта жена постоянно заставляла его то чинить водопровод в их летнем доме, то делать еще что-то в этом роде.

Бывали времена, когда человек в его положении просто успокоился бы и стал наслаждаться жизнью как праздный джентльмен, но сейчас не то. В наше время любой взрослый мужчина чувствует, что ему приходится делать нечто, что оправдывает его существование: либо зарабатывать деньги, либо, если он уже богат, работать волонтером на какой-то неоплачиваемой работе. Это началось то ли с янки и их протестантской рабочей этики, то ли с немцами. В любом случае, такой стиль распространился на весь западный мир. Я не знаю, добрался ли он до вашей страны, но если нет, то доберется.

Бедолага Рекс Лигонье попробовал себя на нескольких работах, которые, несмотря на отсутствие специальной подготовки, он смог получить благодаря связям в высшем обществе и приятной внешности. Но долго нигде не продержался, потому что отовсюду жена его выдергивала. Я не психиатр, но подозреваю, что она поступала так, чтобы удержать его под каблуком и помешать ему стать слишком независимым. Поэтому теперь его мучило чувство вины из-за того, что он живет на деньги жены, не зарабатывая себе на жизнь.

Он связался с «Реки и Айяр», потому что, как и Редмонды, Лигонье только что построили большой новый дом, скорее даже особняк. Я считал, что у нас с женой хороший дом, но по сравнению с домом Рекса наш дом выглядел как крольчатник. Миссис Лигонье решила, что стена над одним из каминов, в которых никогда не будет гореть живой огонь, нуждается в голове какого-нибудь доисторического зверя. Ей было все равно, из пермского периода он будет или из плейстоцена, требовалось лишь, чтобы голова оказалась большой и уродливой, став этакой дежурной темой для разговоров. Поэтому она и послала Лигонье к нам.

Если подумать, то и мы с Раджой несем ответственность за появившуюся у нуворишей моду развешивать на стены головы вымерших животных. Лет сто-двести тому назад вешали охотничьи трофеи, в основном головы разнообразных оленей со стеклянными глазами. Люди, которые могли позволить себе путешествия, часто добывали трофеи в Азии и Африке, например, буйволов и носорогов.

В наши дни это практически невозможно, поскольку то, что осталось от дикой природы, ограничивается заповедниками и резерватами, а местные рейнджеры, скорее всего, сначала выстрелят, а только потом спросят, не браконьер ли вы. Я не раз отказывался от предложений привезти из прошлого голову определенного доисторического зверя, чтобы потом какой-нибудь человек-ничтожество повесил ее у себя и вдохновенно врал, как он ее добывал.

Но так неспортивно. Я им отвечал - если вам так уж нужна голова динозавра, можете чертовски замечательно попутешествовать с нами и добыть ее самостоятельно. Не стану утверждать, что не сдался бы, если бы взятка оказалась достаточно большой - у меня двое детей в колледже. Но до сих пор такого не случалось.

РЕКС ЛИГОНЬЕ, что по росту, что по внешности был довольно обычным парнем, но был он моложе Редмонда, и волос имел больше. Редмонд потерял большую часть своих, а те, что остались, стали серебристо-серыми. Лигонье был гораздо менее агрессивным, чем Редмонд, куда скромнее, его можно было даже назвать застенчивым. Там, где Редмонд был готов спорить о чем угодно, особенно если удавалось вплести в разговор восхваление «Супериор Моторс», Лигонье уходил от споров. Если бы вы поделились с ним свежей идеей, что, мол, Земля плоская, он бы только и сказал: «Конечно, вы правы».

Что касается Чарльза Редмонда, то с деловой стороны я узнал о нем только хорошее. Он был честен, справедлив, сообразителен и обладал энергией, которой хватило бы на двоих.

Личная же его жизнь была не такой гладкой и непрерывной. Его жена, с которой я познакомился, была пятой. Он, как и некоторые другие богачи, коллекционировал жен. Как только жена начинала выглядеть стареющей и скучно-привычной, такой человек ее бросает и ищет кого помоложе. Можно подумать, что девушки знают о его послужном списке и сами его ловят. Возможно, они считали, что при разводе смогут вытащить из него достаточно, чтобы им хватило до конца жизни. Я семейную жизнь представляю по-другому, но это не мое дело.

РАДЖА СО СВОИМ отрядом вернулся из плиоцена по расписанию. Он не потерял ни одного клиента, и они привезли с собой пару голов мастодонтов, а еще несколько голов разнообразных оленей - родственников современной американской вилорогой антилопы, - со странным расположением рогов. На одной голове имелось четыре рога, на другой два длинных прямых рога, закрученных што-

пором, еще у одной на носу торчал раздвоенный рог, нашлась и парочка с рогами на обычном месте.

Пока мы наводили порядок после этого сафари, я рассказал Радже о нашей следующей экспедиции с Редмондом и Лигонье в меловой период. Он с энтузиазмом воспринял новость о «Кейюзе», но Чандра Аяяр с энтузиазмом относился к каждой новой идее, не- важно - хорошей, плохой или нейтральной.

Первоначально предполагалось, что, пока я буду нянчиться с Редмондом и Лигонье, он останется руководить офисом, но перспектива гонять на «Кейюзе» по мезозойским пустошам настолько прельстила его, что он упросил взять его с собой, а за главного оставить мисс Минакути. Я сдался, в основном потому, что наш календарь на оставшуюся часть года был уже довольно полон. В расписании Прохазки оставалось чертовски мало временных интервалов, в которые мы могли бы вклиниваться с сафари между теми, что уже были зарезервированы для ученых.

Итак, прекрасным весенним утром мы собрались в здании профессора Прохазки, у входа в переходную камеру. Кроме нас с Раджой присутствовали Чарльз Редмонд, Рекс Лигонье и Джозеф Вотс, механик Редмонда. Вотс был невысоким, волосатым парнем, выглядевшим словно пережиток плейстоцена, но он оказался тихим и уважительным, редко говорил что-либо, кроме «Да, мистер Редмонд» и «Нет, мистер Редмонд». И, конечно же, здесь находился Борегар Блэк со своей командой, лагерным оборудованием и дюжиной ослов для перевозки вещей при перемещении лагеря.

МЫ ВЫБРАЛИ время, отстоящее на тысячелетие ближе к нашему от одного из наших первых сафари (или, если угодно, *сафариин*), того, в котором мы потеряли клиента, сожранного тираннозавром, потому что другой клиент не выполнял наши приказы. В этот период камера материализуется на вершине скалистого взгорья, откуда можно увидеть Канзасское море на западе, большое болото зауроподов вокруг залива, а на севере низкий хребет, который Раджа назвал Джанпурскими Холмами в честь княжества своих предков. За шестьдесят или семьдесят миллионов лет до этого времени к северу оттуда находился действующий вулкан, но в более позднем меле он был давно потухшим и разрушившимся. Один геолог мне говорил, что в Джанпурских Холмах он нашел остатки лавы, извергавшейся из этого вулкана.

Раджа, я и сагибы, вместе с рюкзаками и ружьями, залезли в кабину, а следом закатили «Кейюз». Получилась плотная упаковка, всем удалось разместиться только благодаря тому, что двое из нас

- Ричмонд и Раджа, уселись tandemом на ковшообразных сиденьях. Я подал сигнал о готовности Брюсу Коэну, оператору камеры, он подкрутит свои циферблаты и нажал на кнопки.

Переход во времени в первый раз дьявольски ошеломляет. Вас трясет, вы ощущаете тошноту и головокружение, причем до такой степени, что Коэн оборудовал кабину гигиеническими пакетами для тех, кому заплохеет. Он очень переживает за чистоту переходной камеры.

Как обычно, мы с Раджой выбрались первыми, с нашими пушками наготове на всякий случай. Потом вышли остальные; нам пришлось вытаскивать «Кейюз» вручную, потому что на скальном склоне дверь камеры оказалась на полметра над землей. Потом Коэн закрыл дверь. Камера дрогнула и со свистом исчезла, отправляясь обратно в двадцать первый век, чтобы доставить Блэка, его команду и ослов. На это понадобилось еще три поездки.

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ мы с Раджой взяли Редмонда и Лигонье на обычную охоту за свежим мясом. Вотса охота не интересовала. Он предпочел остаться в лагере и осмотреть «Кейюз», чтобы убедиться, что все гайки туго затянуты, а трубки не подтекают.

Я бросил монету, чтобы посмотреть, кто получит шанс стрелять первым, и выиграл Лигонье. Когда мы наткнулись на пару поедающих листья тесцелозавров размером с человека, я прошептал Лигонье:

- Это для вас, Рекс. Поехали!

Лигонье поднял ружье и прищурился. Он держал штуцер довольно уверенно - я проверял его на стрельбище и счел его достаточно компетентным стрелком. Однако он не стрелял.

Через некоторое время он опустил винтовку, сделал несколько глубоких вдохов и сделал новую попытку. Но опять не выстрелил.

Наконец он опустил ружье и с бледным, напряженным лицом повернулся ко мне.

- Извините, Реджи. Я просто не могу.

- А? В чем дело, приятель?

- Я просто не могу заставить себя стрелять во что-то живое. Если бы мне собственоручно пришлось забивать животных на мясо, я стал бы вегетарианцем.

- Вот бедолага! - пробормотал Редмонд. - Хотите, Рекс, я застреляю его для вас?

- Счел бы это услугой, - с трудом переводя дыхание, пробормотал Лигонье. - Действуйте!

Этот обмен любезностями встревожил тесцелозавров и они пустились прочь. Редмонд хладнокровно вскинул тут же грохнувший штуцер. Один тесцелозавр мгновенно упал, дрыгая ногами и извиваясь, что свойственно рептилии, даже если отрезать ей голову. Другой сбежал. Редмонд, как мы потом выяснили, сделал отличный выстрел, пробив маленький мозг в черепе тесцелозавра, несмотря на то, что в это время животное двигалось, дергая головой взад-вперед словно курица.

- Отлично! - сказал я. - Кто хочет добить его?

- Позволь мне, - сказал Раджа, и пошел работать над дергающейся тушей своим чертовски хорошим ножом, который постоянно носит с собой.

За рекордное время он выпотрошил тесцелозавра и приготовился прицепить ноги туши к шесту для переноски.

Пока он это делал, я присматривал за Лигонье, на случай, если тот потеряет сознание. Рекс сознания не потерял, но его кожа становилась все бледнее и зеленее, а глаза все больше и больше. Наконец он пробормотал «Извините!» и сбежал к ближним кустам. Оттуда я слышал, как он извергает содержимое желудка.

К тому времени, как он вернулся, у нас имелся шест и туша, висевшая на нем, все было готово, чтобы взять ношу на плечи. Лигонье настоял, чтобы один конец шеста достался ему, вроде как для компенсации его провала в качестве охотника. Когда Лигонье поднял свой конец шеста - потом его должен был сменить Редмонд - я спросил его:

- И что, такие неприятности для вас обычны?

- Н-ну... боюсь, что да. Не то, чтобы я когда-либо занимался охотой. Просто терпеть не могу вида крови.

- Тогда зачем, ради Альджиры, вы отправились на сафари, если понимали, что это не для вас?

Свободной рукой он сделал беспомощный жест.

- Моя жена настояла...

- Думаете, сможете попробовать еще раз?

- Я полон решимости сделать это, Реджи! Я не позволю людям думать, что я... что я не...

Он не закончил фразу.

Потом Раджа взял передний конец шеста, а Редмонд - задний. Должен заметить, что Чарльз Редмонд повел себя в этой ситуации вполне порядочно. Иные мужчины начали бы измываться над Лигонье, ставя под сомнение его мужество и храбрость. Но только не Чарльз Редмонд.

- Ладно, Рекс, просто у тебя был плохой день, - сказал он. - В следующий раз все будет по-другому. Иди и сражайся! Когда сядешь на «Кейюз», обретешь нужную тебе силу!

Поистине Редмонд повсюду станет рекламировать свою машину!

Когда мы вернулись в первый лагерь, Джо Вотс обихаживал тряпкой и так сверкающей «Кейюз». Он поднял взгляд и сказал:

- Мистер Редмонд! Думаю, он готов, но должен кое-что вам рассказать.

- Да? - спросил Редмонд.

- Пока я работал над машиной, один из этих здоровенных динозавров вышел из-за деревьев и убрел в ту сторону.

- Какой динозавр? - спросил я.

- Боже ж мой, мистер Реки, я ничего в них не понимаю. А понимаю я только, что напугался так, что едва не обделался, и что у меня нет оружия...

- Я могу сказать, - вмешался Борегар Блэк. - Джо закричал нам, и я сказал ему, что этот безобидный и травоядный. Знаете, с длинным шипом, торчащим из затылка. Пара... Пара...

- Паразауролоф, - подсказал я.

- Может быть, он и безобидный, - сказал Вотс, - но кому понравится, если поблизости шатается животное достаточно большое, чтобы раздавить тебя, если наступит? А он как раз все время и шатался неподалеку, поглядывая на меня с «Кейюзом».

- И чем, в конце концов, закончилось? - спросил Редмонд.

- Ну, через пару часов он убрался и больше его я не видел.

Вы спрашиваете о паразауролофе, мистер Ахмади? Это один из самых больших гадрозавров, иначе утконосых динозавров. Все они передвигаются на двух ногах, питаются растениями, некоторые имеют своеобразные гребни в виде шипов или веера. Из черепа назад торчит костяная трубка длиной более метра, вроде рога орекса, саблерогой антилопы. Только это не рог, так как он заканчивается этакой луковицей. Когда-то думали, что это своего рода трубка для дыхания под водой, но после изучения черепов оказалось, что трубка в конце закрыта и дышать через нее нельзя.

Теперь спорят о том, является ли эта штука своего рода резонатором, усиливающим внешние звуки, или же это дополнительная часть дыхательной системы, позволяющая лучше улавливать запахи. Возможно и то, и другое. Утконосы нуждаются в остром зрении, слухе и обонянии, которые смогли бы предупреждать их о появлении тварей типа тираннозавра. У них нет брони, как у анкилозавра, рогов, как у цератопса, и они не могут бегать так быстро, как так называемые страусы-динозавры. Защита утконосов - это их

система раннего предупреждения, позволяющая им увидеть карнозавра до того, как он сам их заметит, и успеть убраться ко всем чертям.

И РЕДМОНД, И ЛИГОНЬЕ очень вымотались в своем первом походе, поэтому мы решили дать им отдохнуть весь следующий день и только потом переносить наш лагерь. У Редмонда был отличный бинокль. Он и Лигонье провели этот день, по очереди разглядывая далеких динозавров и опознавая их, восторгаясь при этом, как пара бердватчев, увидевших желтобрюхого дятла-сосуна.

Во второй половине дня из зелени вылез паразауролоф и подошел к лагерю. Мы все повскакали, с ружьями наготове, но крупный гадрозавр нас игнорировал, глядя только на «Кейюз», который был припаркован на открытом пространстве между палатками и местом, где появлялась переходная камера.

- Вот, Рекс, - сказал я Лигонье, - вот ваша голова, если сможете заставить себя выстрелить.

- Окей, - ответил Лигонье, и прицелился.

Но произошло то же самое, что и накануне. Он целился и снова целился, но не смог заставить себя спустить курок. Потом он опустил штуцер.

- Бесполезно, Реджи. Кроме того, не слишком честно убивать его, когда он стоит в нескольких метрах и просто смотрит. Не хочу походить на тех типов, которые платят огромные деньги, чтобы подойти к белому носорогу, выросшему на ферме и прирученному, как корова, и застрелить его.

- Зависит от того, что вам нужно, - сказал я. - Хотите, чтобы я застрелил его для вас, как Чарльз тесцелозавра?

- Нет, сэр! Я полон решимости сделать свой собственный выстрел!

Он целился еще какое-то время, но так и не выстрелил. Через некоторое время игнорировавший нас гадрозавр открыл рот и не то заревел, не то замычал. Это был определенно мощный звук, вроде сирены, или органного аккорда с максимальной громкостью. Завибрировало все во всей округе.

Рекс Лигонье опять поднял штуцер, но снова без толку. Гадрозавр взревел снова, а Борегар Блэк сказал:

- Знаете, мистер Реки, если бы я не думал, что это полный бред, я бы поклялся, что он пытается приударить за этим трактором, пусть тот даже немало не похож на гадрозавра-самку.

- Возможно, - сказал Раджа, - испарения дизельного топлива действуют как феромон.

- Эй, Чарльз! - засмеялся Лигонье. - Вот шанс скрестить динозавра с твоим «Кейзом»!

- Не для того мы его разрабатывали, - ответил Редмонд. - Если ты вдруг воспылаешь страстью к лобстеру, что станешь делать?

- Ой, не надо! - воскликнул Лигонье. - При одной мысли об этом меня охватывает дрожь!

Динозавр напоследок еще раз горестно взревел и удалился.

МЫ С РАДЖОЙ решили для начала перенести наш лагерь в юго-западном направлении, чтобы добраться до болота зауроподов. Мы не могли подойти прямо к берегам болота, как это бывало в других сафари. Низменности вокруг болота сильно заросли саговником, поэтому пришлось бы прорубаться сквозь него. Там под ногами такое месиво, что вы с каждым шагом прибавляете в росте на полсантиметра из-за грязи, налипающей на подошвы ботинок.

Хотя и Раджа, и я неплохо справляемся и в таких условиях, мы считаем, что для большинства наших клиентов это чертовски изнурительно. Смерть клиента от сердечного приступа - последнее, чего мы хотим. На бизнесе такое плохо оказывается. Бедный молодой Холлингер, съеденный тираннозавром, едва не обанкротил нас.

Однако на востоке имеется небольшой ручей, впадающий в болото. Раджа назвал его Нарбада; говорит, что ждет, когда он наткнется на действительно большую реку, которую сможет назвать Гангом или Брахмапутрой*. Почва там прочнее, а растительность не такая густая, чем у самого болота.

Кроме того, у нас с собой было детище Редмонда. Я не представлял, как мы сможем пройти сквозь плотные заросли, граничащие с болотом. Когда мы доставили его туда, то, не выбирай мы тщательно место для парковки, он бы так увяз в иле, что его больше никогда бы не увидели.

Мы увели наших сагибов пораньше, чтобы Блэк и его ребята смогли спокойно собрать лагерь. Они здорово в этом наловчились - менее чем через час после того, как палатки освободились, все было упаковано и погружено на ослов.

По пути в наш новый лагерь на Нарбаде особых инцидентов не было. Мы видели нескольких динозавров и других животных, в том числе большого анкилозавра, приземистого и бронированного. Он просто прижался к земле, размахивая длинным хвостом с костным

* Нарбада (иначе Нармада, англ. Narbada), Ганг (англ. Ganges), Брахмапутра (приток Ганга, англ. Brahmaputra) - реки в Индии. (Прим. перев.)

набалдашником на конце, предупреждая нас, чтобы мы не подходили слишком близко.

Редмонд сказал, что лучше поедет на «Кейюзе», так ему привычнее. Так он и ехал, объезжая препятствия с уверенностью водителя-ветерана. Остальные пошли пешком.

Мы прибыли на место вскоре после полудня, и еще через два часа помощники разбили новый лагерь. Затем Раджа спросил Редмонда, нельзя ли ему попробовать прокатиться на «Кейюзе». Он был полон мальчишеского энтузиазма, хотя на самом деле он такой же зрелый семейный человек, как и я. Редмонд немедленно дал добро и показал, как управлять машиной.

Там, где берег Нарбада изгибается, с внутренней стороны есть широкий песчаный пляж. Мы разбили лагерь на невысоком берегу над пляжем. Чандра Айяр умчался, взмахнув шляпой и крикнул:

- Йиппи! Вперед, маленький песик!

Кричал он и прочие выражения из лексикона американских ковбоев.

Он носился по пляжу туда-сюда, разгоняясь все быстрее и быстрее. Затем, в конце трассы, он снова начал крутой поворот, только на этот раз грязь под колесами оказалась слишком жидкой. «Кейюз» пошел юзом, закрутился и с шумным всплеском влетел в Нарбаду, прихватив с собой и Раджу.

На глубине чуть меньше метра «Кейюз» упал на бок, прижав Радже ногу. Разогнувшись и вытянувшись изо всех сил, тот едва смог поднять лицо над водой. Задыхаясь и пуская пузыри, он закричал:

- Помогите!

Все завопили и принялись бегать, словно куча безголовых куриц. Я заорал, чтобы Блэк с помощниками тащили веревку.

- Собираешься привязать его и вытащить? - спросил Редмонд.

- Не будь дураком! - закричал Лигонье. - Он прижат, разве не видишь? Сначала мы должны вытащить машину. Могу я сделать это, Реджи?

- Это моя работа, вообще-то - сказал я. - В болоте есть большие крокодилы, по сравнению с которыми крокодилы нашего времени выглядят как ящерицы. Если такой поднимется вверх по реке...

- К черту! - воскликнул Лигонье. - Давай!

Он схватил конец веревки и защелпал по воде. Когда он добрел до «Кейюза», где вода доставала ему почти по пояс, он присел и завязал петлю под водой вокруг рулевой колонки. Потом махнул, чтобы мы тянули. Он доказал, что мужества ему не занимать и, подозреваю, ему в голову пришло то же самое.

Мы потянули, и машина сдвинулась. Когда она оказалась на глубине по лодыжку, подошел Джо Вотс, поднял «Кейз» вертикально и вытолкнул его на берег. Не думаю, что кто-нибудь из нас мог повторить такое в одиночку. Джо оказался чертовски сильным парнем.

За ним вышли Рекс Лигонье и Чандра Айяр. Одной рукой Раджа обхватил шею Лигонье, тот помогал ему идти. К счастью, нога у Раджи не сломалась, хотя он заполучил синяк размером с вашу ладонь и хромал до конца этого сафари.

Пока все мы толпились вокруг Раджи, высматривая, что он чувствует и что у него сломано, Джо Вотс лишь с укоризной посмотрел на него, оторвав взгляд от машины. Он сказал:

- Вы не должны были этого делать, мистер Раджа. Нельзя так обращаться с хорошей техникой.

Мы согласились, что на один день пришлось достаточно волнений. Остаток дня и до глубокой ночи Вотс тщательно перебирал «Кейз», чистил и сушил каждую деталь и там, где необходимо, смазывал.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ мы только наблюдали за зверем: ниже по течению, близ устья Нарбада, где река теряется в болоте, имелась пара зауроподов. Преобладающим видом зауропода в это время и в этих местах является апатозавр.

Среди зауроподов они середняки, большинство взрослых особей в длину меньше двадцати метров, хотя мы как-то наткнулись на чертовски здоровенного, тридцатиметрового. Хотя им нравятся болота из-за неограниченных запасов зелени, это неправда, что они привязаны к водно-болотным угодьям. Они прекрасно ходят по сухе и часто так и делают, когда их бесконечная охота за кормами уводит их от рек и болот.

Нам не попадались тероподы, годные в качестве трофея для Редмонда, и ничего, что могло бы обеспечить в особняке Лигонье дежурную тему для разговоров. Наблюдался только один из суперкрокодилов, фобозух, валявшийся на песчаной отмели, распахнув пасть, чтобы маленькие птички могли чистить у него между зубами, и кружило несколько мелких птерозавров, охотящихся на насекомых. Кстати о насекомых - они докучали нашим сагибам и кусали их, несмотря на репелленты, которыми те обмазались. Наконец насекомые их так достали, что сагибы радостно прекратили наблюдение за природой, когда их позвали на обед.

После обеда я заметил, что Редмонд и Раджа сидят рядом, при чем Редмонд читает лекцию о замечательных особенностях «Кейюза». Наконец они поднялись, и Редмонд сказал:

- Смотри, Раджа, как я это делаю!

Он забрался на переднее сиденье и завел машину, та заработала с узнаваемым тарактением дизельного двигателя. Редмонд медленно включил сцепление, и «Кейюз» легко, как перышко, двинулся. Он проехал вдоль пляжа, параллельно воде, по тому же самому маршруту, что и «ковбой» Раджа, но медленнее и аккуратнее.

Все шло гладко, пока Редмонд не доехал до конца и не начал разворачиваться. Он заехал дальше, чем Раджа, туда, где пляж сужался до такой степени, что места для разворота не оставалось. Нужно было вернуться задним ходом и потом выруливать.

Он этим и занимался, когда мы все подпрыгнули, услышав ужасающее мычание - или гудение, или завывание. Как бы этот рев не называть, но его издавал паразауролоф. Звук, можно сказать, прошел через наши черепа. Крупный гадрозавр вышел из-за деревьев и двухметровыми шагами направился к Редмонду и его «Кейюзу».

Редмонд в ужасе поднял взгляд и увидел, что над ним нависает существо, обладающее не только внушительными передними конечностями, но и громадным детородным органом в форме крючка и размером с человека. И этот орган с каждой секундой распрямляется и удлиняется.

Я не знаю, решил ли Редмонд, что гадрозавр собирается его погнать, но он сделал единственное, что мог. Он газанул на полную.

Именно в этот момент гадрозавр схватил Редмонда большой четырехпалой лапой. Ее нельзя назвать полноценной ладонью, так как на ней нет большого пальца и, в отличие от нас, гадрозавр не может двигать пальцами по отдельности. Но он смог согнуть ладонь крючком и зацепить воротник охотничьей куртки Редмонда. Когда динозавр выдернул Редмонда с сиденья, двигатель взревел и «Кейюз» прыгнул, как испуганный кенгуру. Жаль, что никто не имел наготове фотокамеру, хотя сомневаюсь, что фотография Редмонда, висящего в лапе динозавра, способствовала бы массовым продажам «Кейюзов».

Гадрозавр посмотрел на Редмонда, очевидно, решил, что в пищу он не годится и отбросил в сторону. Потом он ринулся за «Кейюзом». Неуправляемая машина влетела в реку и продолжала двигаться, пока примерно в десятке метров от берега не исчезла из виду. Двигатель заработал с перебоями и заглох.

Гадрозавр пошел туда, где исчез «Кейюз». Он опустил голову под воду, и мы могли видеть только длинный позвоночник. Через

несколько секунд он снова поднялся и издал еще одно долгое заывание. Возможно, это игра моего воображения, но мне его крик показался траурным плачем.

Он стоял там несколько минут, то окуная голову, то с воплем ее поднимая. Потом он принял настороженно озираться. Причина вскоре стала понятна. Из зарослей появился теропод, а именно горгозавр. Он очень похож на знаменитого тираннозавра, но меньше, легче, быстрее, и, если на то пошло, опаснее.

Горгозавр двигался быстро, мотая головой при каждом длинном шаге. Он подступал к гадрозавру, стоявшему в реке. Гадрозавр побежал, но слишком поздно. Челюсти горгозавра сомкнулись на задней ноге паразауролофа, во все стороны полетели брызги. Пока гадрозавр пытался удержаться на ногах, горгозавр когтями задней ногой прижал тело жертвы, а зубами, отпустив ногу, вцепился ей в живот.

Битва породила такое множество всплесков воды, что было трудно понять, что именно происходит. Наконец раздался громкий треск и горгозавр выпрямился, сжимая челюстями массу кишок. Прижимая горгозавра задней ногой, горгозавр встал и потратил несколько минут, проглатывая комок, заполнивший его пасть. Как и у змей, их черепа растягиваются так, что они могут за раз заглотить удивительно много. Стоя прямо, горгозавр глотнул - и в его пасти освободилось несколько сантиметров, глотнул - и пища продвинулась немного дальше, и это продолжалось, пока все не закончилось. Мы видели, как растягивается горло, оно уже выглядело готовым вот-вот лопнуть, когда огромный комок провалился в желудок. Рекс Лигонье пробормотал извинения и отправился в кусты.

Горгозавр начал еще один глоток, когда рядом со мной грохнуло ружье Редмонда. Он забрался к нам, весь покрытый песком и грязью, и схватил свой штупер. В нашей палатке Раджа взял ружья, мое он просто передал мне.

Горгозавр упал с громким всплеском. Редмонд воскликнул:

- Вот наши трофеиные головы! Когда мы вытащим их на берег, я возьму голову теропода, а Рекс возьмет вторую.

Проблема заключалась в том, что, будучи рептилиями, они умирали целую вечность, хотя Редмонд сделал еще и контрольный выстрел в голову. Только ближе к закату оба динозавра перестали дрожать и дергаться. Я побрел туда, заодно и увидел, что случилось с «Кейнозом». Я обвязал веревкой ногу горгозавра и мы начали тащить его на берег. Когда все мужчины - Раджа со своей пострадавшей ногой и я, сагибы и помощники - не смогли его вытащить,

Борегар подцепил еще и ослов. С их помощью мы выволокли тушу на пляж.

Потом мы начали делать то же самое с гадрозавром. Мы отлично справлялись, когда Лигонье заорал:

- Эй, у нас гости!

Так оно и было. Один из гигантских крокодилов, возбужденный кровью, растекшейся вниз по реке до болота, приплыл вверх по течению и схватил другую ногу гадрозавра, ту, к которой мы не привязывали веревку. Это остановило спасательную операцию. Мы, мужчины и животные, тянули за веревку, а крокодил молотил по воде хвостом. Ни одна из команд не уступала другой больше сантиметра. Я не мог толком разглядеть крокодила в грязной и кровавой воде, но догадывался, что в нем метров пятнадцать, и что он достаточно крупный, чтобы проглотить человека целиком.

После нескольких минут перетягивания каната крокодил попробовал еще один трюк. Поскольку крокодилы не могут жевать мясо, они глотают его целиком. Это означает, что они должны разделить добычу на куски приемлемого размера. Крокодил быстро перевернулся и крестился до тех пор, пока большая часть ноги не оторвалась с громким щелчком. Крокодил поплыл обратно вниз по течению с этой конечностью в пасти, позволив нам вытащить остатки туши на берег.

- Ладно, - сказал я, - если вам, ребята, нужны головы, вам придется их отрезать немедленно. Мы перемещаем лагерь сегодня же вечером.

- Боже правый! - воскликнул Редмонд. - Вы спятали, Реджи?

- Не настолько, чтобы оставаться здесь. Эти две туши привлекут других тероподов, и, возможно, еще больше крокодилов. Мы можем оказаться в гуще битвы местных королей за туши, а плотоядные рангом пониже, но желающие получить свою долю, обратят внимание на ослов или на нас. Если мы попытаемся отбиться от них ночью, то, скорее всего, перестреляем друг друга.

Они немного поворчали, но я ясно дал понять, какой кровью все может обернуться.

- Но мой «Кейзюз»! - воскликнул Редмонд.

- Похоже, провалился в яму, - сказал я. - Это два-три метра в глубину. Чтобы привязать веревку, нам нужно снаряжение и ныряльщик, который к тому же не боится оказаться в челюстях крокодила.

- Я хороший пловец, - сказал Лигонье. - Держу пари, я смогу нырнуть туда достаточно надолго, чтобы завязать петлю.

- Я в этом не сомневаюсь, - сказал я. - То же может сделать и Раджа, или, в крайнем случае, я. Но ночью, когда в любую минуту

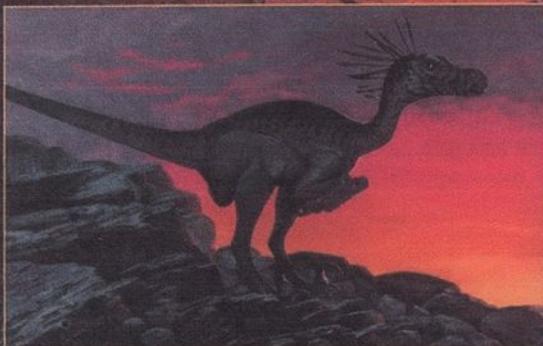
могут появиться гости-рептилии, это чертовски опасно. Мы не можем позволить себе терять клиентов, это плохо для бизнеса. Боюсь, нам придется просто списать эту коляску.

ЭТА НОЧЬ У НАС выдалась неспокойной, пришлось сворачивать лагерь и чуть ли не на ощупь удаляться от реки при свете электрических факелов. Рассказывать об этом сафари больше нечего. Пришлось перераспределить нагрузку, чтобы Раджа мог ехать на осле, потому что ходить ему все еще было больно. Мы разбили еще два лагеря, наблюдали за другими представителями фауны мелового периода, потом вернулись на первоначальное место ждать, когда Коэн заберет нас. Мы доставили наших клиентов домой в целости и сохранности - и с трофеями.

Но вы теперь понимаете, мистер Ахмади, почему мы не любим автомобили на сафари. Сложно, но вполне возможно не позво-лить местным хищникам - будь то карнозавры, креодонты или саблезубы, - сожрать нас, или ослов, или нас вместе с ослами. Но если динозавр влюбляется в ваш транспорт - это, черт возьми, чересчур!

FROM THE WORLD'S LEADING SCIENTISTS AND VISIONARIES

The ULTIMATE DINOSAUR

PHILIP CURRIE
RAY BRADBURY
PETER DODSON
HARRY HARRISON
GREGORY BENFORD
SANKAR CHATTERJEE
and many more...

WHAT WERE THE DINOSAURS?

WHAT WAS THE WORLD LIKE IN WHICH THEY LIVED?

WHAT ENDED THEIR 150-MILLION-YEAR REIGN?

WHAT IF THEY HAD SURVIVED?

BYRON PREISS AND ROBERT SILVERBERG, EDITORS

III. В ПОИСКАХ КРОКОМАНДРА

БОГА РАДИ, мисс Браунли! Уверяю вас, я ничего не имею против женщин. Я сам женат, причем на одной и той же женщине уже двадцать с лишним лет, и мы прекрасно ладим.

Но пусть я и не самец-шовинист, однако, я, черт возьми, не изменю своего правила, запрещающего сафари во времени с дамами, во всяком случае, совместное с мужчинами. Я не говорю, что женщины не могут так же хорошо переносить все трудности вдали от цивилизации, как и мужчины. Но когда вы собираете маленькую и компактную разнополую группу, вы напрашиваетесь на неприятности. Когда людей вынуждают находиться так близко друг к другу, у них либо возникает тесная привязанность, либо они начинают ненавидеть друг друга. Добавление сексуального фактора делает просто сложную ситуацию невыносимой. Я расскажу вам, как однажды мы попробовали вести такой смешанный отряд и что из этого получилось.

Если ваша женская правозащитная организация хочет устроить сафари, на которое отправятся только женщины, мы рассмотрим этот вариант. Конечно, я должен учитывать, как воспримет это моя жена. Тогда, узнав, что я записал пять клиентов, включая одну женщину, на сафари в триасовый период, она сказала:

- Реджинальд Реки, о чём ты вообще думаешь? Собираешься защить эту девицу в саговники? Ты нарывашся на проблемы.

Я заверил ее, что у меня и в мыслях нет ничего подобного, но потом она с полным правом могла бы сказать: «Я же предупреждала тебя о проблемах!»

Нет, моя дорогая женушка никогда не говорила этого вслух, но-то я знал, что она подумала.

Примерно тогда, когда мы с Айяром организовали это разнополое сафари... Вот Чандра Айяр, он на фото на стене, возле убитого динозавра. Я называю его «Раджа», потому что он наследственный правитель небольшого индийского городка Джанпур. Конечно, в наши дни это чисто номинальный титул, вроде титула того француза, графа де Лотрека, раздразнившего зауропода, который тут же одним щелчком хвоста снес графу голову.

Мы с Раджой решили произвести эксперимент со смешанным сафари, чтобы посмотреть, как оно получится. Нашлась пара по фамилии Альварадо, Томас и Инес, которые хотели попасть в эпоху рептилий. Том Альварадо был полным мужчиной, испанцем. Он зарабатывал на жизнь пением в опере. Должно быть, пел он хорошо, раз смог позволить себе сафари во времени. Эта пара не особо

интересовалась охотой или трофеями, они были ненормальными бродягами, посетившими все континенты и большинство стран современной Земли и постоянно искавшими что-нибудь новенькое. Они даже не собирались брать оружие, но я уговорил их арендовать девятымилитровый «Манлихер», иначе экспедиция окажется слишком слабо вооруженной.

Я слегка вздрогнул, когда Том представил миссис Альварадо как «моя бывшая жена, Инес». (Он произнес ее имя так, словно оно рифмовалось со словом «бес») Когда позже я спросил его об этом, он ответил:

- О, да, мы с Инес давно уже развелись. Мы были не в состоянии жить вместе, но потом обнаружили, что нравимся друг другу больше, чем кому-либо другому. Так что мы, как это называют *americanos*, встречаемся.

Ну, я не считаю личные договоренности, какими бы странными они ни казались, моим делом. Инес была янки, полагаю, с мексиканскими корнями; у нее были потрясающие черные волосы, характерные для латиноамериканцев.

Из-за повышенного риска мы с Раджой решили не перемещать их в юрский или меловой период, где можно встретить самых зрелищных динозавров. У нас уже имелось предложение отправиться в триас, но клиент не мог позволить себе сделать это самостоятельно, потому что его грант из Оклендского музея естествознания не покрывал все расходы. Мы вынуждены устанавливать высокие цены, потому что в них включаются и расходы лаборатории профессора Прохазки - машина времени жрет фантастически много энергии.

Третий сагиб, палеонтолог, профессор сэр Эдред Нгата, был новозеландцем - колоритный верзила двухметрового роста, мощный как локомотив, с коричневой кожей и густыми черными волосами, едва тронутыми сединой. Кровь в нем, похоже, минимум на три четверти принадлежала маори. Я был рад видеть рядом с собой киви*, которого не смешил мой австралийский акцент.

Причина, по которой Нгата увлекся триасом, где дикая жизнь не такая впечатляющая, как позже, заключалась в том, что он хотел изучить маленьких ящериц, чтобы выяснить, кто из них стал предком рептилий и млекопитающих.

- Кроме того, мистер Реки, - сказал он, я хочу изучить распространение поздних рахитомов...

- Простите, - перебил я. - *Рахитиков?*

- Рахитомов, или обособившихся от них стереоспондилов. Это отряды амфибий, в триасе пришедшие в упадок, но все еще мно-

* Киви - прозвище новозеландцев, по названию нелетающей птицы киви. (Прим. перев.)

гочисленные и включающие в себя некоторых крупных существ, таких как параклотовавр, найденный в вашей собственной Австралии. Представьте себе тритона или саламандру, увеличенную до размеров крокодила, с огромной головой, приспособленной для ловли мелкой рыбы, и вы получите о нем хорошее представление.

- Может, стоит называть такое чудище «крокомандр», а? По крайней мере, это легче сказать, чем то, что вы только что произнесли.

Нгата рассмеялся.

- Точно, но короткие и простые латинские названия уже закончились.

- Ясно. Проблема в том, что едва я запомню одно из этих названий, на которых язык сломаешь, как появляетесь вы, красавцы, и меняете название или классификацию. Но чем примечательны именно крокомандры?

- С их помощью можно определить время распада Пангеи, - объяснил он.

- Вы имеете в виду тот суперконтинент, который, как говорят, когда-то включал в себя их все?

- Именно так. Разделение началось в триасе. Сначала северная половина, которую мы называем Лавразией, отделилась от южной Гондваны, и между ними образовалось море Тетис. Поэтому если мы найдем такого... хм, крокомандра на земле, которая стала Северной Америкой, и он будет очень похож на экземпляр с южного континента, то мы можем быть абсолютно уверены, что связь между двумя частями Пангеи к тому времени все еще существовала.

- Почему крокомандры не могли переплыть пролив, подобно гребнистым крокодилам?

- Потому что из-за своей мягкой и рыхлой кожи большинство земноводных не переносят соленую воду.

Четвертым сагибом стал американец Дезмонд Карлайл, знакомый Альварадо. Рослый парень, хорошо сложенный, с песочного цвета волосами и светлыми усами. Он занимался альпинизмом и считал, что висящие на стене головы крупных диких животных доказывают мужественность хозяина дома. Сам-то я перерос такие представления, но их не осуждаю, потому что они приводят клиентов в фирму «Реки и Айяр, Сафари во Времени». Карлайл собирался отправиться в меловой период за тираннозавром, но решил, что прогулка в триас станет хорошей тренировкой.

Последним присоединился молодой человек по имени Уиллард Смит. Он был из одной из тех сложных семей, где оба родителя много раз разводились и снова сходились. Один из его многочисленных отчимов подарил ему сафари во времени на окончание колледжа. Я слышал, что в таких проблемных семьях гарантированно вырастают несовершеннолетние правонарушители, наркоманы и

преступники, однако молодой Смит на такого не походил. Он, тем не менее, признался:

- Мистер Реки, надеюсь, вам не помешает, что я клатц?

- Э? - не понял я. - Что это? Член какого-то тайного общества, требующего обязательного контроля рождаемости для клоунов или нечто подобное?

- Нет, нет, ничего подобного. Это старое немецкое слово, так в Пенсильвании называют неуклюжего растяпу.

Это заставило меня задуматься.

- Ну, я не знаю. Если ты такой уж ротозей, то я не могу быть уверен, что, запнувшись о корень, ты не снесешь кому-нибудь голову?

- Да я и не собираюсь стрелять. Я буду вполне счастлив просто бродить по округе и фотографировать, вот это по-настоящему мне интересно.

Отчасти вопреки здравому смыслу, я все-таки оставил регистрацию Смита в силе, решив очень внимательно следить за юным Уиллардом. В былые геологические эпохи нельзя вызвать по телефону скорую помощь, которая доставит вас в больницу, если вы порезались, прострелили ступню или сломали ногу, попавшую в нору. Во всяком случае, раз у Смита не будет ружья, то он никого и не пристрелит случайно.

Охота на динозавров не слишком опасна, если вы двигаетесь плавно и правильно, и не совершаете глупых ошибок: не допускайте случайного попадания ветки в ружейную механику, не наступаете на хвост спящего карнозавра, не лезете на слишком маленькое дерево, с которого динозавр легко сможет вас сорвать. Даже неуклюжесть не смертельна, если у вас хватает здравомыслия, имеется хороший самоконтроль и, если вы принимаете все необходимые дополнительные меры, чтобы компенсировать недостаток координации.

И ВОТ, В ОДИН прекрасный весенний день мы собрались с нашим снаряжением в лаборатории профессора Прохазки здесь, в Сент-Луисе. Нас обслуживали наш давний погонщик Борегар Блэк, два помощника по лагерю и повар. К тому времени у нас с Раджой набралось достаточно опыта, чтобы мы не чувствовали необходимости отправляться вместе на каждое сафари. Один остается, чтобы работать в офисе, поэтому я сейчас здесь, а Раджа ведет группу в эоцене.

Однако на этот раз мы решили, что Раджа тоже должен принять участие, потому что это был новый для нас период, а еще потому, что это было наше первое экспериментальное сафари с разнополым составом участников. Раджа же в человеческих отношениях куда лучше меня. Он может успокоить перевозбужденного муж-

чину - извините, и женщину, конечно, - подбодрить унылого или успокоить раздраженного. Я так не могу и всегда ему завидую.

На других сафари мы перемещались по округе, раз шесть разбивая лагерь в разных местах. На этот раз мы решили, что поскольку с нами новички, один из которых женщина, нам лучше оставить лагерь там, где мы его устроим с самого начала, и просто совершить однодневные прогулки в разных направлениях. Поэтому нам не требовался караван ослов для перетаскивания снаряжения.

Что? Почему бы нам не воспользоваться внедорожниками? Однажды мы попробовали, но счастья нам это не принесло. Во-первых, учитывая размеры переходной камеры, мы смогли бы взять только самые маленькие, практически игрушки. Во-вторых, в случае, если у нас закончится топливо, бензина взять будут негде. В-третьих, в мезозое местность часто настолько заросла и так плохо дrenируется, что даже самым универсальным внедорожникам придется туда. И, наконец, если ваш джип сломается или утонет в реке, то все кончено; вы не сможете доставить его обратно к переходной камере. С другой стороны, ослы могут жить на подножном корму, а в тяжелых обстоятельствах вы можете их съесть - если только какой голодный хищник не опередит вас. А вот автомобиль, работающий на бензине, съесть не получится.

САГИБЫ И САГИБА, я и Раджа - все мы кое-как упаковались в переходной камере, вместе с оружием и рюкзаками. Так принято, что вооруженные отправляются первыми - неизвестно, что за приемная комиссия вас поджидает. Оператор втиснулся после нас, закрыл дверь и принялся возиться со своими кнопками и циферблатами.

Я попросил отправить нас в первое мая стосемьдесятпятьмиллионного года до нашей эры. Оператор в камере установил часы на эту дату и нажал красную кнопку. Свет погас, камеру освещала только маленькая лампочка, работающая от батареи. Сагибы принялись ворчать и жаловаться на головокружение, вибрацию, и на жутко неприятное ощущение свободного падения - мы-то с Раджой уже неоднократно испытывали все это и раньше.

Когда врачающиеся стрелки на циферблате остановились, оператор проверил по приборам, что может безопасно опустить камеру. Не стоит выходить из кабины посреди моря или на верхушке скалы. Иногда, чтобы найти подходящую площадку, приходится перемещать камеру по времени туда-сюда на полмиллиона лет, а то и больше. На этот раз нам посчастливилось сразу попасть на достаточно ровную почву. Нажатие на еще одну кнопку открыло дверь.

Как обычно, я спрыгнул вниз первым, с винтовкой наготове. Раньше я не бывал в триасе, но читал об этом периоде. Я увидел

волнистую местность, вдали вода, довольно обильная растительность - деревья и кусты, которые в наши дни встречаются только в виде куда более маленьких «живых ископаемых», как иногда называют хвоши и папоротники.

Из настоящих деревьев имелись араукарии, деревья типа гинкго и саговые, похожие на пальмы. Конечно, отсутствовала трава, она появилась только примерно через сто миллионов лет, не было и цветов.

Единственный образец фауны, замеченный мной при первом осмотре, мелкий ящер, сбежал, прыгая на длинных задних лапах. Я смотрел, как он исчезает в папоротниках, когда сэр Эдред Нгата оттолкнул меня плечом, вскинул штуцер и выпалил - *бах-бах!* - в сторону скрывавшегося двунога.

- Эй, сэр Эдред! - воскликнул я. - Вы же согласились, что станете стрелять только тогда, когда я разрешу!

- Ох, извините! - ответил Нгата. - Но он выглядел как текодонт, один из предков больших динозавров. Одна из моих целей - собрать образцы для вскрытия и препарирования. Наверное, я промахнулся, но, пожалуйста, позвольте мне посмотреть!

Он шагнул было вперед, но я его остановил:

- Черт возьми, сэр Эдред, сначала перезарядите ружье! И один из стволов обязательно патроном с картечью!

Он обернулся, смущенно улыбаясь.

- Конечно, вы правы. И забудьте о «сэре». Зовите меня просто «Эдред», ладно?

Долгое сердиться на такого дружелюбного человека, как Нгата, было трудно.

Между тем остальная часть отряда тоже вылезла из кабины, которая исчезла, отправившись обратно в Настоящее за Борегаром, его командой и снаряжением. Все это заняло некоторое время, в течение которого я осматривался вокруг, выбирая место для лагеря возле ручья.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА после установки лагеря заключалась в добыче свежего мяса. Поскольку я не знаком с этим периодом, я попросил совета у сэра Эдреда. Нам нужно было добыть животное, желательно растительноядное, не слишком большое (чтобы мясо не успело испортиться до того, как мы его съедим) и не слишком маленькое (в этом случае мяса не хватит). Нгата сказал:

- На вашем месте я бы попробовал дицинодонта. Думаю, они найдутся на возвышенности.

- Что такое дицинодонт?

- Чтобы получить о нем представление, просто вообразите безволосую саблезубую овцу - получится вполне похоже.

Поскольку было уже слишком поздно, чтобы начинать охоту, мы остались в лагере. Помощники установили одну большую палатку для себя и четыре маленькие палатки для остальных. Я поселил в одну Нгата и Альварадо, в другую Карлайл и Смита, еще одну предоставил Инес Альварадо. Мы с Раджой заняли оставшуюся палатку, поскольку нам надо было советоваться по организационным вопросам. Кроме того, мы дежурили по очереди, и так можно было не опасаться разбудить одного из наших «барашков», когда мы смеялись на вахте.

Если бы Альварадо были нормальной супружеской парой, я должен был бы отдать им отдельную палатку. Но я не знал, спят ли они сейчас вместе - извините, мисс Браунли, - это не то, о чем стоит спрашивать людей.

Выспаться оказался не так просто, как можно было бы подумать. Помимо больших тараканов, пришедших в лагерь на запах еды, среди насекомых нашелся гигантский сверчок, скрипевший хуже включенной сигнализации.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро мы отправились на обычную охоту за мясом. Мы поднялись в гору, продираясь сквозь папоротниковые заросли, но пока не попадалось никаких следов потенциальной добычи. Ходьба через густо растущие папоротники обеспечивает реальную нагрузку, так что мы вскоре все перепачкались и обливались потом. К тому же земля была настолько изборождена оврагами, что прогулка превратилась в постоянное карабканье вверх-вниз.

Мы видели пару целофизидов - поджарых длиннохвостых и двуногих плотоядных терапсидов, весящих примерно столько же, сколько и маленький мужчина... э... человек. Они рыскали в папоротнике в поисках более мелких существ, которые смогли бы схватить своими узкими зубастыми челюстями. Заметив нас, они тут же сбежали и исчезли. Карлайл, охотник по призванию, выстрелил им вдогонку, но промахнулся.

По мере нашего восхождения папоротник становился реже. По дороге Смит щелкал своей камерой во все стороны. Нгата взволнованно бегал туда-сюда, то и дела паля из своего дробовика двадцать восьмого калибра. Время от времени он возвращался, гордо поднимая мелкого ящера, прежде чем упрятать его в свою сумку. Раз я показал ему на пухлое животное, похожее на ящерицу, не больше крысы:

- Вон там еще один мелкий!

Нгата поднял свой дробовик, а потом опустил:

- Нет, лучше не надо. Похоже на иктиодозавра, я могу застрелить одного из своих предков!

- И в тот же миг, наверное, ты исчезнешь, как пламя задутой спички?

- А то и все мы.

- Скорее всего, чтобы предотвратить парадокс, нас всех вернет в свое время, разорванными на кусочки, - сказал я. - Именно так случилось с одним моим клиентом, который пытался занять одно и то же место дважды.

Через пару часов Альварадо пожаловался на боль в ногах. Поэтому я разделил отряд, со мной, как самые выносливые, пошли Карлайл и Нгата, а остальные остались с Раджой, отдохать.

Мы поднимались, и открывался пейзаж, где встречалось все больше пустого пространства между рощами из деревьев, напоминавшими гинкго, и хвойников, похожих на современные араукарии. Люди, ожидающие встретить в мезозое живописные пейзажи, будет разочарованы, так как там практически вся растительность такая же темно-зеленая и мрачная, а цветов и вовсе нет. Сквозь один из просветов в лесу мы увидели, за несколькими следующими холмами, большой конус вулкана, курившийся паром и дымом.

Вскоре после того, как мы разделились, я услышал шум, производимый животными. Нгата что-то пробормотал под нос и бросился было вперед, но я поймал его за руку.

- Полегче, полегче! Сначала надо посмотреть, с кем мы собираемся связаться.

- Но в этот период нет ни аллозавров, ни тираннозавров...

- Знаю, - сказал я, - но из того, что я прочитал, ясно, что некоторые хищники здесь достаточно крупные, чтобы убить человека.

Поэтому я пошел впереди, вглядываясь сквозь кустарник и держа винтовку наготове. Мы с Раджой использовали калибр .375 магнум. Дома мы оставили настоящих убийц динозавров - «шестисотки», решив, что нам не понадобится такая тяжелая артиллерия, которая способна обычную корову отшвырнуть так, что в кустарнике появится просека.

Наконец мы вышли на небольшую поляну, где кормились четыре динодонта. Я подкрадывался, прячась от животных за рощицей саговника, пока не добился хорошего обзора через просветы. Карлайл приотстал от нас, но несколько минут я не замечал его отсутствия.

Там паслись три самки и самец, отличавшийся от них своими бивнями. Не могу сказать, что они так уж напоминали безволосых овец. Безволосыми-то они были, но крепко сбитыми, размером и формой примерно с вашего американского черного медведя, их туловища сужались к заду, переходя в толстые хвосты, характерные для рептилий. Головы начинались с роговых клювов, вроде клювов черепах, к тому же у самца имелись саблевидные бивни.

Все четверо непрерывно жевали листья и стебли папоротника. Чертовски уродливые твари, хочу вам сказать, но, впрочем, полагаю, мы им должны казаться столь же противными. Когда я приготовился стрелять, Нгата тронул меня за руку.

- Подожди немножко. Хочу сначала понаблюдать за ними.

Так что мы стояли и смотрели, хотя наблюдать за тем как животные просто едят, жуют и жрут скоро прискучивает. Я снова прицелился, когда Нгата прошептал:

- Стой, Реджи! Что-то приближается!

Что-то оказалось еще одним дицинодонтом-самцом. Местный самец оторвал взгляд от еды и предупреждающе хрюкнул.

Новичок хрюкнул еще громче. Почти минуту оба стояли, хрюкая и зыркая друг на друга, если только можно так сказать об их тусклых взглядах.

Потом новичок вроде как зевнул, обнажая свои бивни. Местный самец тоже зевнул; и все это время они продолжали хрюкать. К этому моменту Карлайл догнал нас, пробормотав что-то о необходимости перешнуровать ботинки.

Новичок подошел ближе, зевая и хрюкая. Они кружили друг вокруг друга, пока я не перестал понимать, кто из них новичок, а кто местный. В конце концов, один из них, кем бы он ни был, оставил неровный разрез на плече другого и тот отступил, по-прежнему зевая и похрюкивая. Когда раненый, пятаясь, отошел на достаточное расстояние, он повернулся и поковылял прочь. На этом вся, с позволения сказать, битва титанов и закончилась. Все это время три самки продолжали жевать, словно эта дуэль их вообще не касалась.

- Нельзя оставить целых трех женщин без мужа, - заметил я, и обратился к Карлайлу: - Стреляйте. Цельтесь в ту, что слева.

Он выстрелил в ближайшую самку, и она упала. Остальная троица тупо оглянулись, но убегать не собирались.

- Они никогда не учились реагировать на выстрел бегством, - сказал Нгата. - Боюсь, нам придется их прогонять.

Он взял в руки ветвь саговника и двинулся к дицинодонтам, воля и размахивая веткой. Мы с Карлайлом пошли за ним, при этом тоже кричали и махали руками; вскоре трое оставшихся в живых развернулись и, не слишком торопясь, удалились.

К тому времени, как мы добрались до туши, Нгата уже ее измаял и записывал результаты. Пока он этим занимался, нас из кустов окликнул Раджа. Вскоре он подошел вместе с остальными членами нашего отряда. Молодой Смит непрерывно фотографировал.

Мы с Раджой достали наши ножи, чтобы выпотрошить животное, облегчая его для транспортировки в лагерь. У меня на такой случай в рюкзаке имелся складной шест из магниевого сплава. Но когда я начал выбрасывать потроха, Нгата закричал:

- Послушай, Реджи! Ты же не собираешься оставить здесь все эти замечательные кишкы?

- Конечно, собираюсь, - ответил я. - Какой смысл тащить в лагерь еще тридцать кило несъедобной дряни?

- Но мне нужно изучить все эти органы! Разве вы не понимаете, что никто никогда прежде не описывал внутреннюю анатомию дицинодонта? Нам удавалось работать только с костями! А мы ведь как будто шагаем по другой планете!

- Ну, если ты хочешь засунуть эту кучу кишок себе в мешок с образцами...

- Я не смогу! Сумка уже переполнена!

- Извини, но мы делаем только то, что можем. То, что мы не можем, просто не делаем. И у тебя еще будут возможности. Лучше помоги мне привязать ноги этой свинки к шесту.

Уговаривая и надавливая, мы с Раджой успокоили сэра Эдреда настолько, что он помог связать ноги зверя, чтобы мы могли нести его на шесте. Поскольку мы с Нгатой были самыми крупными мужчинами в отряде, мы и понесли шест. Мою винтовку взял Раджа.

На полпути к лагерю я попросил Уилларда Смита взять мой конец шеста, он был самым молодым и почти моего роста, а я уже не так молод, как прежде. Я и позабыл о том, что он, как он себя назвал, «клатц». Но не прошли мы и пятидесяти метров, как Смит запутался в собственных ногах и плашмя рухнул на тропу. Так как Нгата остался на ногах, то дицинодонт сполз вниз по шесту на макушку Смита и тому досталось чертовски неслабо.

Поэтому до конца похода я забрал шест обратно. Мы вернулись как раз вовремя, чтобы почаевничать и у нас осталось достаточно времени, чтобы почиститься перед ужином, на котором будут поданы стейки из дицинодонта. Наш повар, Мин, давно уже научился не удивляться виду существ, которых мы приносим в лагерь и просим приготовить.

Пока наша трапеза готовилась, мы сидели у костра, рассказывали байки и потягивали виски, а миссис Альварадо сидела, отмачивая ноги в ведре теплой воды. Альварадо, Карлайл и Смит тоже хотели бы распарить ноги, но имелось только одно ведро, поэтому я дал его в первую очередь Инес.

Что до виски, то я налил каждому весьма солидную порцию, но вскоре Дезмонд Карлайл попросил повторить.

- Извините, но нет, - сказал я. - Я предупреждал, что это на весь сегодняшний вечер.

- Мне спиртное только для смазки разговора, - проворчал он. - Я могу уговорить поллитра безо всяких последствий.

- Еще раз извините. Наши запасы рассчитаны на две недели. Я не хочу исчерпать их до возвращения камеры.

На самом деле меня больше волновало, что может случиться, если один из моих барабанов слишком расслабится от алкоголя. Мне случалось видеть на других сафари, как перепившие учиняли такую дурость, как драка. Никогда нельзя сказать, как человек отреагирует на алкоголь. Кто-то становится разговорчивым, кто-то любвеобильным, некоторые становятся подавленными, а некоторые - агрессивными. Единственный способ выяснить - напоить, но в таком окружении, за пару сотен миллионов лет до помощи, риск слишком велик.

Однако выпитого Карлайлу хватило, чтобы он разговорился. Он рассказал замысловатую историю об охоте на льва в Африке. Исходя из того, что я знаю об Африке, там не такая уж и охота; да на самом деле и не охота вовсе. Имеется львиная ферма, а когда появляется «герой» с достаточным количеством денег, льва выпускают в большой частный заповедник и отправляют туда «героя» с оружием.

Поскольку этот наполовину ручной лев никогда не учился нападать, не учили его и бояться человека, то он просто спокойно лежал или стоял, пока к нему не подходил герой-затейник и не расстреливал бедного зверя. Как на мой вкус, так очень неспортивно. Но потом я заподозрил, что Карлайл всего лишь хвастун со множеством вымыселенных приключений в запасе, про которые он любит трепаться, чтобы произвести впечатление на женщин.

Затем мое внимание привлек сэр Эдред Нгата. Он сидел на корточках перед тканью, на которой разложил живность, сбитую дробью. За исключением одной примитивной черепахи, все они напоминали ящериц, и выглядели, на мой неученый взгляд, очень похожими. Но, что самое удивительное, по крупному коричневому лицу Нгаты текли слезы.

- Эдред! - окликнул его я. - В чем дело, коббер*?

Он глянул вверх, подавил рыдание и глотнул виски.

- Ты не поймешь, Реджи. Я страдаю от информационной перегрузки.

- И что? Не слышал, что от излишка нового можно заплакать.

- Нет, просто здесь надо проделать такую чертовски колоссальную работу, а для нее имеется только один человек, и это я. Я даже краешка не могу зацепить. Как если бы ты был, скажем, историком, и тебя отправили бы с копировальной машиной в Александрийскую библиотеку во времена Птолемеев и сказали бы, что у тебя только час для копирования утраченных рукописей. Ты ведь понимал бы, что не сможешь за отведенное время скопировать больше одного процента, а как выбирать? Я нахожусь в подобной ситуации.

* Коббер (англ. *cobber*) - австралийское слово, означает «приятель, дружище». (Прим. перев.)

- Может, стоит положить эти образцы в банки со спиртом, прежде чем они начнут вонять?
- Ладно, - сказал он, утирая слезы.

ПОСЛЕ ДНЕВНОГО похода все изрядно устали, так что никто не возражал, чтобы разойтись пораньше. Мы с Раджой поговорили в нашей штабной палатке. В радиусе однодневных экскурсий маловероятно было наткнуться на зрелищные достопримечательности вроде огромного водопада, типа вашего Ниагарского. Имелся вулкан, который мы видели с того места, откуда унесли тушу динодонта, но я считаю, что вулканами, как и самыми крупными карнозаврами, следует восхищаться с почтительного расстояния.

Поэтому мы решили просто делать радиальные выходы по кругу, как говорится, «по розе ветров», выводя наших барабашков каждый раз в новом направлении, пока не закончатся две недели, отведенные на сафари. Потом Раджа сказал:

- Реджи, у меня неприятное предчувствие, связанное с нашей женшиной-путешественницей во времени.
- Боишься, что она развалится на тропе?
- Нет, она в хорошей физической форме, пусть даже после первого выхода у нее и заболели ноги. Но она - штучка сексуальная. То, как она потягивается, игривые взгляды на некоторых мужчин... Это вызывает у меня беспокойство. Нам стоит лучше приглядывать за ней.

Понимаете, мисс Браунли, я не ханжа. Ничего не имею против секса. Замечательное занятие и все такое, но только не тогда, когда это мешает нормальной работе фирмы «Реки и Айяр». Так что я сказал:

- Принято, Раджа!

Видите ли, Раджа - настоящий интуит. Я давно понял, что когда он предупреждает о проблемах, могущих возникнуть в человеческих взаимоотношениях, лучше к нему прислушаться.

КАК Я УЖЕ ГОВОРИЛ, я уступил Инес Альварадо свою палатку. Так что очень удивился следующим утром, когда, делая предрассветный обход в конце своей вахты, увидел, как здоровенный громоздкий маори, сэр Эдред Нгата, выбирается из палатки, которую я отвел миссис Альварадо.

- Какого черта? - спросил я, глядя на него в упор. - Я думал, ты с Томом.

Он захихикал, как ребенок, и поднял полог палатки, показывая, что палатка пуста. Наконец он сказал, сдерживая смех:

- Ну... Инес упросила меня поменяться с ней местами. А какой джентльмен откажет леди в такой простой просьбе?

- Вы знаете, что они были парой, но расстались?
 - Да, слышал. Но некоторые религии говорят, что если люди поженились, то это навсегда. Поэтому я подумал... ну...
 - Ладно, заканчивай, приятель, - сказал я. - Я больше забочусь о том, чтобы на сафари мои барашки остались целыми и невредимыми, а управлять их сексуальной жизнью не собираюсь.
- Поэтому я занялся своими делами. Когда Инес вылезала из палатки Альварадо, я просто посмотрел сквозь нее так, как будто ее не замечаю.

МЫ С РАДЖОЙ решили, что наши барашки достаточно устали от предыдущей вылазки, поэтому на следующий день мы никуда не пошли. Довольный Нгата исследовал свои образцы, препарируя те, для которых у него были дубликаты и, изгваздавшись в крови по локти, объяснял всем желающим, что вот это, вероятно, клювоголов, а этот, скорее всего, относится к эозухиям, предкам динозавров.

- Разве в этом периоде не было настоящих динозавров? - спросила Инес Альварадо.

- Как сказать, - ответил Нгата. - В каком-то смысле, это вопрос того, где вы проводите черту между динозаврами и их предками-текодонтами. Большинство моих коллег относят целофизидов, которых мы видели вчера, к динозаврам. Другими словами, это вопрос определений. С другой стороны, я могу ответить на ваш вопрос: «Нет, не было» - на том основании, что динозавров на самом деле не существовало.

- Что? - изумленно воскликнула Инес. - А как же все эти громадные скелеты в музеях? Ну, я знаю одного проповедника, который утверждает, что все эти ископаемые кости - всего лишь мистификация Сатаны, нацеленные на уничтожение веры людской...

- Я хочу сказать, - пояснил Нгата, - что первые палеонтологи, раскопавшие скелеты в XIX веке, предположили, что все эти гигантские рептилии принадлежат к одному и тому же отряду, который они называли «Динозавры». Теперь же мы знаем, что они относятся к двум давно разделившимся отрядам: ящеротазовые и птицетазовые, которые между собой не ближе, чем, скажем, мы и мыши. Разница заключается в форме таза. Это различие уходит корнями в прошлое, к некоему общему предку-текодонту, в период, более ранний, чем этот. Моя работа заключается в том, чтобы попытаться прояснить их туманную родословную. Пример ранних ящеротазовых - некрупные целофизиды, они не настолько велики, чтобы доставить беспокойство, вы их видели. Мы называем этот подотряд двуногих плотоядных ящеротазовых тероподами, причем целофизиды - это одно семейство, а другое - карнозавры, к которым относится и знаменитый тираннозавр. Другой подотряд яще-

ротазовых включает в себя растительноядных, предков зауроподов, ставших крупнейшими наземными животными в истории человечества. Они немного похожи на отрастившие длинные шеи версии тех дицинодонтов, которых мы видели вчера. Все остальные так называемые динозавры - травоядные птицетазовые. Правда, в поздних триасовых отложениях находят фрагменты карнозавров, вроде европейского тератозавра, достаточно большого, чтобы представлять опасность. Но я не знаю, жили ли такие существа в то время, в котором мы сейчас пребываем, а если даже и да, то добрались ли они до этих земель до того, как Пангея распалась.

Пока мы сидели, разговаривали, проверяли оборудование и слушали лекцию эзра Эдреда, я начал чувствовать нарастающее беспокойство сагибов: После нескольких сафари (араб-клиент, побывавший на одном из них, сказал, что во множественном числе правильно говорить «сафарин») симптомы становятся узнаваемы. Карлайл, например, казалось, был не в духе, бесцельно бродил по лагерю, то и дело разбирал и чистил ружье - в общем, вел себя как зверь в клетке. Я слышал, как он бормотал:

- Я должен кого-то убить!

На следующий день мы с Раджой решили повести отряд на северо-запад. Во время охоты ради мяса мы порядочно продвинулись на север, поэтому, собираясь совершать вылазки по розе ветров, мы так смогли бы обойти территорию в радиусе двадцати-двадцати пяти километров от нашего базового лагеря.

Эта ночь прошла достаточно спокойно, если не считать скрежетания упомянутых гигантских сверчков, подзывающих самку, и других шорохов, ворчания и прочих шумов, присущих мезозойской ночи.

На следующий день мы, как и планировалось, отправились в поход. Мы видели множество дицинодонтов, целые стада. Когда мы перекусили и решили пройти немного дальше, прежде чем возвращаться, Инес Альварадо сказала:

- Реджи, вы не против ненадолго отдохнуть от меня? Я догоною.

- Ладно, - сказал я, понимая, что леди тоже испытывают зов природы.

Мы неторопливо продолжали идти, но не видели Инес не более десяти-пятнадцати минут, когда услышали ее вопль:

- Помогите! Помогите!

Мы ломанулись обратно через кусты. Инес стояла у небольшой купы саговников, размахивая своей винтовкой - девятивиллиметровым «Манлихером», которую я дал напрокат Альварадосам, - и тыкала стволом в сторону группы из трех четвероногих плотоядных, которых Нгата определил как рауизухидов.

Они были размером с крупную собаку, с толстыми лапами и телом, сужавшимся в типичный для ящериц толстый хвост. Головы их были обычными для карнозавров такого размера, с пастью, полной клыками.

Карлайл оказался самым быстрым. Когда я, запыхавшись, подбежал, он уже поднял свое ружье. После первого же выстрела один рауизухид перевернулся и упал, корчась и извиваясь.

Бах!

Упал еще один. Оставшийся похоже, сообразил, в чем дело, потому что сбежал. Когда я подошел, я спросил:

- Бога ради, Инес, почему вы не стреляли?

- Когда я полезла в подсумок с патронами, то обнаружила, что оставила снаряженные обоймы в лагере. Простите, я такая глупая.

Я только вздохнул. Это то, с чем в моей профессии приходится мириться, тут ругаться и возмущаться без толку.

- Ладно, в любом случае, пора домой. Хотите трофея, Дезмонд?

- Еще бы! - воскликнул Карлайл, и принял орудовать у одной из туш большим охотничим ножом.

Скоро, с помощью Раджи, он отделил рауизухиду голову. Для переноски мы обвязали голову шарфом Карлайла. Шарф пропитался кровью, но поскольку у животного не было волос и торчащих ушей, другого простого способа нести голову не нашлось.

Полагаю, он мог бы засунуть пальцы в открытый рот, но рептилии сразу не умирают. Эта время от времени хлопала челюстями по крайней мере четверть часа после того как голову отрезали от туловища. Еще Карлайл мог заострить палку и насадить на нее голову. Появившееся было идея неприятно напомнила мне о французских революционерах, которые часто носили на копьях человеческие головы. Безвкусница, верно?

УЛОЖИТЬ ВСЕХ спать пораньше на этот раз не составило труда. Как обычно, мы с Раджой дежурили посменно всю ночь. Когда небо начало светлеть перед рассветом, из палатки Инес Альварадо выскоцил никто иной как молодой Уиллард Смит!

- Эй! - воскликнул я. - Какого черта...

- Это я, - сказал Смит. - Я поднялся, чтобы отлить.
(Извините, мисс Браунли).

- Но что ты делал в этой палатке?

Он дергался, переступал с ноги на ногу, не мог найти места рукам - в общем и целом вел себя так, словно его застукали при нарушении всех десяти заповедей, включая поклонение идолам. Если бы было светлее, то, уверен, я увидел бы, как он покраснел.

- Мистер Реки, - наконец-то выдохнул он. - В палатке никого не было.

- Ты был, - указал я.
- Конечно! Но только потому, что миссис Альварадо попросила меня поменяться с ней местами. Поэтому я... А что еще я мог сделать?
- Ты мог бы спросить меня перед тем, как что-то менять, - начал объяснять я, - и дать возможность мне, как главному в лагере, принять решение...

Именно тогда всех всполошил гневный вопль, за которым последовали крики и проклятия. В палатке, отведенной Смиту и Карлайлу, что-то происходило. Я добежал дотуда одновременно с Раджой, которому в это время полагалось спать в свою очередь.

Палатка билась, как рыба на крючке, а когда мы подбегали, она рухнула. Из обломков вывалились Том Альварадо и Дезмонд Карлайл, оба в нижнем белье. Не успели они выпутаться из полотнищ, как Альварадо прыгнул на Карлайла и схватил его за горло.

Как я уже говорил, Альварадо был полноват, в то время как Карлайл, будучи фанатиком фитнеса, находился в прекрасной физической форме. Карлайл заблокировал попытку Тома задушить его и сбил с ног. Альварадо приземлился на что-то твердое. Он откатился и вскочил с большим охотниччьим ножом Карлайла. Быстро выхватив его из ножен, Альварадо бросился на Карлайла.

Тем временем Карлайл схватил за край полотнища палатки и, отбросил его, потянувшись за ружьем. Кроме ружья, под полотном обнаружилась и Инес Альварадо, свернувшаяся на одной из коеч и голая, как лягушка. Прежде чем Альварадо смог достать Карлайла ножом, тот выпрямился, сжимая в руках свое ружье.

Раджа блокировал Альварадо, а я схватил ружье Карлайла и повернул его стволом вверх. Оно грохнуло, к счастью, никого не задев, и, еще раз крутанув ружье, я обезоружил Карлайла.

Я отскочил, чтобы контролировать обоих. Раджа вырвал нож у Альварадо, заработав при этом порез на руке.

- Ладно, идиоты! - сказал я. - Руки за голову и стоять, иначе, бомгом клянусь, пристрелю обоих! Итак, в чем дело? Ты первый, Том!

Том был так взбешен, что забыл свой прекрасный английский.

- *Este cabrón coge mi mujer!*^{*}

Он кричал, размахивал кулаками и подпрыгивал. Потом проорал и перевод, но я не стану оскорблять им уши леди. Тут завопила и миссис Альварадо, которая встала, обернув себя простыней:

- *Ya no estoy su mujer! Hago lo que quiero!*^{**}

Они кричали, пока им хватало дыхания. Она утверждала, что, будучи одинокой женщиной, она имеет право кувыркаться в постели,

* Этот ублюдок трахал мою женщину! (исп.)

** Я больше не твоя женщина! Я делаю, что хочу! (исп.)

когда ей вздумается и с кем захочет. Кроме того, раз уж Том стал приставать к ней с уговорами, чтобы она снова вышла за него замуж, то она решила опробовать и другие экземпляры, чтобы иметь возможность для сравнения.

Когда подошла очередь Карлайла, он просто пожал плечами.

- А чего вы хотите? - сказал он. - Я знал, что они разведены. Да и будь они женаты, какой нормальный мужчина отказался бы от такого предложения?

Посовещавшись, мы с Раджой огласили свой приговор.

С этого момента каждый ночует только в своей собственной палатке. Если мы обнаружим, что постелями поменялись, то нарушители будут связаны и оставлены в лагере, в то время как остальные продолжат обследовать окрестности. Нгата по секрету сообщил мне:

- Ох, как я рад, Реджи, что она не включила меня в свой список. Не уверен, что моя горячая полинезийская кровь позволила бы мне отказаться!

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ нашего сафари в дальнейшем проходила в обычном режиме, ни мои сагибы, ни другая фауна сюрпризов не преподносили. Альварадо и Карлайл вели себя друг с другом крайне формально, и когда им приходилось общаться, говорили другому «Мистер». Нгата собрал и расчленил еще больше псевдоящериц.

Карлайл застрелил большого тупоголового, с кловом, похожим на клюв попугая, аномодонта и притащил его голову в лагерь. Смит и Альварадо нащелкали кучу фотографий. Мы промокли под сильной грозой, но на сафари такое в порядке вещей.

В конце концов, я повел наших барабашков на запад, вниз по длинному склону к воде, которую мы видели издали. Раджа, порезанная рука которого все еще была перебинтована, остался в лагере, готовясь к отбытию и контролируя упаковку.

Вода оказалась излучиной большой реки, петлявшей по равнине, вдоль ее берегов имелось множество болот и стариц. Идти пришлось реально продираясь через растительность - сквозь заросли папоротников в человеческий рост, под ногами хлюпала грязь. Если наши сагибы считали, что раньше было жарко, потно и грязно, то скоро они поняли, что тогдашние испытания - сущая ерунда по сравнению с нынешними.

Наконец мы нашли место, откуда открывался прекрасный вид на реку и чуть более открытую местность, тянувшуюся от нее. Шумела река, кружили жужжащие и гудящие насекомые. Дезмонд Карлайл сказал:

- Эй, Реджи! Гляньте на этого крокодила! Спорим, он круче всех, что найдутся у вас Австралии!

И точно - на метровой высоты берегу реки под маленьким хвойным деревом дремал большой псевдокрокодил, которого Нгата опознал как фитозавра. Он во всем походил на гавиала, обитающего в современной Индии, за исключением того, что его ноздри открывались не на носу в конце морды, а в выступе на лбу. Нгата сказал:

- Не знаю, Дезмонд. Гребнистый крокодил вырастает до пяти метров, а этот, я думаю, не больше четырех. Конечно, он, может и не самый большой в своем роде.

- Опасен? - спросил Альварадо.

- Не слишком. Узкие челюсти свидетельствуют, что он специализируется на рыбе. Конечно, если подойди к нему и пнуть по ребрам, то, скорее всего, последует ответ.

- Могу я его застрелить, Реджи? - спросил Карлайл. - Я хочу его шкуру на стену.

- Хорошо, - сказал я, - если сами сдерете кожу, а потом ее понесете. Постарайтесь перебить позвоночник, иначе он уйдет в воду и будет для вас потерян.

Дезмонд подкрался к фитозавру с ружьем наготове. Метрах в тридцати зверь его заметил, разинул зубастые челюсти и зашипел. Карлайл поднял ружье, не торопясь прицелился и нажал на спуск.

Фитозавр перевернулся, корчась и извиваясь. Его туловище примерно наполовину упало с берега в реку, но подбежавший Карлайл поймал конец хвоста и втащил фитозавра обратно на берег. Как и все рептилии, тот продолжал дергаться и щелкать челюстями еще долго после того, как с официальной точки зрения стал мертвым.

Подбежал юный Смит и запрыгал вокруг, снимая под разными углами. Остальные тоже фотографировали.

- Уилл! - начальственным голосом сказал Карлайл, вытаскивая свой здоровенный нож. - Не поможешь со шкурой?

- Если покажите, что делать, - засомневается юноша. - Вы же знаете, как?

- Еще бы! Я набил руку на аллигаторах с крокодилами, и уверен, что местные устроены так же.

Он начал разрезать кожу от подбородка до брюха.

- Хватайся здесь и оттягивай кожу...

Свежевание любого животного - кровавое зрелище, впрочем, к этому привыкаешь. Но еще оно и довольно скучное. После того, как остальные барабанчики отсняли все, что хотели, Нгата приступил к изучению потрохов фитозавра, когда Карлайл со Смитом вывалили внутренности. Альварадосы вполголоса переговаривались, потом Том Альварадо сказал мне:

- Реджи, если не возражаете, я прогуляюсь с Инес. Нам нужно обсудить семейные дела.

- Только не пропадайте из виду, - сказал я, и повернулся, продолжая смотреть, как Карлайл и Смит сражаются с огромной шкурой.

Шло время, гудели насекомые. Почти всю кожу уже содрали, когда молодой Смит, шагнувший в сторону от туши, отступил и упал, соскользнув в воду по колени.

- Ну и болван! - воскликнул Карлайл.

- Уилл, быстро выбирайся! - резко сказал я - Ты не знаешь, что...

Смит уже карабкался обратно на берег, но вдруг вскрикнул:

- Что-то меня зацепило!

Судорожно дернувшись, он смог ухватиться за ствол дерева, растущего на берегу. Я схватил винтовку и посмотрел вниз. Кто-то сжимал челюстями правую ногу парня, кто-то, обладающей плоской широкой головой длиной более метра и парой выпущенных глаз.

- Это же большой стереоспондил! - закричал Нгата. - Держись, Уилл, пока я его изучаю! Это доказывает, что Пангея...

- Да хоть заизучайся, черт возьми! - сказал я и выстрелил.

Пуля попала прямо в огромную голову, но крокомандр, похоже, этого не заметил. За головой смутно различался бочкообразный корпус с четырьмя крепкими перепончатыми лапами и длинным расплющенным для плавания хвостом. Длина животного была, должно быть, не менее четырех метров. Вы видели, как плавают существа вроде змей или тритонов, волнисто изгибаясь, так, что волна идет от головы к хвосту? Ну так вот, у этого урода волна шла от хвоста к голове. Другими словами, он пытался уйти на глубину и утащить туда Уилларда Смита.

- Думаю, что он принял ногу Уилла за рыбу, - сказал Нгата.

Карлайл и я стреляли снова и снова, без видимого эффекта. Одна из проблем заключалась в том, что крокомандр находился под водой, а даже высокоскоростные пули в воде быстро тормозятся. Кроме того, хладнокровное животное может получить множество повреждений, прежде чем раны приведут его к смерти.

- Хватайте его за руку, - сказал я Карлайлу, - я возьму за другую, мы потащим...

И тогда я услышал крики. Оглянувшись, я увидел мчащуюся к нам Инес Альварадо. За ней бежал Том Альварадо, а за ним - динозавр, пусть Нгата и утверждал, что в это время их не существовало. Это, несомненно, был карнозавр, из той же самой группы, в которую входят такие чудовища, как тираннозавр и эпандериас.

Наш был намного меньше, но вполне достаточного размера, чтобы убить и сожрать человека не хуже льва или тигра. В длину от носа до хвоста в нем было около четырех метров. Когда он бежал на задних лапах, наклонив тело горизонтально, он доставал человеку примерно до пояса; но когда он встал, опираясь на хвост, как

кенгуру, его голова поднялась на рост сэра Эдреда, на две сотни сантиметров.

Я приготовился стрелять, но прежде чем выстрелить, требовалось убедиться, что никто из Альварадосов не находится на одной линии с карнозавром. Это стало проблемой, так как оба они бежали ко мне, а преследующий карнозавр следовал за ними так же точно, как если бы все они следовали прямой линии, прочерченной на земле.

Пока я несколько секунд стоял, подняв винтовку, но опасаясь стрелять, за моей спиной слышались крики и всплески, однако повернуться я не осмеливался.

Тут Том Альварадо остановился, сбросил свою охотничью куртку и, на манер матадора, махнул ею на приближающегося карнозавра. За миг до того, как тварь с распахнутой пастью налетела на него, Том прыгнул в сторону. Карнозавр проскочил мимо.

Любой карнозавр, большой или маленький, по прямой может почти мгновенно разогнаться до изрядной скорости, но не может совершить резкие повороты. Другими словами, их нельзя назвать верткими, мешает что-то, связанное с устройством суставов ног.

Сделав еще три-четыре шага, маленький мозг рептилии сообразил, что добыча перед ним исчезла. Карнозавр затормозил и остановился, мотая головой во все стороны. Увидев, как Альварадо размахивает курткой, тварь снова кинулась на него, а тот опять быстро отскочил в сторону. У меня появилась возможность стрелять, и я нажал на спуск. Вместо выстрела раздался всего лишь щелчок, потому что вся обойма ушла на стереоспондила.

На этот раз промахнувшийся карнозавр не отбежал от своей цели настолько далеко. Я начал перезаряжать винтовку, но тут подбежавшая Инес с визгом повисла у меня на шее:

- Помогите! *Ayudarme!*

Я оттолкнул ее, боюсь, несколько грубо, со словами:

- Сестричка, черт возьми, не мешайся! Дай мне выстрелить!

Тем временем Том в третий раз сыграл с карнозавром в тореадора. На сей раз карнозавр, когда повернулся, находился всего в нескольких шагах от Альварадо, так что одного шага твари хватило бы, чтобы дотянуться до мужчины и откусить ему голову. Когда карнозавр двинулся вперед, я прицелился и выстрелил. Удар сбил его с ног, он упал, корчась и лязгая челюстями. Потом он начал подниматься, и я потратил еще два патрона.

На сей раз он остался лежать на земле, хотя продолжал дергаться и сучить ногами.

Я обернулся, чтобы посмотреть, как поживает бедный юный Смит. Можете вообразить мое облегчение, когда я увидел его, сидящего, прислонившись спиной к стволу хвойного дерева, грязного, но, похоже, невредимого. Карлайл объяснил:

- Я не мог в одиночку вытащить Уилла, а у Эдреда имелись только заряды с дробью, - (Нгата либо забыл, либо проигнорировал мой приказ заряжать один из стволов картечью, подумал я). - Поэтому он спрыгнул с берега, забрел в воду и принял молотить тварь по голове прикладом. После третьего удара у существа возникла мысль, что оно здесь нежеланно, и тварь свалила.

- Как твоя нога? - спросил я Смита.

- Больно, - ответил он, поднимая мокрую штанину.

Ботинок и толстый носок ногу защищали, по большей части, но несколько острых мелких зубов крокомандра прошли насквозь и прокололи кожу, к тому же от давления челюстей образовалась пара больших фиолетовых синяков.

Я вытащил тюбик с дезинфицирующим средством и рулон бинта, которые всегда ношу с собой. Мы так и не узнали, действительно ли крокомандр перепутал ногу Смита с рыбой или пытался, подобно настоящему крокодилу, затащить его в воду, чтобы утопить. Крокодил помещает добычу в укромное место и съедает позже, когда труп размягчается достаточно, чтобы его легко можно было разорвать на куски.

- А что там у вас? - спросил Карлайл, пока я обрабатывал кровоточащую лодыжку Смита. - Что это за чудовище?

Он показал на карнозавра.

- Бог ты мой! - воскликнул сэр Эдред, осматривая тушу. - Будь я проклят, если это не близкий родственник тератозавра! Я хочу забрать с собой как можно больше этого материала!

- Ну уж нет! - возразил Карлайл. - Мне нужна его голова, чтобы повесить на стену!

- Мне нужно все, чтобы изучить! - парировал Нгата.

Они всерьез разругались, и тут вмешался я.

- Послушайте, красавцы, ваши споры ни о чем. Этого бродягу застрелил я, так что могу поступить с останками так, как мне захочется. Поскольку у вас, Дезмонд, уже есть кожа фитозавра, я отдаю тушу карнозавра сэру Эдреду, чтобы он мог делать с ней все, что пожелает. Если вы решите обменяться трофеями, я не возражаю, в случае, если и остальные согласятся.

Карлайл, похоже, остыл.

- Н-ну... Если подумать, мои стены и так уже будут изрядно заполнены. Ладно, пусть Эдред забирает динозавра, а я возьму псевдокрокодила.

- Уиллард, - сказал Нгата молодому Смиту, - не поможешь и мне с этой тушей? Нужно снять шкуру и очистить скелет.

Смит, прихрамывающий, но стремящийся быть полезным, не возражал, полагаю, еще и потому, что, упав в реку из-за своей неуклюжести, он ощущал себя виноватым. Нгата обратился к Альварадо:

- Старина, где вы научились так ловко уворачиваться от истекающих слюной хищников? Я знал, что карнозаврам не очень хорошо удаются резкие повороты, но это не та теория, которую я хотел бы лично проверять на практике.

Альварадо усмехнулся.

- Когда я был моложе, я хотел участвовать в боях быков. Поэтому я тренировался, но, кроме этого, еще и обучался пению. От постоянного пения у человека разыгрывается аппетит, и я стал слишком толстым для *corrida*. Но, во всяком случае, моя подготовка к карьере *torero* оказалась не напрасной тратой времени!

РАССКАЗЫВАТЬ БОЛЬШЕ нечего. На обратном пути в лагерь Альварадо вели себя как молодожены, но ночью я не заметил никаких переходов на время сна. На следующий день появилась переходная камера, как раз вовремя. Сначала мы отправили снаряжение и обслуживающий персонал, оставив сагибов и оружие напоследок, на случай, если появится нечто опасное. Камера совершила дополнительный переход, чтобы доставить в Настоящее все кости, шкуры, заспиртованные головы и прочие образцы.

А? Том и Инес? Нет, насколько я знаю, Альварадо снова неоженились. Извините, что не могу дать сказке нормальный счастливый романтический конец. Хоть они и миловались по дороге в лагерь, но, когда я видел их в последний раз - они тогда покидали лабораторию Прохазки, - они яростно ссорились, но на испанском и слишком быстро, чтобы я мог понять, из-за чего. Наблюдая за ними, я понял, какое это счастье - иметь просто приятные, устойчивые, ненапряженные, скучные семейные отношения. Все нужные мне переживания и страсти я получаю на сафари во времени.

Теперь вы понимаете, почему я не хочу смешивать мужчин и женщин в таких экспедициях. Главные проблемы вызывают не динозавры и другие животные, а люди. То, что Томас Альварадо не зарезал Дезмонда Карлайла, а Карлайл не отстрелил Тому голову, стало скорее удачей, чем результатом правильного руководства. Можно рассуждать и спорить сколько угодно, но когда примитивный секуальный инстинкт берет верх, может случиться все, что угодно. Одного такого случая вполне достаточно, спасибо, больше не надо.

Впрочем, даже группа из одних только мужчин не гарантирует невозможность подобных взрывов. Однажды я водил чисто мужской отряд, в котором трое, чего я не знал, когда записывал их, формировали гомосекуальный любовный треугольник. В результате мы прошли на расстоянии волоска от смертоубийства. Но это совсем другая история.

ANALOG

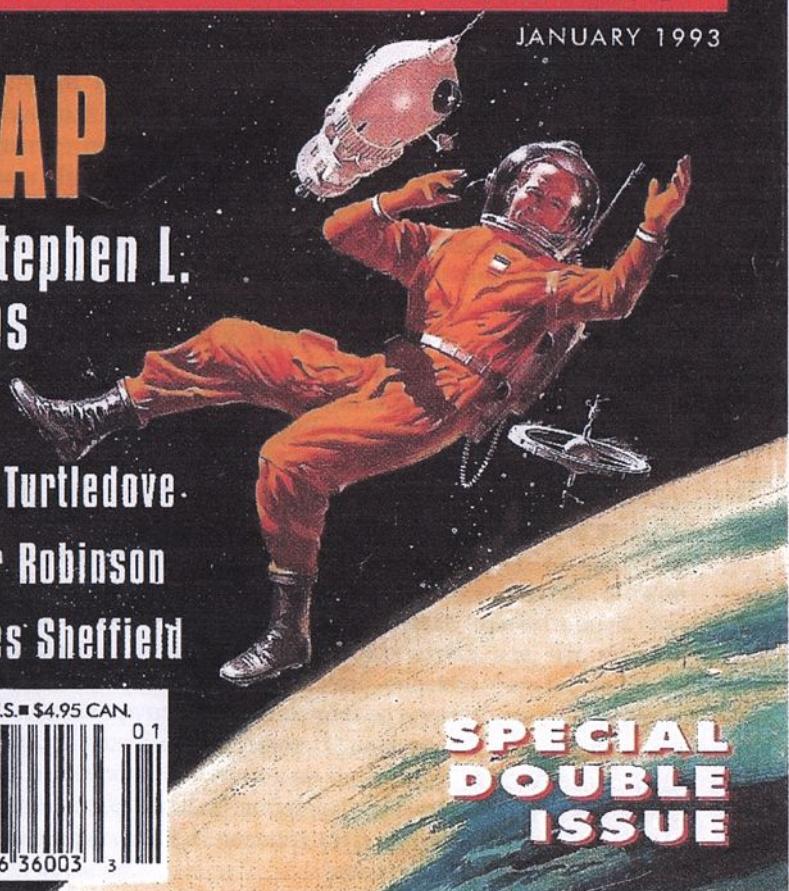
SCIENCE FICTION AND FACT

JANUARY 1993

LEAP

by Stephen L.
Burns

Harry Turtledove
Spider Robinson
Charles Sheffield

\$3.95 U.S. ■ \$4.95 CAN.

0 38716 36003 3

**SPECIAL
DOUBLE
ISSUE**

IV. РОМАНТИКА В МИОЦЕНЕ

ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ НАМ выступать в роли Купидона на каком-нибудь из этих сафари, вы об этом спрашиваете, мисс Пирс? Не совсем. Понимаете, с самого начала работы фирмы «Реки и Айяр, Сафари во Времени», мы решили не устраивать разнополых сафари. Если подумать, был случай, который можно было бы назвать романтическим, но мы здесь ни при чем. Фактически все произошло вопреки нам. Раджа - это мой партнер, Чандра Айяр, - и мы должны были бы чертовски хорошо подавить все это еще в зародыше, если бы знали, во что это выльется. И все вышло не так, как вы могли бы ожидать.

Мы записали пару клиентов по фамилии Суэйзи, это были отец и сын, Джеймс и Лоуренс Суэйзи. Джим Суэйзи, старший из них, оплативший это сафари, имел репутацию охотника нашего времени. Видите ли, я уверен, что на Земле осталось чертовски мало мест, где можно встретить по-настоящему диких трофеинных животных, а не наполовину прирученных из-за того, что их держат в парках и заповедниках под присмотром егерей. Старший Суэйзи доплатил за взятого с собой таксiderмиста, который нужен был для обработки голов животных и других трофеев.

Через пару дней после того, как Суэйзи записались, в наш кабинет влетела птичка-куколка. Извините, мисс Пирс?

А! «Птичка-куколка» - это просто наше австралийское выражение, означающее «миленькая молодая штучка». Как бы то ни было, сюда явилась великолепная брюнетка, молодая женщина лет двадцати, по имени Уиллоу Ламар и пожелала записаться на Суэйзи-сафари. Я объяснил ей нашу политику, в соответствии с которой мы не смешиваем представителей разных полов в одном отряде, отправляющемся в путешествие по времени, поскольку, к сожалению, имеем негативный опыт сопровождения смешанных групп. После этого она, как говорится, вышла из себя, обвинила нас в разгуле сексизма и угрожала коллективным иском, одной из тех причудливых выдумок янки, которые позволяют кому угодно подать в суд за что угодно, помогая представителям юридической профессии получать огромные барыши.

- Ну, давайте, попробуйте, - сказал я. - Наша страховая компания уверяет нас, что их адвокаты справятся с этим.

- О, черт! - воскликнула она. - Мне следовало бы догадаться, что вы приняли законные меры предосторожности.

PLIOCENE ROMANCE

L. Sprague de Camp

*Wherein Reginald Rivers learns that
the most obviously different
of people may have something
fundamental in common. . . .*

Illustration by Bob Walters

- Мы получили хороший совет, когда начинали дело. В любом случае, вы выглядите немного слишком маленькой и хрупкой, чтобы таскать крупнокалиберный штучер по доисторическому бездорожью. Там чертовски пересеченная местность, совсем не похожая на шоссе.

- Но я не собиралась ни на кого охотиться!

- А? Что тогда? Фотографии? У нас были некоторые приятные...
- Нет. Я представляю П.О.М.С.
- Что это?
- Буквы означают «Позаботься О Малых Сих». Это группа, выступающая в защиту прав животных, выступающая против любой

охоты. Убивать животное, которое не угрожает тебе - это то же самое, что и убийство человека.

- Да ладно вам! Убийство - это то, о чем говорится в законе, а про охоту там не говорится.

- Мы подчиняемся высшему закону, - отрезала она с фанатичным блеском в прекрасных глазах.

- Я так полагаю: все, что я могу сделать - так это подчиниться законам писаным. Как бы то ни было, чем вы предполагали заняться на этом сафари? Проповедовать Суэйзи? Папаша Суэйзи производит впечатление чертовски крутого. Он говорит, что охота - единственный подходящий вид спорта для мужика, носящего штаны.

- Это меня не остановит. Один из методов, который мы нашли эффективным - при виде охотника, собирающегося стрелять в несчастного зверя, мы размахиваем флагом и поднимаем шум, используя свисток. Почти все животные сбегают.

- Вот еще одна причина, по которой я не взял бы вас с собой, - сказал я.

Затем, пытаясь возвратить к ее разуму, я добавил:

- Знаете, мисс Ламар, поверите вы или нет, но я тоже сторонник охраны дикой природы. Я трачу свои с трудом заработанные деньги на организации, которые пытаются защитить исчезающие виды, сотни которых Земля потеряла за последнее столетие. Но звери, на которых охотятся мои клиенты на сафари во времени, все равно уже давно вымерли. Прекращение сафари не вернет к жизни ни динозавров, ни мастодонтов. Более того, некоторые сафари проводились с целью отлова молодых особей вымерших животных. Их вернули в Настоящее время живыми, так что теперь они реально снова существуют в нашем времени.

Мой аргумент прошел мимо цели, совершенно ее не задев.

- Но вы к тому же поощряете охоту! Нас беспокоит не столько то, находится ли вид под угрозой исчезновения, сколько неприемлемость убийства отдельных животных. Зло есть зло, независимо от вида животного!

- В любом случае в наше время охота практически невозможна, - сказал я. - Вот почему мы отправляемся назад по времени.

- Но она по-прежнему поощряет садистские инстинкты, оставшиеся от первобытных времен! - она практически плевала в меня словами. - Убийство ради забавы - преступление против Вселенной!

- Так, так, моя дорогая юная леди...

- Я не ваша дорогая юная леди!

- Ладно-ладно, моя добрая женщина. Вспомните, что охота была нормой жизни наших предков, наряду со сбором ягод и орехов, в

течение миллионов лет до открытия сельского хозяйства и одомашнивания съедобных животных. Кстати, вы вегетарианка?

- Конечно! - рявкнула она.

- Ну, тут вы, по крайней мере, последовательны. Но наш вид, скорее всего, не выжил бы, и мы бы сейчас не спорили, не будь пищи с высоким содержанием белка, которую иногда добывали наши предки - охотники и собиратели. А это означает мясо. Так что...

- Неважно, охотились наши предки или нет, но сейчас, когда есть много альтернативной растительной пищи, нет никакого оправдания этому...

- Не знаю, не знаю. Слышали о последнем голоде в Африке?

- О, вы невозможны!

И она сбежала из офиса.

ОДНИМ ИЗ УСЛОВИЙ нашего соглашения с Суэйзи было то, что на сафари Джима Суэйзи должны отправиться мы оба, я и Раджа. К тому времени мы обычно чередовались, один оставался на офисе, пока другой руководил охотничим отрядом. Но у нас не нашлось серьезных возражений против того, чтобы мы оба отправились в прошлое.

У Джима Суэйзи, как я понял, имелись имперские замашки и он хотел, чтобы обслуга сопровождала его постоянно, вроде как ваши американские президенты передвигаются в сопровождении целого роя слуг и помощников. Старший Суэйзи разбогател на нефтяном бизнесе и, отойдя от дел, посвятил свою жизнь охоте. Так как охота в настоящее время практически прекратилась, его привлекла реклама фирмы «Реки и Айяр, Сафари во Времени», пользовался он услугами и некоторых других охотничих групп с проводниками.

За день до отъезда мы с Раджой пришли в здание, где находилась машина времени профессора Прохазки и огромная масса вспомогательного оборудования. Прохазка, маленький полный мужчина с седой бородой, усами и среднеевропейским акцентом, спросил:

- Мистер Реки, вы знаете девушку по имени Уиллоу Ламар?

- Немного. А в чем дело?

- Она бродила по зданию, задавая вопросы мне и другим сотрудникам. Мне нравится показывать посетителям переходную камеру, но эта оказалась слишком назойливой.

- Ну, - сказал я, - по крайней мере, эта птичка-куколка приятна для глаза.

Прохазка фыркнул.

- Возможно, вы достаточно молоды для таких взглядов, мистер Реки, но я-то совершенно определенно стар! А вот и таксiderмист господина Суэйзи-старшего.

Тощий молодой парень по имени Фуллер - Плавт Фуллер - приехал с целым грузовиком оборудования: банки с химикатами, рабочие столы, инструменты и так далее, почти все завернутые в черный брезент. Я понял, что для доставки Фуллера и его аппаратуры в верхний миоцен, в эпоху, где мы планировали провести сафари Суэйзи, понадобится как минимум один дополнительный переход камеры.

На этом этапе операции мое участие минимально. Борегар Блэк, наш давний босс лагеря, рассортировал всю эту массу вещей, чтобы их можно было эффективно упаковать в камеру, когда придет время.

На следующий день мы присоединились к семье Суэйзи и Плавту Фуллеру в здании Прохазки, ожидая отбытия. Джим Суэйзи был крупным мужчиной с обветренной кожей, седыми щетинистыми волосами, техасским акцентом и ледяными серыми глазами, которые мало что упустили. Ларри Суэйзи, был примерно вдвое моложе своего отца, среднего роста, среднего телосложения, обычными волосами, но симпатичным в стиле голливудского киноактера.

Каждый принес пару крупнокалиберных винтовок - не двуствольные динозавробой-шестисотки, как у меня и Раджи, но в такой тяжелой артиллерией и не было необходимости для охоты в том периоде, куда мы собирались. Никаких динозавров, хотя некоторые проповедники-креационисты утверждают, что в то время динозавры имелись, а мы просто недостаточно усердно искали их. Поскольку переходная камера остается на одной и той же широте и долготе, независимо от того, как далеко она уходит назад во времени, мы не можем бродить по миру, чтобы подтвердить или опровергнуть их утверждения.

НАКОНЕЦ МЫ ВОШЛИ в кабину, с рюкзаками и ружьями. Брюс Коэн закрыл двери, повернул свои циферблаты и нажал на кнопки. Мы отправились, сопровождаемые всей обычной тошнотой, головокружением и общим дискомфортом.

Нашей целью был верхний миоцен, тринацать с половиной миллионов лет назад, примерно во времена образования в Техасе формаций Хемпхилл и Бланко. После остановки Коэн повернул маховик, посмотрел на экран радара, и крикнул мне, перекрывая гул механики:

- Эй, Реджи! Пожалуй, на этот раз я обеспечил тебе легкую и приятную посадку! Ни морей, ни болот, ни скал!

Одна из наших проблем заключается в том, что поверхность земли меняется с течением времени. Поскольку камера не может двигаться горизонтально, приходится брать то, что дают. Если под камерой есть открытая вода, бездонное болото или склон, слишком крутой, чтобы опуститься на него, нужно просто идти дальше по времени, пока не найдется место, куда можно безопасно приземлить камеру.

Как обычно, мы с Раджой выскочили первыми с ружьями наготове. Но животных не было видно. Камера опустилась на гребне взгорья в слабохолмистой местности с открытым лесом - почти саванной, вроде тех, что покрывали большую часть Восточной Африки до того, как ее стали использовать для ведения сельского хозяйства. Растительность так походила на растительность современных Миссури и Иллинойса, что только палеоботаник заметил бы разницу. Здесь росли, в основном, кедры, дубы, вяз, греческий орех, клен, ясень и другие обычные лиственные деревья. Дождей явно не хватало для поддержания здесь сплошного густого леса, но если мы пройдем несколько десятков километров на восток, то, вероятно, окажемся в чащобе.

Однако такие заросли оказались бы менее пригодны для наших целей, чем этот более открытый участок. Некоторые считают, что густой лес или джунгли кишат животными. Но это не так, по крайней мере, в отношении крупных трофеев. Причина в том, что если осадков выпадает достаточно много для поддержания такой флоры, то большая часть растительной пищи представлена в виде листьев на деревьях. Значит, растительноядные должны уметь карабкаться наверх за своим рационом.

Место, где пасутся большие стада любителей растительной пищи (или паслись до того, как люди их истребили), это открытые травянистые равнины, где много зелени на земле, до которой травоядные легко могут добраться. Лучшие условия для большой охоты там, где количество осадков составляет примерно от пятидесяти до ста сантиметров в год. Если больше, то получается лес, если меньше - бедная степь или пустыни, и ни в одном таком случае не обеспечивается фауна, при виде которой охотники сходят с ума от восторга.

Камера с хлопком вернулась в Настоящее. Через час она доставила Борегара, его помощников Панчо и Бруно и дюжину ослов - их здесь называют на испанский лад «буррос». Камере пришлось возвращаться за поваром Мин с оборудованием для лагеря, и еще раз - за Плавтом Фуллером и его таксiderмическими материалами.

Фуллер и помощники вытаскивали свертки Фуллера из камеры и расставляли их в той части кемпинга, которую мы отвели для таксицермии. Панчо вдруг закричал:

- Эй! *Esta viviente!* Этот живой!

Мы побросали наши дела и уставились на сверток, который он вытащил из камеры и уронил. Брезент открылся, и из свертка вылезла мисс Уиллоу Ламар в новом костюме-сафари цвета хаки и с зонтиком.

- Ну, - сказал Ларри Суэйзи, - окуни меня в дермо!

- Ни черта себе! - сказал я.

- *Jai Ram!* - сказал Раджа.

- Да чтоб я сдох! - сказал Борегар Блэк.

- Боже правый! - взревел Джим Суэйзи голосом, которым господь бог мог бы вещать в Содоме и Гоморре. - Это та маленькая сучка из П.О.М.С.! Думаешь, ты испортишь нам все веселье, да? Я тебе покажу! Я свяжу тебя так, что ты не сможешь пошевелиться!

Джим, подняв руки, ринулся к Уиллоу, игнорируя молодого Ларри.

- Эй, папа, ты не можешь... - восхликал юноша.

Уиллоу увернулась от Джима Суэйзи, насмешливо крикнув:

- Тебе не поймать меня, дедуся!

- Посмотрим! - закричал Суэйзи, побежав изо всех сил.

Оба исчезли среди разбросанных по равнине деревьев, хотя время от времени мы мельком замечали их все уменьшающиеся фигуры. Когда они совершенно скрылись из виду, Ларри Суэйзи сказал:

- Мистер Реки, что это значит? Это вы устроили так, что девушка спряталась в переходной камере?

- Вот уж нет! - возмущенно ответил я. - Для меня это такой же чертовски дурацкий сюрприз, как и для вас. Впервые кто-то спрятался в машине времени Прохазки. Надо, чтобы впредь там всегда находился специальный охранник.

Вообще-то, в здании уже имелся ночной сторож. Я подозреваю, хотя без всяких на то доказательств, что Уиллоу соблазнила парня своим алебастровым телом, чтобы тайком прокрасться внутрь.

После того, как Суэйзи-младший, Раджа, таксицермист Фуллер и я некоторое время теоретизировали на эту тему, я сказал:

- Как бы то ни было, нам лучше заняться лагерем.

К тому времени, как мы закончили, появился Джим Суэйзи, с раскрасневшимся лицом и медленно бредущий, словно эта чертова пробежка едва не прикончила его.

- Удрадла, - пробормотал он.

Я сказал:

- Послушайте, мистер Суэйзи, вы подписали соглашение, там сказано: «Подчиняться приказам проводника». Это означает - не бросаться безоружным сломя голову в лес без оружия только из-за каких-то дурацких личных разногласий. Вы могли столкнуться с медведесобакой, которая не стала бы с вами церемониться.

- Личные разногласия! - взвыл он. - Смотрите, я планировал эту поездку не один год, и тут появляется сумасшедшая сука, собирающаяся все похерить, а вы говорите просто «личные разногласия»!

(Извините за выражения, мисс Пирс, я просто цитирую.)

- Успокойся, папа, - сказал Ларри. - Я уверен, знай о ней мистер Реки, он бы этого не допустил. Меня беспокоит только, позабочилась ли она о еде и укрытии?

- Поделом ей будет, если загнется от голода или получит по заслугам от какой-нибудь медведесобаки, - рявкнул Джим.

- Мистер Суэйзи, - заговорил Раджа, - мы не можем допустить, чтобы такое случилось, если это в наших силах. Так не делается, вы же знаете.

- Может быть, так и скажут разные слюнтяя, - закричал Джим, - но это ничего не значит для настоящего мужчины!

Он не добавил «такого, как я» но, уверен, подумал он именно так.

- Я все думаю, - заметил я, - кто заплатит за ее перемещение во времени?

- Заставь ее заплатить натурой, - проворчал Джим Суэйзи.

- Извините, дружище, - сказал я. - Это не сработает. Я женатый мужчина и хочу таким и оставаться.

- Думаю, голод заставит ее одуматься, - сказал Ларри. - Раз она безоружна и не допускает убийства диких животных, она не сможет выжить за счет местных ресурсов.

- Если она и вернется, - рыкнул Джим, - то, черт побери, только на моих условиях.

НАСТРОЕНИЕ ВЕЧЕРОМ за ужином той ночью было не лучше, чем у незаконнорожденного в День Отца. Настроение не улучшали далекие вспышки молний и раскаты грома. Как и следовало ожидать, ближе к полуночи дождь начался, и всю ночь барабанил по палаткам.

На следующее утро с неба все еще лилось, и никаких следов Уиллоу Ламар не наблюдалось. График предусматривал однодневный поход за свежим мясом, а затем предполагались сбор лагеря и откочевка на запад, где карты Службы Геологических Изысканий этого

периода показывали большую реку, текущую на юг, возможно, пра-бабушку Миссисипи.

Вы не можете точно идентифицировать ни одну встреченную реку в период раньше плейстоцена, так как от эпохи к эпохе они перемещают свое русло по всему континенту, даже меняют направление течения, а частенько просто исчезают.

Джим Суэйзи хотел отправиться на охоту за мясом, невзирая на ливень. Он сгорал от нетерпеливого желания кого-нибудь подстрелять, но я сказал, что таких глупостей мы делать не будем. Таскать воду решетом и то было бы умнее. В такую погоду легко заблудиться и потерять лагерь. Нравится ему это или нет, но мы должны, черт возьми, переждать дождь, а потом тщательно обследовать окрестности.

Дождь лил и лил, выливаясь из бесконечной процессии сине-черных брюхатых облаков. Он продолжался и на третий день. Когда к полудню дождь слегка стих, послышался слабый голосок:

- Пожалуйста... Можно мне войти?

Я выглянул из нашей с Раджой палатки. Конечно же, там стояла маленькая Уиллоу Ламар, похожая на утопленную крысу. Я сказал:

- Здравствуйте, мисс Ламар! Что привело вас обратно?

- Я поняла, что не смогу выжить на подножном корму. Для орехов и фруктов сейчас не сезон. Поэтому либо вернуться сюда, либо умереть от голода.

- Да уж, - сказал я. - Жаль, что у нас, людей, нет, как у коров и коз, многокамерных желудков, способных переваривать траву и листья, типичных для лесов умеренной зоны большую часть года.

- А потом я заблудилась, - продолжала она, - и подумала, что больше никогда не найду это место. Просто повезло, что я наткнулась на...

- Так, так! - раздалось рычание Джима Суэйзи, выходящего из своей палатки. - Я услышал голоса... Уиллоу, и что теперь, черт возьми, ты собираешься делать? Мы пойдем на охоту, как только дождь стихнет. Потом нас ждут трудные переходы. Когда мы будем охотиться, ты, если хочешь, можешь остаться в лагере, но мы не потерпим твоего бреда про права животных. Скорее я сам тебя пристрелю.

- Я... Я тут подумала, - сказала она, - мне бы хотелось пойти с вами на охоту, просто посмотреть. Раз уж я собираюсь работать против такого, должна же я знать, против чего выступаю, не так ли?

- Считаю, что должна, - сказал Ларри Суэйзи, появляясь за спиной отца.

- Но безо всяких трюков, пугающих дичь! - проревел Джим Суэйзи. - Спугнешь хоть одного, и я сам свяжу тебя по рукам и ногам!
- Я... Я обещаю, - сказала готовая разрыдаться девушка.
- Тогда ладно, - буркнул старший Суэйзи. - Кстати, если ты собираешься остаться с нами, где планируешь провести ночь? Все наши палатки заполнены.

После короткого обсуждения Плавт Фуллер сказал:

- В моей палатке найдется место для мисс Ламар.
- Мне показалось, что его глаза похотливо блеснули.
- Хорошо, - сказал я. - Но тогда вам придется потеснить команду Блэка.

- А, - сказал он разочарованно.

- Вам не нужно заставлять мистера Фуллера переселяться, - сказала Уиллоу. - Я не против разделить с ним палатку.

- Вы, может, и нет, - сказал я, - но я против.

Я подумал, что на этом сафари достаточно сложностей и без секс-фактора.

- Это противоречит политике фирмы «Реки и Айяр», - твердо и окончательно заявил Раджа.

В таких делах он еще больше пуританин, чем я. Так что Плавту Фуллеру пришлось перетащить свои вещички к Борегару, Панчо и Бруно.

- И, пожалуйста, - сказала Уиллоу, - можно мне что-нибудь поесть? Я почти теряю сознание от голода.

- Сама виновата! - проворчал Джим Суэйзи.

Но не возражал, когда Раджа велел Мину приготовить лишнюю порцию.

ХОТИЯ НЕБО и расчистилось к тому времени, как мы закончили с разговорами и переездом, начинать охоту было уже слишком поздно. Я дал Уиллоу чистую зубную щетку, которую я упаковал в качестве запасной, но из остального у нее имелась только та одежда, которую она носила. По моему опыту, женщины гораздо больше, чем большинство мужчин, беспокоит отсутствие сменной одежды и других предметов личного багажа, но Уиллоу действительно очень хорошо переносила эти незначительные трудности.

На следующее утро мы отправились на отложенную охоту за мясом. Кроме Раджи, меня и Суэйзи, пойти решил и Плавт Фуллер, хотя его единственным оружием было одноствольное ружье на птиц и мелких млекопитающих. Потом появилась Уиллоу с зонтиком. Ларри Суэйзи спросил:

- Уиллоу, зачем тебе это? Сегодня прекрасный день.

- Зонтик очень пригодился, когда я сидела в кустах во время ливня. Поэтому, спасибо за заботу, но я возьму его с собой.

Мы неторопливо шли на запад, иногда на глаза попадались мелкие дикие животные, вроде белок и сусликов, видели мы и множество птиц. Небо сияло голубизной, в чистом, не воняющим бензином воздухе с наступлением дня стали появляться пухлые сверкающие-белые кучевые облака. Повсюду цвели алые, золотые и голубые полевые цветы. В мезозойский и более ранние периоды мне их не хватает.

Мы не видели сколько-либо примечательных животных, пока не поднялись на вершину холма и не увидели ручей, текущий в лощине с обратной стороны. Вдоль ручья росли деревья, ивы и тополя, поэтому самого ручья мы толком не видели - просто блестящие серебристые пятна то здесь, то там. Джим Суэйзи приглушенно сказал:

- Эй, что-то движется на том берегу ручья! Давайте их выследим!

Он пригнулся настолько близко к земле, насколько такой большой человек может это сделать и, с хищным блеском в глазах, двинулся вперед. Остальные, выстроившись цепочкой, последовали за ним.

Когда мы добрались до небольшой галереи, образованной лесом, растущим вдоль ручья, Джим Суэйзи заскользил сквозь лес, словно чертов призрак. Он был по-настоящему обученным и подготовленным охотником. Миновав мешающие смотреть на ручей заросли, я увидел небольшой табун маленьких непарнокопытных, похожих на лошадей. Восемь или десять лошадок пили на дальнем берегу ручья. Это были стройные маленькие существа высотой мне по пояс, с полосками, как у зебры, на передней части туловища. Пока одни опускали головы к воде, другие головы поднимали, озираясь в поисках опасности, потом они менялись ролями.

- Эй, Реджи! - прошептал Джим Суэйзи. - Они что, трехпалые?

Я посмотрел в бинокль.

- Пожалуй. Думаю, что боковые пальцы ног не доходят до земли, пока животное не пойдет по такой мягкой почве, что главное копыто в ней утонет. В этот период единственными непарнокопытными с тремя пальцами на ноге были некоторые вымершие животные, предпочитающие поедать ветки. За предками современных лошадей вам придется отправиться дальше на запад, в прерии, и вот там можно будет поохотиться на травоядных, имеющих на ноге один палец.

- Мне нужен один из этих трехпалых, - прошептал он в ответ. - Я прикажу Плавту сделать чучело...

Я услышал слабый щелчок, когда он сдвинул предохранитель винтовки. Однако прежде чем он сумел выстрелить, Уиллоу приткнулась мимо него. Он глухо буркнул:

- Эй! Какого черта...

Но Уиллоу уже выскочила сквозь деревья на берег между нами и псевдолошадьми. Она щелкнула зонтиком, выхватила из кармана куртки свисток и начала дуть в него изо всех сил.

Можете не сомневаться, псевдолошади отреагировали чертовски немедленно. Через секунду весь табун бежал. Они исчезли за ближайшим хребтом.

Джим Суэйзи не то заревел, не то закричал хриплым голосом:

- Ах ты, маленький сукин сын! - орал он, путая от негодования гендерную принадлежность. - Ты обещала, что не испортишь нам охоту, иначе я не позволил бы тебе пойти с нами!

У него на глаза навернулись слезы.

Уиллоу повернулась к нам, вращая свой зонтик. Я увидел, что на выпуклой стороне зонтика изображена свирепая морда со злобными глазами и ртом, полным клыков. Девушка выглядела торжествующей, это выражение она без особого успеха попыталась изменить на извиняющееся. Она сказала:

- Простите, мистер Суэйзи. Я должна повиноваться высшему закону.

Суэйзи взмахнул ружьем и ткнул им в сторону девушки.

- Я, черт побери, стану для тебя высшим законом! Если я положу тебя здесь и сейчас, никто ничего мне за это не сделает! Клянусь Богом!..

Он приставил винтовку к плечу. Потом произошло несколько веющей одновременно. Плавт Фуллер крикнул:

- Эй! Мистер Суэйзи!

Раджа сказал:

- Вы не можете! Не может джентльмен...

- Черт возьми! - закричал Суэйзи. - Никакой я не траханый джентльмен! Я просто везучий нефтяной бурильщик!

Ларри Суэйзи, пробежав мимо нас к Уиллоу, встал перед ней, держа руки, как будто готовясь к распятию.

Я приставил дуло своей винтовки к спине Джима Суэйзи примерно на уровне почек и сказал:

- Джим, если ты выстрелишь, тебя пристрелю я! Поставь винтовку на предохранитель и брось!

Пару секунд поколебавшись, он бросил винтовку, которую тут же схватил Раджа. Тем временем Ларри Суэйзи повернулся лицом к Уиллоу и вырвал у нее зонтик.

- У нас не должно быть таких вещей, - сказал он. - Еще раз выкинешь такой фокус, и мы свяжем тебя и оставим в лагере на время нашей охоты!

Обратно в лагерь возвращался чертовски мрачный и молчаливый отряд. Нам повезло. Плавт Фуллер, единственный из всех, пальнул дробью из своей малышки калибра .410 в предка пекари, которому не повезло попасться на нашем пути. Так что мы все-таки получили свежее мясо, по крайней мере, на один раз. Пекари, не превышающую по размерам современную, довольно быстро умяли десять обитателей лагеря, евших мясо этим вечером. Уиллоу отказалась от своей доли из-за вегетарианских принципов.

Не могу сказать, что с радостным нетерпением ждал оставшейся части этого сафари, но что оставалось делать? Мы не могли просто все отменить и вернуться в Настоящее, приходилось дожидаться, пока переходная кабина не прибудет за нами. Теперь же мы могли либо отправиться по планировавшемуся маршруту, в этом случае Уиллоу Ламар должна идти с нами, либо отменить поход и остаться на месте. В последнем случае нам пришлось бы связывать Уиллоу и оставлять ее связанной в лагере, пока мы охотились. Если бы мы так сделали, я бы не стал отмечать возможность, что в наше отсутствие она соблазнит одного из членов команды и тот ее отпустит. Подозреваю, что именно так она заставила ночного сторожа Прохазки позволить ей спрятаться в переходной камере. И только Альджира ведает, что потом может случиться.

Вечером мы с Раджой в нашей палатке обсудили этот вопрос и решили пойти, как планировалось, в надежде, что угроза быть связанный, к тому же с кляпом, если она будет плохо себя вести, поможет дисциплинировать Уиллоу.

ЗАВТРАК НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро было не менее напряженным, чем предыдущий ужин. У Джима Суэйзи и Уиллоу Ламар развилась настоящая взаимная ненависть, которая чертовски хорошо чувствовалась, когда один из них смотрел на другого. Они отказывались разговаривать друг с другом, поэтому Джим Суэйзи говорил мне что-то типа:

- Реджи, попроси мисс Ламар передать варенье, ладно?

Пока мы ели, команда сворачивала палатки и собирала снаряжение, чтобы загрузить на ослов. К середине утра мы уже вышли на наш маршрут.

Мы направлялись на запад к большой реке, показанной на картах Службы Геологических Изысканий этого периода. Исследователи, участвовавшие в их собственных сафари во времени, запускали на

полкилометра в высоту маленькую фотокамеру на ракете, там раскрывался парашют, и спускающаяся камера делала снимки по пути вниз. Большая река, которую можно назвать псевдо-Миссисипи, находилась в нескольких километрах к западу от нашего участка.

Мы наткнулись на большой поток, текущий на запад, не отмеченный на карте Службы. Я предположил, что ручей, где мы видели псевдолошадей, был притоком этой реки, которая, в свою очередь, впадала в псевдо-Миссисипи.

Так как этот приток тек в том же направлении, в каком шли мы, мы следовали за ним вниз по течению пару километров. Время от времени мы замечали животных, но все они были слишком далеко, чтобы искушать наших охотников. Например, на далеком подъеме стояло стадо животных, которых можно было бы назвать безголовыми верблюдами или гигантскими ламами. Потом в лесу, тянувшемся вдоль притока, мы вспугнули зверя, которого я определил как предка тапиров. Заметив нас, он стрелой умчался в густой кустарник.

Дальше ручей разливался, образовывая приличных размеров озеро. Когда мы вышли к месту, где деревьев было меньше и можно было лучше разглядеть водное пространство, Джим Суэйзи ткнул пальцем:

- Эй! Что это там в воде?

Я стал разглядывать в бинокль темную кочку и увидел пару ушей, пару глаз и рыло с маленьким рогом, едва-едва высывающееся из воды.

- Похож на бегемота, - сказал Суэйзи, глядя в свой бинокль. - Видел их в Африке.

- Почти точно, - сказал я. - Практически уверен, что это разновидность носорога, его называют телеоцерас. По телосложению он похож на бегемота, с такими же короткими ногами, но на носу у него маленький рог, как у носорога.

- Я хочу получить его голову, - пробурчал Суэйзи. - Как выманить его на берег, чтобы я смог его подстрелить?

- Надо разбить лагерь на ночь. Если его привычки похожи на привычки гиппопотама, он выходит на берег ночью покормиться, а затем возвращается в воду, чтобы весь день переваривать пищу. Но мы не планировали останавливаться здесь. Это обойдется нам в один дополнительный день, и нам может не хватить времени, чтобы успеть вернуться к переходной камере, которая прибудет забрать нас.

Джим немного поворчал, но не стал спорить, и мы продолжили двигаться вниз по течению. Я заметил, что Ларри Суэйзи идет ря-

дом с Уиллоу Ламар, и они вполголоса оживленно беседуют. Раз я увидел, как Джим Суэйзи, идущий впереди, резко повернулся и метнул в их сторону взгляд, который, будь между ним и этой парочкой стеклянная стена, мгновенно проплавил бы в этой стене дырку. Затем Джим повернулся вперед и продолжал маршировать, озираясь по сторонам и выискивая потенциальные трофеи.

Когда мы приблизились к псевдо-Миссисипи, местность стала ровнее и более топкой. Нам пришлось забрать дальше к югу, чтобы не застрять в грязи. Здесь растительность росла гуще, стало больше болотного кипариса. День подходил к концу, поэтому мы решили остановиться на небольшом холмике, откуда могли сквозь деревья видеть не слишком далекую псевдо-Миссисипи. Там мы и разбили лагерь.

Холм, по крайней мере, был суще, чем земля, его окружающая. Однако он не превышал крейсерского потолка комариного полета. Мелкие твари кишили повсюду, пусть их и отгоняли репелленты. Однако некоторые кровососы оказались настолько решительными, что кусали нас, не обращая на репеллент внимания. Когда Уиллоу прихлопнула одного на своей руке, я хмыкнул:

- Так, так! Я считал, что жестокое обращение с живыми существами недопустимо независимо от их вида!

- Идиот, мы признаем право на самооборону в пределах разумного! - сказала она.

Мне рассказывали, что индейцы в те времена, когда они ходили голыми в жаркую погоду, для отпугивания комаров мазали себя животным жиром. Конечно, из-за этого они воняли, да и не думаю, что такое решение нам подошло бы. На сафари требуется множество карманов, которые имеются на наших на куртках и жилетах, поэтому полный нудизм не очень практичен.

Пока команда разбивала лагерь, ко мне подошел Ларри Суэйзи.

- Реджи, - сказал он, - Большая река всего в пяти минутах ходьбы отсюда. Мы с Уиллоу хотели бы искупаться. Есть в реке что-нибудь опасное?

- Не проверив, не могу сказать, - ответил я. - Может быть, в этот период аллигаторы заходили на север дальше, чем в Настоящем, потому что климат был на пару градусов теплее. Если на них не охотятся, то аллигаторы могут вырасти до четырех-пяти метров в длину. Сомневаюсь, что они здесь имеются, но и не исключаю такой возможности.

- Ну, в любом случае, нам потребуется человек с ружьем, чтобы присматривать за нами. Вы пойдете?

- Я обещал дать твоему старику урок по миоценовой палеонтологии, - сказал я. - Но я попрошу Раджу.

Впоследствии я понял, что принял неудачное решение, и нам повезло больше, чем мы того заслуживали.

Вскоре Ларри, Уиллоу и Раджа со своим ружьем отправились на запад к поблескивающему мутному потоку. Большое красное солнце опускалось, но до заката оставалось не меньше часа. Старший Суэйзи, молодой Фуллер и я получили наши порции виски и сидели у костра. Я пытался передать им то, что, по моему мнению, стоило знать об эволюции североамериканской жизни во время миоцена. Уверен, что любой специалист по этой теме мог бы сделать это лучше.

В любом случае, я не смог донести до них достаточно много информации, потому что Джим Суэйзи не из тех парней, которые сидят тихо, пока кто-то читает им лекции. Вскоре он перехватил нить разговора и перевел его на свои любимые темы, оружие и охоту. Я так понял, что он обладает потрясающей коллекцией оружия.

Джим рассказывал скучные истории о том, как гонялся за главной добычей североамериканских охотников - белохвостым оленем. Численность этого вида тщательно контролируется, чтобы охотникам всегда было в кого стрелять.

Потом он переключился на оружие, детали калибров, дульную энергию, емкости магазина и все такое прочее. Конечно, мне все это давно было знакомо как моя старая шляпа. В конце концов, он обрушился на мерзавцев, пытающихся ограничить владение оружием. Любой настоящий мужчина, бесновался он, имеет право, данное Богом и освященное Конституцией, покупать и использовать любое оружие, которое ему нравится, и любой, кто не согласен, не иначе как агент некоей зловещей иностранной державы, стремящейся разоружить американский народ в рамках подготовки к вторжению или революции.

Он говорил и говорил, пока я не начал подумывать, что хорошо бы его выключить ударом полена по голове. Солнце как раз садилось, когда ушедшая троица вернулась. Ларри Суэйзи и Уиллоу смеялись и болтали, и это зрелище резко оборвало восхваления Джимом достоинств новой винтовки «Манлихер-Шёнауэр» калибра семь с половиной миллиметров и призвало на его лицо хмурую ярость.

А на лице моего напарника я увидел мрачное выражение человека, испытывающего неловкость, словно он сел на что-то мокрое. Когда я налил ему его порцию виски - практически единственную уступку Раджи греховным удовольствиям, - он сказал:

- Реджи, старина, отойдем на минутку.

- Ну? - спросил я. - Что не так?

- Зависит от того, как на это смотреть. Когда ты предложил эту маленькую увеселительную прогулку, я не переставал думать об отсутствии подходящей одежды для купания. Когда мы добрались до берега, где нашелся небольшой пляж, эти двое просто скинули с себя все до последней нитки и вошли в воду. Должен сказать, мне было очень стыдно.

Я не смог удержаться от смеха.

- Ты хочешь сказать, что они устроились на песке для быстрого перепиха?

(Извиняюсь за это выражение, мисс Пирс).

- Боже правый, нет! Хотя не могу утверждать, что такая мысль не приходила им в голову, и не будь комаров... Как бы то ни было, никаких признаков аллигаторов я не заметил. А когда они вышли из воды, они запрыгали, пытаясь высохнуть поскорее. Потом пошли ко мне и встали не дальше, чем я сейчас от тебя. Все на виду, по обнаженной коже еще стекают капли - и расспрашивают меня о наших сафари! Я не знал, куда глаза девать!

Я снова посмеялся.

- Это все просто от твоего индуистского пуританизма, старина! Мне говорили, что такое в Америке сейчас обычное дело. Что потом?

- Комары налетели на них гудящим облаком, поэтому они поспешили одеться.

- Вы видели животных, которые могли бы заинтересовать наших клиентов?

- Да, видели, - сказал он. - Я хотел рассказать тебе о них в первую очередь, но то зрелище меня слегка ошарашило и едва не заставило все позабыть. Немного севернее, на краю того большого болота, где приток впадает в реку, пасется стадо бивнелопатых - платибелодонов.

- Ага! - сказал я. - Я спрошу Джима Суэйзи, не захочет ли он такую голову. Эти звери чертовски здоровенные, но я думаю, мы смогли бы перетащить на базу хотя бы шкуру и череп.

ДЖИМ СУЭЙЗИ с энтузиазмом воспринял идею об охоте на платибелодонов. Это своего рода мастодонты, распространенные в период, когда болота давали много мягких растений для пищи. Они меньше современного слона - высота у плеча менее двух метров. В верхней челюсти у них имелась пара бивней, у большинства сравнительно маленькие. А в нижней челюсти располагалась еще пара

бивней, сросшихся так, что получилась огромная совковая лопата, над которой болтался короткий толстый хобот. Получился живой экскаватор, способный легко выкапывать корни тростника, рогоза и любого другого болотного растения.

Из-за такого устройства головы имеют пару метров в длину, и подкидывают коллекционеру небольшую проблему, как и головы цератопсов, вроде трицератопса, из мелового периода.

Если вы собираетесь поместить такую голову в своем доме, прежде убедитесь, что у вас для ее размещения имеется хорошая большая комната, иначе в комнате не останется места ни для чего другого.

На следующее утро мы с Джимом Суэйзи отправились в путь, оставив команду убираться в лагере. Ларри, Уиллоу и Раджа отпросились, сказав, что хотят прогуляться на юг или вниз по течению, посмотреть, что там. Прохлюпав пару часов по грязи и гниющим растениям, мы добрались до границы болота.

Там мы увидели с полдюжины мастодонтов, распахивающих грязь, где росли болотные растения, своими бивнями-лопатами, и засовывающими толстыми хоботами добытую пищу в пасть, чтобы проглотить.

Старший Суэйзи ухмыльнулся.

- Держу пари, я могу завалить его и отсюда, но, пожалуй, стоит подойти поближе, чтобы уж наверняка.

Поэтому мы с ним подкрадывались к платибелодонам, пока не нашли укрывший нас большой болотный кипарис. Выглядывая из-за него, Джим высматривал мастодонтов, продолжавших просто идти и есть, как неодушевленные дноуглубительные машины.

Поднялась винтовка Джима, и бац! С плеском рухнул один из платибелодонов.

Остальные животные подняли головы, оглядываясь во все стороны, но не убегали. Такая реакция характерна для доисторической фауны. В них никогда не стреляли, их может испугать звук выстрела, но они не связывают его с опасностью и смертью. Полагаю, что для них это всего лишь необычный гром.

- Этот был самым крупным, - сказал я. - Он должен стать хорошим трофеем, когда Фуллер сможет его обработать.

- Смотри! - сказал Суэйзи. - Они понимают, что с большим быком что-то не так, и пытаются его поднять.

И в самом деле, трое из стада собрались вокруг упавшего. Ворочая своими монструозными мордами, они пытались поднять его на ноги; но мастодонт был мертв. Джим Суэйзи был слишком опытным охотником, чтобы тратить впустую патроны.

Он поднял винтовку и снова выстрелил. Упал один из несостоившихся помощников мертвого быка. Примерно в это же время остальная часть стада начала подозревать, что происходит что-то очень плохое. Когда Суэйзи сделал третий выстрел и убил почти взрослого теленка, они в этом уверились и начали отступать. Но Суэйзи все еще не был доволен, он стрелял еще дважды, убивая каждым выстрелом мастодонта. На ногах остался лишь один из стада. Потом Суэйзи пришлось перезарядить винтовку, и к тому времени, как он забил все пять патронов в магазин винтовки, единственный выживший оказался вне досягаемости.

- Я их достал! - заорал он, размахивая кулаком. - Достал!

В грудь он себя стучать не стал, но выглядело так, словно он с трудом от этого удержался.

- Что вы собираетесь делать со всеми этими тушами? - спросил я. - Мы не сможем утащить все пять голов обратно на базу.

- Одной, большой, мне хватит, - сказал он. - Что до остальных - теперь мы обеспечены мастодонтовыми стейками на все времена, пока мы здесь. Говорят, что хобот слона - самая вкусная часть его тела, наверное, и у этих тварей так же.

- Но зачем было уничтожать все стадо? Неспортивно.

- Черт, человече, это же охота! Так поступают настоящие мужчины! Ничто не сравнится с ощущением, которое испытываешь, когда слышишь свой выстрел и видишь, как опрокидывается здоровенный зверюга, вроде этого! Это жизнь! Хотел бы я, чтобы им оказался один из пресловутых динозавров или мамонтов. Я собирался охотиться на них, только Ларри подумал, что нам лучше начать с чего полегче, в менее опасный период, - Суэйзи покачал головой.

- Иногда мне кажется, что у мальчика нет такого инстинкта настоящего убийцы, как у меня, - он резко глянул на меня. - Надеюсь, вы не нахватались дерымовых идей от этой сучки Ламар!

- Я стараюсь избегать крайностей. Лучше, чтобы Плавт побыстрее приступил к работе.

В душе я начал испытывать определенные симпатии к Уиллоу Ламар, при всей ее глупости. Но говорить об этом было бы неправильно.

Плавту Фуллеру потребовался весь следующий день, чтобы отдельить и препарировать голову самого большого мастодонта. Больше ничего интересного мы не видели, если не считать мелких существ, похожих на кроликов.

На следующее утро мы спустились к псевдо-Миссисипи в наш третий лагерь. За время, проведенное там, Джим Суэйзи застрелил жирафоверблюда, животное размером и формой с жирафа, но

с головой верблюда на невероятной шее. Мне говорили, что это ответвление от верблюжьего рода, которое вымерло, не оставив потомков.

Нет, Джим Суэйзи не хотел получить голову или какую-либо другую часть этого животного. Он хотел только получить удовольствие от убийства, сфотографировать трофей и записать его в свой охотничий дневник. Он объяснил:

- Раньше существовали сафари-клубы, где охотники собирались и рассказывали о животных, которых они убивали по всему миру. Если вы убили хотя бы по одному экземпляру из, скажем, сотни различных видов, вам давали медаль и звание, что-то вроде старшего охотника. Но их больше нет, их время кончилось, когда кончилась охота на диких зверей. Теперь, когда стало возможно путешествовать по времени, мы с друзьями поговариваем об открытии нового сафари-клуба. Поэтому, чтобы получить преимущество, я хочу убить столько животных разных видов, сколько смогу.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ мы снова упаковались и вернулись в базовый лагерь. Мы с Раджой внимательно отслеживали, куда отправились и насколько далеко. С современными навигационными приборами мы стали чертовски искусными и всегда могли выбраться обратно на базу. Однако случалась, что некоторые сафари во времени теряли дорогу и их больше никогда не видели.

Я радовался приближающемуся окончанию этого путешествия. Помимо напряженности среди клиентов, помощников нервировало то, как Джим Суэйзи ими командует, и особенно его открытое презрение к Борегару, Панчо и Бруно, людям иного расового происхождения. Он не называл Борегара «ниггером», но чертовски ясно давал понять, что именно так о нем думает.

В этом переходе Джим Суэйзи шел впереди. Он выстрелил в маленького безрогого непарнокопытного из носороговых, афелопса. Эти животные больше похожи на современного тапира, чем на носорога. Он опять не забрал ни одной части тела животного, а просто сфотографировал и сделал пометку в дневнике.

Когда мы остановились на завтрак, небо начало хмурится. Уиллоу сказала:

- Ребята, я собираюсь устроиться покомфортнее. Где мой зонтик?
- А? - спросил Ларри Суэйзи. - Зачем он тебе?

Она показала на облако, и тут же раздался раскат грома. Тогда Суэйзи-младший отправился к Борегару, который присматривал за пасущимися ослами. Вскоре Ларри порадовал Уиллоу ее зонтиком.

Она отошла, и скрылась на некоторое время. Потом, из-за купы деревьев, раздался женский крик «Помогите!».

Ларри Суэйзи вскочил и схватил свое ружье. Мы с Раджой, Джим Суэйзи и Плавт Фуллер отстали от него всего на несколько секунд.

За купой мы увидели странную сцену. Там было трое млекопитающих: Уиллоу Ламар, хлопающая зонтиком, мелкий саблезуб и, напротив Уиллоу, самый большой из медведесобак, диноцион.

Этот саблезуб не был саблезубым «тигром», как часто называют крупных саблезубых плейстоцена. Он был вполовину меньше, и его стоило бы назвать саблезубой пумой или леопардом - темно-желтая кошка со слабовыраженными коричневыми пятнами, как у леопарда или ягуара, но не столь заметными. Скользнув в сторону, он повернулся голову и рыкнул на диноциона.

Диноцион был примерно того же размера, что и самые большие медведи, например, белый или бурый с острова Кадьяк, с головой, как у собаки, но вдвое крупнее. Он не такого плотного сложения, как эти медведи, но крепче, чем собака или волк.

Когда мы выбежали из-за деревьев, диноцион зарычал, как лев, и прыгнул вперед, подняв огромные лапы. Он подскочил к Уиллоу и сбил ее с ног. Но за миг до того, как огромные слюнявые челюсти смогли сомкнуться на какой-нибудь части ее тела, Ларри Суэйзи вскинул винтовку и выстрелил. Пуля попала диноциону в середину туловища и отбросила его в сторону, так что он не свалился прямо на Уиллоу. Она живо откатилась и с трудом поднялась.

У диноциона в челюстях оказался кусок ее зонтика, и он судорожно жевал его. Мы с Раджой выстрелили оба. Диноцион выгнулся, вздрогнул и замер спокойно. Тем временем саблезуб сбежал, исчезнув в кустах.

Уиллоу и Ларри Суэйзи бросились друг другу в объятия. Я услышал рык, подобный тому, что издал диноцион, но это был всего лишь Джим Суэйзи. Раджа, шагнувший поближе к трупу, подобрал изуродованные останки зонтика Уиллоу.

- Простите, мисс Ламар, но я боюсь... - он смолк, когда стало ясно, что никто его не слушает.

Вернувшись к месту завтрака, Уиллоу рассказала:

- Я возвращалась сюда, когда из-за деревьев появился этот кот. Он рычал, но не нападал на меня. Наверное, он подумал, что я слишком отличаюсь от его обычной добычи. Я раскрыла зонтик, и он отступил, рыча и подывая. И вдруг из ниоткуда появилась медведесобака. Она ревела на кота, как будто говорила: «Убирайся, ты, это мой кусок мяса!» Я хлопнула зонтиком и дунула в свисток, но зверь не понял, что должен уйти. Фактически моя демонстра-

ция, похоже, только разозлила его. Кот все-таки собрался уходить, а медведесобака приседала, готовясь прыгнуть, когда появились вы.

Джим Суэйзи сказал:

- А мы сможем отследить этого саблезуба? Я точно хочу получить его для моих охотничьих записей.

- Чертовски маловероятно, - сказал я. - Но вы можете забрать диноциона.

- Нет, - сказал он. - Вы все стреляли, а я нет, так что это было бы неэтично.

- А почему ты не стрелял, папа? - спросил Ларри напряженным голосом. - Ты надеялся, что медведесобака сожрет Уиллоу?

- Нет. Я бежал позади, и к тому времени, как я вышел к месту, с которого можно было стрелять, вы все закончили. Нет смысла портить шкуру пулевыми отверстиями.

- Ну, - сказал я, - если ты, Ларри, захочешь получить прекрасный ковер из шкуры медведесобаки, попроси Плавта ободрать его.

- Спасибо. Думаю, что захочу, - сказал Ларри.

Потом начался дождь. Мы провели пару часов, ежась под дождевиками, пока бедняга таксидермист трудился под дождем.

Об остальном сафари больше нечего рассказать, кроме того, что Джим Суэйзи застрелил еще пару животных: синтетоцераса - антилопу с вилкообразным рогом на носу и гиеновую собаку размером с немецкую овчарку, но с мощными челюстями, способными размалывать кости. Как следует из названия, они в основном питаются падалью, хотя не хотел бы я оказаться загнанным в угол их стаей.

Отношения оставались напряженными. Помимо неослабевающей взаимной враждебности между Джимом Суэйзи и Уиллоу Ламар, между Джимом и его сыном Ларри тоже кошка пробежала.

Растущая дружба между Ларри и Уиллоу встала Джиму поперек горла, по ночам я слышал, как отец с сыном яростно спорят в своей палатке.

ПЕРЕХОДНАЯ КАМЕРА появилась вовремя, и мы вернулись в Настоящее. Наши *басафири* разошлись по своим домам, и я больше ничего о них не слышал, пока примерно год спустя не встретил Ларри Суэйзи на собрании одного из обществ, членом которого я являюсь. Я спросил, как у него дела. Прежде чем он успел ответить, моя жена внесла свой вклад в разговор:

- Как сложились отношения у вас с мисс Ламар, Ларри? Редж говорил мне, что когда вы вернулись в Настоящее, они выглядели довольно тесными.

Я бы никогда не задал такого личного вопроса, но женщины, видимо, не настолько деликатны. Ларри ответил:

- Мы были помолвлены и собирались пожениться. В результате я поссорился с моим стариком. Он настолько возмутился, что лишил меня наследства, выгнал из дома и уволил с работы в его нефтяной компании. Считается, что он ушел на отдых, но все равно он имеет изрядный вес в компании, которую основал.

- Это ужасно! - воскликнула моя жена.

- Ничего, я выжил. Устроился на другую работу в конкурирующую нефтяную компанию. Но бедняжки Уиллоу нет в живых.

- Ох! - сказал я. - Печально слышать, пусть даже она и доставила некоторые проблемы. Что случилось?

Он глубоко вздохнул.

- Мы решили, что раз мы собирались стать супружеской парой, нам обоим придется пересмотреть некоторые взгляды. Поэтому я пообещал бросить охоту, по которой, впрочем, я никогда так не фанател, как мой старик, а она собиралась прекратить свой «крестовый поход» П.О.М.С. Так что все выглядело замечательно. Но фанатичная натура Уиллоу нашла другой выход. Когда она перестала пытаться остановить охотников, она стала фанатичной антитабачницей. Должно быть, существует ген фанатизма, вроде того, как у моего отца имеется пунктник насчет оружия и охоты. Конечно, в наше время не так много курильщиков; ни мой старик, ни я никогда не дымили. Но в обеих Каролинах, Северной и Южной, все еще процветает индустрия выращивания табака, а политики этих штатов обладают достаточным влиянием, чтобы заставить правительство субсидировать эту культуру. Антитабачная группа, к которой она присоединилась, решила действовать напрямую, то есть отправиться в Каролины, чтобы нападать там на табачные плантации, опрыскивать растения керосином и сжигать. Уиллоу участвовала в одном из таких поджогов, и фермер застрелил ее.

- И как вы? - спросила моя жена.

- Ну, я пережил. Теперь у меня есть свой дом и другая девушка.

- Редж рассказывал мне о проблемах между вами и вашим отцом. Вы с ним примирились?

- Пока нет, хотя, узнав о смерти Уиллоу, он начал понемногу смягчаться. Но остерегайтесь носителей гена фанатизма, Реджи!

- Я пытаюсь, - сказал я. - Но как можно понять, просто взглянув на человека, есть ли такой у него?

- Хотел бы я знать. – ответил Ларри Суэйзи, пожимая плечами.

Он развел руки, и мы рас прощались.

WINNER OF
24 HUGOS
19 NEBULAS

ISAAC

SEPTEMBER 1992

\$2.50 U.S./\$3.25 CAN.

ASIMOV'S

SCIENCE FICTION®
MAGAZINE

STEPHEN
KRAUS
BRIGHT
RIVER

L. SPRAGUE
de CAMP
MICHAEL
SWANWICK
TONY
DANIEL
JONATHAN
LETHEM

3609

0 387167 6

V. СУРРОГАТНЫЙ ВАРВАР

Что вы сказали, мисс Бергстрем? Мой самый странный клиент? Погодите... Так, тогда... Если подумать, я уверен, что самым нелепым был молодой Стэндиш, Клифтон Стэндиш. Не сомневаюсь, что вы проявите осторожность в смысле использования в своей истории настоящих имен людей, а то возможны и судебные иски.

Я впервые услышал о Стэндише, когда вернулся после экспедиции с палеонтологами в пермский период, где они выясняли, какая пермская ящерица стала предком динозавров, а какая - млекопитающих, и все в таком роде. Они объяснили, что большинство этих существ на самом деле были не ящерицами, а принадлежали к другим отрядам. Но они выглядели как ящерицы и шныряли как ящерицы, поэтому я спокойно называю их «ящерицы», подобно тому, как мы называем всех представителей двух совершенно разных отрядов поздних рептилий «динозавры».

Раджа - это мой напарник, Чандра Айар, - замещал здесь меня в мое отсутствие. И вот к нему явился этот чудик, Стэндиш, вместе со своим другом Хоффманом и сказал, что они хотят отправиться на сафари во времена пещерных людей, дабы поохотиться на динозавров, как наши предки.

- Я объяснил, что это совершенно невозможно, - рассказывал мне Раджа, - поскольку динозавры исчезли с Земли шестьдесят с лишним миллионов лет назад, а первые существа, которых можно было бы без особых натяжек назвать людьми, появились примерно четыре-пять миллионов лет назад, да и тогда они больше походили на обезьян. И этим существам понадобилось еще несколько миллионов лет, чтобы научиться охотиться на крупную и опасную дичь. Я цитировал авторитетные источники, но боюсь, мне не поверили. Они захотели поговорить с тобой. Думаю, я заметил влияние этнических предрассудков.

- Ты же знаешь, что такого я не потерплю, - сказал я. - Ты вышвырнул их из офиса?

- Нет, Реджи. Я знал, что ты скоро вернешься и назначил им встречу. Вот! Полагаю, этот звонок означает, что они уже здесь.

Вошли Стэндиш и Хоффман, Раджа нас познакомил. Им обоим было лет по тридцать, но выглядели они по-разному. Фрэнк Хоффман был крупным парнем с телосложением бывшего футболиста, начинающего проявлять склонность к полноте, с темными усами и темными, начидающими редеть, волосами.

В Стэндише прежде всего вы замечали его рост - он, должно быть, превышал две сотни сантиметров. Я и сам здоровяк, но он

смотрел на меня сверху вниз. Он сильно сутулился, вероятно, привыкнув пригибаться перед дверными притолоками. Он был тощим парнем со светлыми волосами и голубыми глазами, чисто выбритым и носил очки в золотой оправе. Протянув мне руку, он гаркнул:

L. Sprague de Camp

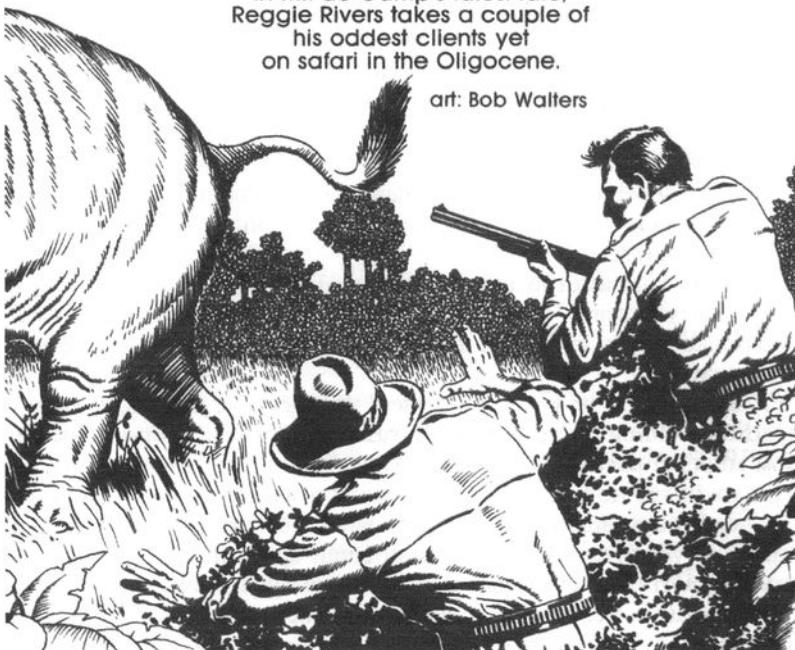
THE SYNTHETIC BARBARIAN

L. Sprague de Camp's
first science fiction story,
"The Isolinguals,"
appeared in the September
1937 issue of *Astounding*.

We are pleased to mark
the fifty-fifth anniversary of that event
with the publication of his exciting
new story, "The Synthetic Barbarian."

In Mr. de Camp's latest tale,
Reggie Rivers takes a couple of
his oddest clients yet
on safari in the Oligocene.

art: Bob Walters

- *Jambo, bwana!**

Прошло несколько лет с тех пор, как я в последний раз побывал в Восточной Африке, но мне удалось оживить в памяти суахили достаточно, чтобы ответить:

* Привет, мастер! (*cyax.*)

*- Hujambo, rafiki yangu! Unataka nini?**

Это чертовски хорошо осадило Стэндиша. Следующим заговорил Хоффман:

- Мистер Реки, мы хотим сафари в дни динозавров, чтобы поохотиться на них так же, как охотились наши предки, пещерные люди. Мистер Айяр сказал, что у нас не получится. Правда, что они жили совсем в другое время?

- Абсолютно точно, - сказал я. - Если Раджа сказал вам так, можете считать это истиной правдой, он знает эту тему не хуже меня. Я видел достаточно мезозойских пейзажей, чтобы получить хорошее о них представление и никогда нигде не встречал никаких признаков людей.

Хоффман беспокойно оглянулся.

- Не возражаете, если я закурю? - спросил он.

- Нет. Раджа, передай, пожалуйста, ему пепельницу.

Хоффман зажег сигарету.

- Извините, но я настоящий наркоман. Однажды я попытался бросить, но, после года без сигарет, желание закурить совершенно не ослабело. И я спросил себя - какого черта? И сдался.

Он выпустил колечко дыма.

- Но, - сказал Стэндиш, - как насчет всех тех фильмов и комиксов, в которых люди гоняются за динозаврами, и наоборот?

- Если вы верите, что Алиса упала в кроличью нору или прошла сквозь зеркало в Зазеркалье... Вы, конечно, читали книги Льюиса Кэрролла про Алису?

Эти двое незаметно переглянулись. Без обид, мисс Бергстрем, но не могу сказать, что восхищен вашей американской системой образования, раз ребята из высшего общества вырастают, не зная классики.

Я объяснил, как мог терпеливее, что наличие чего-то в кино и художественной литературе не доказывает его присутствия в реальном мире. Я рассказал про геологические эпохи, но с места сдвинуть их никак не получалось. Стэндиш оказался один из тех типов со слегка поехавшей крышей, который не откажется от своего, какими бы убедительными ни были ваши аргументы. Он по-прежнему бормотал о пещерных людях и динозаврах, когда я сказал:

- Слушайте, молодой человек! Вы сможете сегодня купить билет во Францию, чтобы встретиться там с Наполеоном?

- Нет, конечно, нет... А, понимаю, к чему вы клоните. Хорошо. Давайте вернемся к эпохе динозавров, которую вы называете мисси... меза...

- Мезозойский, - подсказал я.

* И тебе привет, мой друг! Что ты хочешь? (суах.)

- Окей, мезозойский. Мы все равно решили поохотиться на динозавров, пусть даже рядом не окажется неандертальцев, которые смогли бы посмотреть, как мы это делаем.

- Очень хорошо. Переходим к вооружению. У вас есть собственное оружие, или вы возьмете его в аренду у фирмы «Реки и Айар»?

- Собираюсь взять свою одиннадцатимиллиметровую «Братиславу», - сказал Хоффман.

- Это хороший штучер, - кивнул я.

У него и в самом деле более высокая дульная энергия, чем даже у моего старого доброго «Континенталя- 600», а еще имеется магазин. Если за вами охотится динозавр или еще какая громадина, лучше иметь четыре патрона в обойме и один в стволе, чем такую двустволку, как у меня. С другой стороны, это слишком тяжелая дура - больше десяти кило, - чтобы таскаться с ней по суворой мезозойской местности, где земля чертовски неровная. В меловом периоде травы еще не начали заполонять пустующую землю, поэтому эрозия происходила куда быстрее, чем в подобных пустошах нынешних дней.

- А что у вас, мистер Стэндиш? - задал я следующий вопрос.

- Ну, - ответил он, - Я вообще не собираюсь брать оружие.

- Значит, вы любитель фотографировать? Тоже нормально.

- Нет, я не это имел в виду. Я собираюсь охотиться на динозавров, но так, как могли бы делать это наши предки - с луком и стрелами.

- Что за...

- Я объясню. Видите ли, на самом деле я в глубине души варвар. Однажды экстрасенс сказал мне, что я был варварам в предыдущей жизни, и я сразу понял, что она имела в виду - все совпадает.

- Вы думаете, что вы реинкарнация Аттилы, повелителя гуннов, или кого-то подобного?

- Вот именно, хотя я не могу сказать, Аттилы или кого другого. Впрочем, не думаю, что я мог быть гунном, так как они монголоиды, а у меня скандинавский тип. Может, я реинкарнация гота или викинга.

- Никогда не слышал, чтобы душам разрешали выбирать тело для следующей жизни, - заметил я. - Но могу сказать вам прямо сейчас, что не собираюсь ввязываться в мезозойскую охоту с луками.

- Почему?

- Послушайте, викинг. Вам когда-нибудь приходилось убивать крупную рептилию?

- Н-нет.

- Так вот, уверяю, их чертовски трудно убивать, намного труднее, чем млекопитающих или птиц. Они могут получить смертельные раны, которые мгновенно обездвиживают млекопитающих или птиц такого же размера и оставаться активными достаточно долго,

чтобы вас прикончить. Факт, что рептилия позже свалится и умрет от ран, вас не очень утешит.

- Я рискну...

- Вы можете рисковать жизнью, как хотите, но только не у нас. Потеря клиента в нашем бизнесе - едва ли не худшее, что может с ним случиться.

Спор продолжался еще с полчаса, я уже начал задавать себе вопрос, а стоят ли эти клиенты тех денег, которые они нам заплатят. Наконец Стэндиш сказал:

- Хорошо, предположим, мы не попадем в Век Динозавров. Почему бы тогда нам не отправиться в этот самый пластицен, - он имел в виду плейстоцен, - когда люди жили с мамонтами и саблезубыми тиграми?

- Простите, но нам нельзя посыпать экспедиции в этот период.

- Почему?

- Потому что есть опасение, что мы можем взаимодействовать с этими людьми и изменить последующую историю. Такое невозможно в логически устроенной Вселенной. Как только вы попытаетесь сделать что-то в этом роде, силы пространства-времени вернут вас обратно в Настоящее. Эффект - как выпасть из самолета на километровой высоте. Выжить невозможно.

Стэндиш снял очки, протер их и снова надел. Он сказал:

- Где-то я читал, что предки коренных американцев прибыли в Америку только десять или двадцать тысяч лет назад. Почему бы нам не отправиться в то время, чуть более давнее, чем то, в которое они здесь появились? Много крупных трофейных зверей, вроде мастодонтов и прочих, которых нашли в Калифорнийской смоляной яме.

- Извините, но запрещено. Есть опасность встретиться с первыми иммигрантами из Сибири, тем более, что даты их прибытия в Америку называют очень разные. Некоторые ученые думают, что они пришли гораздо раньше, чем считают другие.

Стэндиш нахмурил брови.

- Но можем же мы попасть в прошлое, которое древнее, чем Век Млекопитающих, но позднее, чем Век Динозавров?

- Точно. Мы водим отряды в каждую эпоху от палеоцена до плиоцена.

На самом деле, нам разрешен и самый ранний плейстоцен в Северной Америке, но я подумал, что он слишком опасен для этой довольно эксцентричной пары.

- Какие трофеи можно добыть в каждом из этих периодов?

Я достал один из наших справочников, страницы которого покрывали рисунки из разных эпох и разных континентов кайнозоя, приведенные к масштабу современных млекопитающих. Напри-

мер, есть страница, на которой показаны основные формы нижнего миоцена Южной Америки, другая страница иллюстрирует эоцен Восточной Азии и так далее.

Стэндиш, который, несмотря на свою простоватость, похоже, доминировал в этой паре, перелистал книгу. Они с Хоффманом бормотали, обсуждая фотографии. Наконец Стэндиш сказал:

- Мистер Реки, самые привлекательные трофеи, показанные здесь - из Старого Света, как вот этот индрикотерий и эти динотерии. Самые странные - из Южной Америки. Мы сможем заполучить одного из них?

- Боюсь, что нет, - сказал я. - Переходная камера профессора Прокхазки путешествует назад во времени, но остается на той же широте и долготе. Это требуется, чтобы чертовски наверняка быть уверенным, что камера снова материализуется в Настоящем именно в том месте, откуда стартовала. Если этого не делать, может произойти чудовищный взрыв.

- Тогда, Клинт, - сказал Хоффман, - давай еще разок пройдемся по североамериканской фауне.

Снова пришлось ждать, когда хоть какое-то решение созреет в их мозгах - если, конечно, здесь применимо это слово. Мы с Раджой потратили это время на подведение итогов моего пермского сафари. Потом Стэндиш заговорил:

- Мистер Реки, я так думаю, что мы хотим отправиться в ойли... олигоцен, чтобы добыть пару голов бронтотериев. Почти все животные более поздних периодов в Северной Америке выглядят меньше; до самого пластицина, они все похожи на безрогих овец или лысых коз.

Бронтотерии, мисс Бергстрём? Это крупнейшие титанотерии, доминировавшие в раннем олигоцене и родственники современных лошадей и носорогов. Самые крупные выглядели как носороги размером со слона, за исключением того, что вместо одного или двух рогов расположенных друг за другом по средней линии черепа, они имели пару соседних тупых рогов на носу. Мои учение друзья утверждают, что, строго говоря, эти выступы не рога, а просто костяные нарости на черепе, покрытые ороговевшей кожей. Но для простоты мы называем их рогами.

В конце концов, мы договорились о путешествии в олигоцен, примерно во время формирования Уайт-Ривер, притока Миссисипи, в Вайоминге и Колорадо. У нас, в этой части Штатов, нет такой формации, но должна была найтись похожая фауна, с учетом местных различий.

Мы установили дату отбытия на две недели вперед, чтобы дать нашим клиентам время на подготовку. Тут нам позвонил профессор Хуан Синьцзинь из университета в Нанкине и спросил, может

ли и он принять участие в этом сафари. Он сказал, что не собирается охотиться, но надеется решить некоторые научные вопросы. Поскольку его университет дал деньги, мы с радостью его взяли - каждый дополнительный клиент помогает оплачивать чертовски крутые затраты на машину времени. Эта штука жрет фантастически много электричества.

ПЕРЕД ОТБЫТИЕМ я обратился к своим друзьям из вашей газеты и попросил их поискать полезную информацию по этой пачке. Похоже, они были друзьями детства. Ничего примечательного в послужном списке Хоффмана не наблюдалось; как я и догадывался, он играл в футбол в колледже, но его отчислили. Стэндиш вообще никуда не поступал. Его отправили в ту шикарную школу, где около двадцати лет назад разразился грандиозный скандал, со множеством... э...

Спасибо, мисс Бергстрем. Как вы и сказали, половина мальчиков трахались друг с другом и отсасывали у учителя. Я бы не стал говорить леди о таких делах так откровенно, но раз вы сами... Не думаю, что ваш редактор позволит писать об этом, но это ваши проблемы.

С тех пор Клифтон Стэндиш несколько раз поступал на работу, нигде не задержавшись надолго, и совершил небольшие путешествия. Информация о взрослом Фрэнке Хоффмане была похожей. Поскольку оба были чертовски богаты, им не требовалось беспокоиться о своем хлебе насущном. Стэндиш не входил в школьное гомосексуальное общество, но чувствовал себя опозоренным и был преисполнен решимостью доказать свою мужественность. Это, как я подозреваю, и объясняло его назойливое желание играть в пещерного человека.

Я узнал еще об одном обстоятельстве, которое заставило меня задуматься. Похоже, Хоффман женился на девушке, за которой Стэндиш ухаживал несколько лет.

Одна из предварительных задач состояла в том, чтобы проверить клиентов на полигоне и оценить, насколько им можно доверять оружие. Я привел туда эту пару, Хоффмана с его «Братиславой» и Стэндиша с его луком. Винтовка была проста в обращении, а Хоффман показал себя неплохим стрелком.

Лук Стэндиша не походил ни на один лук, виденный мною. Собственно лук представлял собой дугу из комбинации металла и пластика с вырезом, так что стрела проходила точно через осевую линию. Вместо обычного прямого шнурка тетива была протянута через блоки. Имелся прицел, регулируемый по дальности стрельбы и с учетом бокового ветра. Робин Гуд никогда бы не распознал лука в этой конструкции. Стэндиш восхитился:

- Вы считаете, Реджи, что я не смогу этим убить зверя? Установите мне доску толщиной в два сантиметра, и я покажу!

Доску поставили, и стрела, пущенная Стэндишом, ее пробила, да так, что наконечник оказался полностью на противоположной стороне.

- Окей, - сказал я, - пользуйтесь, только помните - никуда не стрелять без моего ведома.

У МАШИНЫ ВРЕМЕНИ мы собирались в назначенный день. Хотя настала очередь Раджи руководить отрядом в поле, а мне руководить офисом, он остался, потому что его жена пребывала в приятном ожидании. Я встретил там Стэндиша, Хоффмана, китайского профессора - это был довольно приятный человек маленького роста, - и нашу команду поддержки: повара Мина, Борегара Блэка, являвшегося боссом лагеря, его троих помощников и дюжину ослов. Вы, как я полагаю, назвали бы их буррос. Почему мы не пользуемся моторизованным транспортом? Это долгая история, напомните мне как-нибудь, и я ее расскажу.

В меловом периоде камера материализуется на достаточно высоком хребте, откуда открывается прекрасный вид на окрестности. К олигоцену этот хребет исчез. Местность все еще довольно холмистая, и оператор камеры высадил нас на небольшой возвышенности, с одной стороны которой лежала покрытая кустарниками равнина, а по соседству располагались несколько групп деревьев.

Как только вы минуете границу Великого Вымирания, которым закончился мезозой - а заодно и динозавры, - растительность начинает выглядеть довольно современно. Там, где мы находились, деревья походили на сегодняшние дубы, кедры и клены, хотя, осмелившись сказать, палеоботаник смог бы найти различия.

Несмотря на деревья, видимость была неплохой, хотя не сравнить с той, которую мы получали в меловом периоде. Склон шел в другом направлении. В меловом периоде, всего лишь в полдне пути на юг от места материализации камеры, имеется река, которую Раджа назвал Нарбада, она впадает в Канзасское море. К олигоцену эта река исчезла, вместе с Канзасским морем.

Вместо нее, в километре к западу от нас протекал более крупный поток, стремящийся на юг. Не знаю, может это он превратился в современную Миссисипи. Мы будем лучше знать, когда Служба Геологических Изысканий США завершит съемку территории, окружающую переходную камеру в разные геологические эпохи. У них есть аккуратный маленький гаджет, роботизированная фотокамера на ракете. Она стартует прямо с площадки, выбрасывает парашют и делает снимки по пути вниз.

Следуя обычной практике, я выскоцил первым с заряженным ружьем, хотя и не думал, что нас поджидает что-то опасное. Однако появившаяся камера и выскоцивший из нее Реджи Реки, здорово напугали пятнистую кошку, пожиравшую добычу на открытом пространстве в нескольких метрах от посадочной площадки. По размеру она была немного меньше, чем леопард или пума, с длинным хвостом и парой больших, торчащих из верхней челюсти клыков. Полагаю, что это была родоначальница многих саблезубов, хотя ее сабли развились лишь вполовину по сравнению с клыками более поздних членов этой семейства.

Так или иначе, кошка бросила быстрый взгляд, громко фыркнула, словно плюнула и устремилась прочь, утаскивая кусок своей наполовину съеденной жертвы.

- Какая жалость! - прошептал Хуан, глядя на останки добытого кошкой животного. - Это один из ореодонов, или мерикойдодонтов, если быть технически точным. Моя главная цель в этом периоде - изучить их пищеварительную систему, но этот экземпляр слишком растерзан, чтобы обеспечить достаточно много информации.

- А что с их пищеварительной системой? - спросил я.

- Одной из тем, обсуждаемых моими коллегами-палеонтологами, является вопрос, у какой из многих линий кайнозойских артиодактилей...

Извините, мисс Бергстрем, но я цитирую доктора Хуана, а он говорил как учебник. Он имел в виду парнокопытных животных, таких как овцы, коровы и олени.

- ...развились многокамерные желудки жвачных животных, а у каких - нет. Одни считают, что у ореодонов имелась такая особенность, другие не соглашаются. Один ученый назвал их «жвачными свиньями». Найденные окаменелости вопроса не могут разрешить, так как мягкие ткани почти никогда не сохраняются.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ после прибытия я сказал сагибам, что мы собираемся на обычную охоту за мясом. Когда мы собирались, Хоффман надел поверх обычной куртки-сафари разнообразные штуки, включая брезентовый жилет с таким количеством карманов, что в них можно было бы засунуть запасы на месяц проживания в полевых условиях. С собой он тащил свою «Братиславу».

Хуан взял с собой большую сумку для сбора образцов и имел на своем ремне множество ножей и других инструментов для препарирования, закрепленных в петлях. Он сказал, что не стрелок и верит, что мы с Хоффманом сможем защитить его.

Клифтон Стэндиш явился со своим футуристическим луком, но на его теле не было ничего, кроме спортивного супензория - на бедренной повязки-бандажа, янки такой называют «джоком» - сде-

ланного из какого-то меха, похожего на медвежий. Еще он надел сандалии, а за спиной у него на ремне болтался колчан.

- Что такое, во имя Альджиры? - изумился я.

- Я варвар в глубине души! - закричал Стэндиш. - Я всегда мечтал встретиться с первозданной природой так, как то подобает истинному варвару!

Я мог бы заметить, что очки и футуристический лук довольно сильно искажают картину, но не было смысла ссориться с клиентом, платящим наличным. Я только и сказал:

- Ладно, раз уж вы не против укусов насекомых и солнечных ожогов.

Вот так мы и пошли. После небольшого перехода мы столкнулись с объедающим побеги агриохоридом, примерно такого же размера, что и средняя собака. Хотя это была и вегетарианка, с головой, не слишком отличающейся от головы любого из наших ослов, ее ноги с тупыми когтями напоминали собачьи.

Стэндиш оттянул стрелу к самому уху, в лучшем стиле английских лучников, участвовавших в Столетней войне в битве при Азенкуре, отпустил тетиву и... промахнулся. Услыхав свист стрелы, животное дернуло головой вверх. Пока оно озиралось, Хоффман выстрелил из своей винтовки.

Он попал. Проблема заключалась в том, что от попадания пули из такого динозавробоя, как «Братислава», небольшое существо типа агриохорида разлетается по всей округе.

- Забавное сочетание, - сказал Хоффман. - Страна безрогих козлов с собачьими лапами!

Стэндиш добавил:

- Однажды я читал статью о гигантской китайской панде. В ней говорилось, что когда-то она ел мясо, как волки и кошки, но по какой-то причине перешла на бамбук, и у нее развились зубы и глотка, способные справиться с такой пищей. Может и здесь то же самое: животное, которое начало превращаться в волка, а потом передумало?

- Не думаю, - сказал я. - По словам моих ученых друзей, почти у всех млекопитающих в раннем эоцене были такие же ноги, независимо от их рациона. Этот вид все время оставался растительноядным, но забыл превратить свои лапы в копыта.

Глядя на разбросанные останки, Хуан произнес нечто, что я посчитал китайским ругательством. Потом он сказал:

- Какая жалость! Мне будет трудно прийти к определенным выводам, разбирая эту массу раскиданных внутренностей. Мистер Реки, для такой добычи не найдется винтовки калибром поменьше?

- Да, такая есть, - ответил я. - Но Фрэнк захотел взять свою пушку на случай, если мы встретим кого-нибудь покрупнее.

Хуан вздохнул.

- По крайней мере, на еду вам потребуются в основном конечно-стии и другие мышечные части. А я сделаю все, что в моих силах, с внутренними органами.

Итак, пока Хоффман, Стэндиш и я разделяли и вырезали более съедобные части агриохарида, Хуан приседал, подбирал и вертел тот или иной внутренний орган. Некоторые он засовывал в свою сумку и весь забрызгался кровью. Стэндишу его работа явно не понравилась. Он слегка позеленел, но продолжал мужественно выполнять свою задачу, хотя и настолько неуклюже, что без его помощи мы с Хоффманом могли бы, я уверен, управиться быстрее.

Когда мясо было упаковано, Хуан с улыбкой поднял взгляд.

- Все не так плохо, как я боялся, - сказал он. - Считаю, что я выделил отдельные участки желудочно-кишечного тракта, примитивно сочетающие в себе особенности рубца и сетчатки. Можно сказать, что это животное было на полпути к превращению в полноценное жвачное.

СЛЕДУЮЩИЕ ДВА ДНЯ мы бродили по округе. Мы видели много животных, но все они были мелкими, еще никем не описанными, предками современных лошадей, носорогов, верблюдов и прочих. Они были размером с собак разных пород и все выглядели очень похожими. Рогатых среди них попадалось немного, если не считать маленького, чуть больше кролика, протоцера, видимо, прародителя вилорогой антилопы. На голове самца имелось две пары роговидных выростов. Но никто из моих охотников не захотел его затрофеить: сказали, что слишком уж он маленький.

Мои клиенты притомились в нашей бесконечной прогулке по этому зоопарку на открытом воздухе, заполненному довольно быстро наскучившими маленькими зверьми. Все животные выглядели удивительно похожими, несмотря на то, что их потомки стали сильно различаться по размеру и внешнему виду. Поэтому я велел Борегару на следующий день сворачивать лагерь и перебираться на новое место. Мы планировали отправиться на запад к реке, которая, насколько я знал, текла в южном направлении.

Путешествие началось еще до восхода солнца. Стэндиш шел впереди в своем наряде пещерного человека, бормоча что-то типа «Смирись, цивилизованный дегенеративный слабак!»

Мне пришло в голову, что если поведение Стэндиша станет еще более странным, нам придется его связать. Раджа лучше, чем я, справляется с больными умами, но его с нами не было.

Когда мы остановились на обед, жаркий день был в самом разгаре. Помощники из команды Борегара разгрузили ослов, стреножили их и отправили пастись. Мы жевали сэндвичи, когда Стэн-

диш вслух заметил, что его одеяние куда практичнее нашего - все наши охотничьи куртки насквозь пропитались потом.

Мы спокойно ели, усевшись кружком, когда Хоффман невнятно чертыхнулся. В один миг он проглотил полупрожеванный сэндвич, схватил винтовку и вскочил на ноги.

Я оглянулся. К стреноженным ослам неуклюже бежал самый крупный хищник этого времени и места - гиенодон, а именно представитель самого крупного вида, *Hyaenodon horridus*, гиенодон ужасный.

Он был размером с тигра, с похожими полосами и более длинным черепом, но в целом скорее походил на огромного волка или гиену со впечатляющий набором клыков типа собачьих. Несмотря на название, на самом деле он не страшнее любого другого крупного хищника, имеющего соответствующие зубы и инстинкты, запрограммированные на употребление в пищу других животных.

Я еще поднимался со своим ружьем, когда Хоффман выстрелил. Это был один из лучших выстрелов, увиденных мною за все время работы проводником. Он попал гиенодону точно между глаз, тот свалился и никто не посмел бы сказать, что Хоффман добыл свой трофей нечестно. Я спросил:

- Что вы собираетесь забрать домой, Фрэнк? Только голову? Если так, я помогу вам ее отрезать. А еще вы можете сделать из него ковер. Но для этого надо снять шкуру со всего животного и отделить череп, чтобы таксiderмист смог натянуть на него шкуру с головы.

- Пожалуй, я хочу меховой ковер, - сказал Хоффман. - Но на то, чтобы снять шкуру, у нас уйдет весь день.

- Тогда, - сказал Стэндиш, - нам лучше нести зверя с собой, пока не разобьем лагерь.

- Годится, - сказал Хоффман. - Подвесим его на шест для переноски, а мы с Клинтом возьмемся за концы.

- Ну, не знаю, - сказал я. - Лучше подумайте о том, во что ввязываетесь. Эта зверюга весит, должно быть, больше сотни кило. А! Борегар!

- Да, мистер Реки?

- Не могли бы мы использовать для транспортировки пару ослов?

- Не думаю, - ответил Блэк. - Они уже обделались от страха, и если мы даже просто подтащим к ним тушу, они взбесятся. Кроме того, осли и так полностью загружены, и вам, джентльмены, придется самим нести свой груз.

Кончилось тем, что мы выпотрошили тушу, привязали ее к шесту и, превозмогая трудности, немало километров волокли на своих плечах. Хоффман и Стэндиш, которые чертовски уверенно заявляли, что всю дорогу сами будут нести трофей, потом радовались, что с

ними еще и Хуан, пусть невысокий и не слишком мускулистый, а так же я - мы подменяли их, помогая с переноской.

Поскольку это бремя нас изрядно замедлило, до реки мы добрались только после захода солнца. Стэндиш и так страдал от укусов насекомых, а в новом лагере комары взялись за него всерьез. После того, как он отвесил себе кучу пощечин и высказал множество проклятий, Стэндиш, наконец, позволил уговорить себя надеть рубашку и штаны.

- Пока вы одеваетесь, - сказал я, - стоит хорошенъко осмотреть себя на предмет клещей. Учитывая всю высокую траву и ветки, через которые мы прорыгались, вы наверняка подцепили на себя несколько штук.

И точно, осмотр при свете электрического фонаря выявил на ногах Стэндиша около дюжины впившихся клещей. Однако никто из них еще не успел хорошо присосаться, и мы вытащили их с помощью горячей сигареты, которую держал в руках Хофман. С этим нам повезло, ведь в наши дни почти никто не курит. Если клеша просто вытаскивать, голова часто отрывается и остается под кожей, доставляя человеку неприятности.

Стэндиш спросил:

- Это что, у меня может начаться пятнистая лихорадка или что-то в этом роде?

- Наверняка не знаю, но сомневаюсь, - ответил я. - Так далеко в прошлом чертовски мало микроорганизмов, способных выжить в человеческой крови достаточно долго, чтобы вызвать болезнь.

Потом Стэндиш пожаловался на солнечные ожоги. Когда он снял рубашку, оказалось, что не только его лицо, но и плечи со спиной имеют цвет заката солнца в тропиках. Намазывая его кремом, я сказал:

- Ладно, юноша - это последний раз, когда я разрешил вам бегать весь день в костюме пещерного человека, этакого Уги-Вуги. Если вы столкнетесь с чем-то серьезным, у меня нет ничего, кроме маленького запаса антибиотиков, и я ничего не смогу сделать до возвращения камеры, которая появится только через десять дней.

С лицом, вытянувшимся как самый длинный понедельник, Стэндиш угрюмо пробормотал согласие. Потом добавил:

- Возможно, Великий Дух просто не хочет, чтобы я стал настоящим варваром.

Его нижняя челюсть дрожала, как будто он вот-вот расплачется.

- Да ладно тебе, Клинт! - сказал Хофман. - Ты все-таки позабавился. Мы, бледные выходцы из Северной Европы, не переносим такое жаркое солнце, потому что наши предки жили там, где большую часть времени пасмурно.

Его замечание показало, что у этой пары больше здравого смысла, чем я ожидал. Потом мы принялись обдирать шкуру с гиенодона, и на это ушел весь вечер.

МОИ САГИБЫ, непривыкшие к такой работе, сильно устали, так что на следующий день я дал Хоффману и Стэндишу отдохнуть, но, подойдя к Хуану, сказал:

- Профессор, вам чертовски надо выстирать свою одежду. Кровь агриохорида начала вонять так, что все жалуются.

Он нерешительно спросил:

- Но, мистер Реки, не могли бы вы попросить одного из помощников заняться этим?

- Не их работа, и у них полно дел.

- Но, сэр, я никогда не стирал одежду сам! Я не знаю как!

- Я помогу и покажу, как. Эй, Борегар, не выделишь нам щетку и кусок мыла?

Я привел Хуана, по-прежнему бормочущего возражения, к реке. Пара аллигаторов загорала на песчаной отмели, но они скользнули в воду и уплыли, когда мы приблизились.

Находясь в прошлом, надо не забывать, что животные, никогда не видевшие людей, животные на которых люди никогда не охотились, не имеют перед человеком того инстинктивного страха, который в Настоящем можно встретить даже в местах, где дикие животные до сих пор остаются дикими. В прошлом, вместо того, чтобы убегать, они могут подойти, чтобы обнюхать и исследовать вблизи такое странное существо, как вы. Это может оказаться опасным, даже если вы никого не пытаетесь убивать.

Мы с Хуаном провели пару часов, занимаясь чисткой одежды. Кровь высохла, и отстирать ее оказалось гораздо труднее, чем если бы мы это сделали в тот день, когда Хуан перепачкался.

УТРОМ Я ВСТАЛ пораньше, чтобы поднять сагибов для наблюдения за животными, так как в это время вдоль реки звери лучше видны, чем во время дневной жары. Стэндиш уже оделся, и я с удовольствием увидел его в обычной охотничьей одежде, включая такой же сафари-жилет, как у Хоффмана, а не в наряде пещерного человека.

- Где Фрэнк? - спросил я.

- Он встал раньше и пошел посмотреть на животных.

- Черт! - воскликнул я. - Он же знает, что без меня не надо ходить...

Меня прервал громкий звук со стороны реки, без сомнения, выстрел «Братиславы» Хоффмана. Потом последовало еще три выстрела.

Я нырнул в палатку, схватил собственное ружье и побежал на звук. Когда я увидел Фрэнка Хоффмана, он как раз снова выстрелил, целясь в реку.

- Фрэнк, какого черта тытворишь? - крикнул я.

- Просто стреляю в аллигаторов, - сказал он. - Кажется, пару раз попал.

- Зачем?

- Хотел добыть пару шкур. Но аллигаторы тонут, когда я попадаю, не представляю, как их вытащить.

Я устроил ему изрядную выволочку за то, что пошел без сопровождения. Я не говорил об этичности бесполезных убийств ради убийства, только для забавы. Слишком много таких разговоров плохо повлияли бы на наш бизнес. Я знаю, что на этот счет думают многие люди в Настоящем, но, уверяю, поскольку все звери, которых мы убиваем, уже давно вымерли, это вовсе не то же самое, как если бы мы отстреливали животных, принадлежащих к современным исчезающим видам.

Фрэнк Хоффман, должен сказать, нагоняй воспринял очень хорошо. Он извинился и пообещал больше ничего подобного не делать. Мы вернулись в лагерь, съели завтрак, который приготовил Мин, и отправились вдоль восточного берега, обходя места, где лес, растущий вдоль берегов, разрастался до такой густоты, что в нем собака не смогла бы гавкнуть.

Мы прошли, наверное, с полкилометра, когда я и Хуан, шедшие впереди, заметили какое-то движение. Когда мы подошли ближе, я увидел жующего зелень аминодонта - большого травоядного, похожего на гиппопотама. Стоящий рядом со мной Хуан сказал:

- Мистер Реки, это метаминодон, семейство аминодонтовые, суперсемейство носороговые, отряд непарнокопытные. Я очень хочу сделать несколько снимков.

Он настроил свою камеру.

- Насколько близко мы можем подойти?

- Сто метров считается минимально безопасным расстоянием для такого толстокожего, - сказал я. - Нам лучше обойти слева, чтобы ветер дул с его стороны.

Подошли Хоффман со Стэндишом и начали поочередно смотреть в бинокль Хоффмана.

- Ха! - сказал Стэндиш. - Не хочу такого трофея - рогов нет ни на носу, ни на голове, и выглядит не так эффектно, как современный бегемот.

Позвольте объяснить, мисс Бергстрем. Метаминодон, можно сказать, ответвление от носорогов, вид, который пытался превратиться в гиппопотамов, но не преуспел. По телосложению он очень похож на современного носорога, только без рогов и не такой толстый и

приземистый, как современный бегемот. Уши, глаза и ноздри у бегемота на верхней части головы, и животное может лежать в воде, оставив снаружи только эти органы. У метаминодона эти органы еще не забрались вверх по черепу настолько далеко.

Похоже, что его привычки очень похожи на привычки современных бегемотов. Ночью гиппопотам выходит из воды и бродит по округе, пожирая всю зелень, какая только попадется. Затем он возвращается в озеро или реку и лежит там, едва высунувшись и переваривая эту гору пищи.

Поведение метаминодона аналогично. У него есть клыки, как у бегемота, но не такие здоровенные.

Нет, он не родственник бегемота, хотя, конечно, можно сказать, что все животные между собой родственники. Но чтобы найти общего предка придется вернуться в палеоцен. Метаминодон - непарнокопытное животное, вроде лошади или тапира, а бегемот - парнокопытное, родственное свиньям. Это пример того, что мои ученые друзья называют параллельной или конвергентной эволюцией.

Но вернемся к нашей истории: Никто из моих сагибов не пожелал убивать аминодонта, но Хуан все еще хотел сделать фото. Поэтому я послал его и Хоффмана вперед поближе к зверю, предупредив, чтобы они не подходили ближе ста метров. Я решил, что Хуан со своим телеобъективом сможет получить нужные ему снимки и на таком расстоянии. Я последовал за ними.

Мы говорим сагибам, что ставим их впереди, чтобы дать им шанс стрелять первыми. Это правда, но не единственная. Учитывается и тот факт, что время от времени один из Нимродов^{*}-любителей запинается о корень и спотыкается или вовсе падает, то может случайным выстрелом снести ко всем чертям голову проводнику, идущему впереди.

- Держитесь за мной, Клинт, - сказал я Стэндишу. - Ваш лук не слишком впечатлит такого толстокожего парня, как этот.

Так что я встал, с ружьем наготове, а Хоффман с Хуаном пошли к аминодонту. Ярдах примерно в ста от него они остановились, чтобы Хуан посмотрел в видеосмотритель. Но потом они начали снова, медленно красться вперед. Я хотел крикнуть, чтобы они дальше не шли, но это только встревожило бы аминодонта. Он мог сбежать, в этом случае Хуан не получит своих фотографий, или он мог напасть, и тогда им придется полагаться на винтовку Хоффмана, со мной в качестве запасного стрелка. Я видел, как стреляет Хоффман, и не думал, что мне стоит беспокоиться на этот счет, но все же на-

* Нимрод - в преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь. Упоминается в Пятикнижии как «сильный зверолов перед Господом» (Быт. 10:9) (Прим. перев.)

чал продвигаться вперед, держась на одном и том же расстоянии от своих клиентов.

Они продолжали подкрадываться все ближе и ближе. Они, должно быть, прошли еще пятьдесят метров, и я набрал воздух в легкие, чтобы крикнуть «Стой!», когда они остановились. Аминодонт перестал жевать и настороженно поднял голову. Я быстро взглянул на него в собственный бинокль. Хотя я знаю, что у существ вроде него не бывает выражений морды, я не мог отделаться от мысли, что смотрит он на моих клиентов недовольно.

Они замерли, и через несколько секунд аминодонт повернулся, чтобы продолжить обжевывать листья с куста.

Хуан поднял фотоаппарат и начал снимать. Не знаю, что подействовало на аминодонта - движение ли рук Хуана или слабое жужжание и щелчок камеры, но внезапно он снова поднял голову, издал громовое фырканье, распахнул пасть, показывая великолепный набор зубов, и помчался к моим клиентам, как оживший дирижабль со скоростью скаковой лошади.

Хуан повернулся и побежал ко мне. Хоффман поднял винтовку и вроде бы нажал на спуск, но ничего не случилось. Он начал рыться в карманах своего сафари-жилета. В полевых условиях полезно иметь одежду со многими карманами, я тоже ношу такой жилет, но с этими чертовыми карманами есть проблема - их так много, что требуется вечность, чтобы обшарить их все. Я вспомнил, что Хоффман опустошил магазин, паля по аллигаторам, но не помнил, чтобы видел, как он перезаряжался. Очевидно, что сейчас он искал патроны и не находил.

- Беги! - крикнул я.

Аминодонт был совсем близко, когда Хоффман поднял взгляд, увидел несущегося на него зверя, запоздало повернулся и побежал за Хуаном. За ним, подпрыгивая на ходу, гнался пыхтящий аминодонт. Я надеялся, что Хоффмана он не успеет догнать до того, пока тот не перестанет перекрывать мне линию выстрела - сейчас он был на одной прямой со зверем.

Хоффман пробежал мимо, и я прицелился в голову животного. Но аминодонт неожиданно остановился. Оностоял несколько секунд, тяжело дыша и оглядываясь. Потом спокойно повернулся и направился к реке продолжить обжевывать кустарник. Должно быть, он запыхался, этих коротконогих животных долгий бег утомляет.

Мои размышления и наблюдения за зверем прервали звуки яростной ссоры за моей спиной.

- У тебя мой жилет!

- Нет!

- А давай посмотрим! Вот, это мои обоймы!

- Должно быть, когда мы одевались, вышла ошибка...
- Черта с два! Ты желал моей смерти, чтобы получить еще один шанс с Мартой!

- Чушь! У меня никогда и в мыслях не было!..

Они ругались по-крупному и так разозлились, что я начал думать, как бы забрать у них винтовку и лук. Стэндиш настаивал на том, что они с Хоффманом случайно обменялись жилетами, когда одевались. Хоффман считал, что Стэндиш сделал это нарочно, надеясь, что Хоффман погибнет, а Стэндиш сможет приударить за вдовой Хоффмана, с которой он встречался до того, как она вышла замуж за его друга.

В этой ситуации, по моему мнению, имеется сильный аргумент - Стэндиш не мог предполагать, что Хоффман расстреляет всю обойму в аллигаторов и забудет перезарядить винтовку. С другой стороны, также маловероятно и то, что Стэндиш наденет жилет, в карманах которого лежит пара килограммовых обойм и не заметит лишнего веса.

Сейчас, пару лет спустя, я по-прежнему не знаю правильного ответа. Может, мне стоило бы связаться с экстрасенсом, который сказал Стэндишу, что тот в прошлой жизни был варваром. Конечно, если верить в реинкарнацию, пятьдесят с лишним веков назад все были варварами, так что все правильно.

Жалея, что со мной нет Раджи, способного быстро урегулировать такую ситуацию, я кое-как успокоил этих двух достаточно, чтобы исчезла непосредственная угроза взаимных убийств. В лагере у реки мы провели пару чертовски неприятных дней.

В начале интервью вы сказали, что, по мнению большинства людей, у меня не работа, а сплошное развлечение. Ну, иногда, когда все идет по плану, удается быть счастливым, как медведь на пасеке. Но такое случается нечасто. А когда у вас имеется пара клиентов, мечтающих убить друг друга, это вовсе не чертовски весело! Ни копа, ни судьи, к которым можно было бы обратиться, да и получится ли у вас обвинить человека в убийстве, совершенном десятки миллионов лет назад?

Есть еще одна особенность в охоте на диких животных, даже просто в наблюдении за ними и фотографировании: Природа зверей такова, что однажды их полным-полно, а на следующий день их уже нет. Вот так и здесь. Много зверей в первый день, а потом как отрезало, ни одного в поле зрения, кроме пары аллигаторов, плавающих вдоль реки. Потом целый день в лагере нас удерживал дождь.

Ко времени возвращения на место прибытия камеры, Стэндиш и Хоффман, по крайней мере, снова разговаривали, хотя хорошиими друзьями быть перестали. На следующий день я услышал крики и

вышел посмотреть. В лагерь бежал Панчо, один из членов команды Борегара, державший в руках мешок с отбросами. За ним следовал второй по величине из местных травоядных того времени - археотерий из семейства энтелодонов, которых еще называют «адскими свиньями», они родственники свиней и бегемотов.

Если вы представите себе кабана-бородавочника размером с буйвола, то получите общее представление. В отличие от нашего бородавочника у него нет клыков, выпирающих изо рта. Вместо этого у него имеются большие собачьи зубы, как у гиенодона и других хищников. На его черепе, как и у бородавочника, есть большие костные наросты. Я полагаю, им они нужны для защиты, когда кабаны сражаются за свиноматок или территорию.

В этот раз была очередь Панчо выносить из лагеря отбросы, чтобы закопать. Наверное, этот энтелодон решил, что запах слишком вкусный, чтобы пройти мимо, и попытался подцепить мешок своими клыками. Панчо имел приказ не кормить животных отбросами, так как это может познакомить их с лагерем ближе, чем нам понравится. У этих зверей нет инстинктивного страха перед человеком, так как в то время людей еще не было. Если вы их прикормите, они начнут ожидать подношений, а не получив требуемого, скорее всего выразят свое недовольство зубами, рогами или копытами.

Панчо оставалось только бросить лопату и бежать с мешком обратно в лагерь, с энтелодоном на хвосте. Панчо маленький паренек, но он набрал изрядную скорость, совсем как профессор Хуан, преследуемый аминодонтом. Воистину, чтобы пробудить в себе талант бегуна нет ничего лучше, чем оказаться преследуемым доисторическим монстром.

Когда я выскочил со своим штуцером, Панчо как раз вбегал в лагерь, Клинтон Стэндиш целился в энтелодона через прицелы своего лука, а Хоффман лез в палатку за винтовкой.

Когда энтелодон влетел в лагерь, Стэндиш спустил тетиву. На этот раз он не промахнулся, стрела с сочным звуком вонзилась в тело животного между шеей и плечом.

Энтелодон остановился и полуобернулся, пытаясь разглядеть, что его ткнуло, подставив при этом свой широкий бок. Стэндиш выпустил еще одну стрелу, на этот раз в ребра. Энтелодон повернулся вокруг своей оси и Стэндиш поразил его в другой бок.

Энтелодон остановился, понурив голову. Еще одной стрелой Стэндиш попал в шею зверя. Изо рта животного закапала кровь. Он развернулся и побрел из лагеря. Выйдя за пределы, он рухнул на землю, где лежал, судорожно дергая ногами, пока не умер.

- Да! - завопил Стэндиш. - Кто сказал, что я не варвар?

Потом этот придурок крикнул «Йоу!» и ударил себя кулаком в грудь.

- Вот ваш трофея, - сказал я ему. - Теперь помогите отрезать и засолить эту голову.

Выражение его лица резко изменилось.

- Вы имеете в виду, что мне придется возиться в крови и слизи?

- Конечно! Когда настоящие варвары задумывались о таких мелочах? Действуйте!

Он отправился помогать, хотя я видел, что он ненавидит каждую минуту, проведенную за таким делом. По крайней мере, он не упал в обморок и его не стошило.

НЕСКОЛЬКО СЛЕДУЮЩИХ дней все было тихо. Я застрелил ореодона, чтобы Хуан вскрыл его, и тот снова весь изгваздался в крови. Нам пришлось провести еще один сеанс с мылом и щеткой. Получилось сложнее, так как нам пришлось таскать воду из небольшого местного ручья.

Перед прибытием переходной камеры произошел еще один инцидент. Я уже говорил, что с одной стороны нашего лагеря простиралась покрытая кустами открытая равнина. За день до появления камеры я был у себя в палатке, когда меня окликнул Борегар:

- Мистер Реки! Выходите, вы должны это видеть!

Мы с сагибами почти одновременно оказались там, где стоял Борегар: Хуан с фотокамерой, Стэндиш с луком, Хоффман и я с нашими пушками. Борегар позвал посмотреть на взрослого самца-бронтотерия, бредущего через луг и поедающего все на своем пути. Он был почти таким же большим, как взрослый слон и находился не более, чем в пятидесяти метрах от нас.

- Вот ваш второй трофея, охотники, - сказал я. - Кто хочет?

Стэндиш и Хоффман тихо переговорили между собой, и Хоффман сказал:

- Я пас. Мне хватит и кожи ореодона. Марта никогда не позволила бы мне поместить голову этой твари в нашей гостиной, с ней не останется места для гостей.

- Я тоже, - сказал Стэндиш. - Энтелодона с меня достаточно. Поплагаю, Реджи, вы ведь пожелаете, чтобы я помог его свежевать?

- Чертовски верно подмечено, - ответил я.

- Так или иначе, в любом случае я сомневаюсь, что мой лук спрavitся с такой работой.

Он впервые признал, что из его чудесного лука нельзя убить любого замеченного зверя.

Услышав звук наших голосов бронтотерий поднял голову и сделал пару шагов навстречу. Мы с Хоффманом проверили наши винтовки.

Потом бронтотерий, показалось, потерял интерес. Могу представить, что происходило в примитивном маленьком мозгу: «Там

нечем вкусным не пахнет, а эти существа не выглядят опасными. Зачем тратить на них время, когда и здесь имеется чудесная зелень для еды?»

Конечно, это только мои домыслы. Факт тот, что бронтотерий отвернулся и занялся травой. Он жевал, и жевал, и жевал всю дорогу, пока шел через луг, а потом, все еще продолжая жевать, исчез среди деревьев.

Можно сказать, что это был разочаровывающий финал наших приключений, но меня скорее обрадовало, что дело обернулось таким образом, что обошлось без убийств или каких-либо потерь. С психами вроде Стэндиша, главная проблема в том, что вы никогда не можете уверенно предполагать, что они вытворят в следующую минуту, и не знаете, какие меры предосторожности предпринять.

ВОТ ИСТОРИЯ самого странного из моих клиентов, хотя, если хорошенеко повспоминать, то, пожалуй, я могу рассказать о тех, кто вполне мог бы сравниться со Стэндишом, а, возможно, и превзойти его.

Камера прибыла вовремя; мы погрузились вместе с нашими трофеями; и Коэн, оператор камеры, доставил нас в Настоящее без дальнейших осложнений.

С тех пор я не слышал о Фрэнке Хоффмане. Стэндиш же появлялся в новостях около года назад.

Похоже, он женился на девушке, которая оказалась, мягко говоря, ветреной. Через несколько месяцев он застал ее в постели с другим парнем, которого тут же придушил до смерти. Должно быть, он был сильнее, чем выглядел. Суд его оправдал, он бросил даму и пропал из виду.

Как я уже говорил, сафари могут получиться развлекательными, но чаще всего приходиться избавляться от одной чертовски чрезвычайной ситуации, чтобы тут же влиться в другую. Я научился ненавидеть сюрпризы. И не забудьте прислать мне копию этого интервью, когда оно будет напечатано!

NOVEMBER 1992

Asimov's SCIENCE FICTION

ISAAC
ASIMOV

FREDERIK
POHL

L. SPRAGUE
de CAMP

BEN
BOVA

SPECIAL
TRIBUTE
ISSUE

\$3.95 U.S./\$4.95 CAN.

11

5

11

5

VI. САТАНИНСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ

ДА, МИСТЕР ПРОКТОР, у нас случались проблемы с такими моралистами. Если бы вы пришли пару лет назад, вы бы увидели здесь возле нашего офиса линию пикетов. Транспаранты, которые они несли, осуждали Раджу, то есть моего напарника, Чандру Айара, и меня как убийц и посланников Сатаны. Я так никогда до конца и не выяснил, кого из нас они считали самим Стариной Ником*, а кого - бесом-помощником. Пока это продолжалось, ощущения были чертовски неприятными, но не думаю, что это реально оттолкнуло много потенциальных клиентов. Парни, которые отправляются с нами на сафари во времени, не из тех, кого остановит история из Книги Бытия про семь дней творения.

Ладно, я расскажу. Тогда я работал в свою очередь в офисе, пока Раджа водил отряд в юрский период. Почему-то сложные случаи всегда всплывают на моем дежурстве.

Как бы то ни было, однажды днем мисс Минакучи сказала, что ко мне пришли два священника. Необычно, но я велел пригласить их. Священниками оказались большой и сильный преподобный Гилмор Зан, и маленький и худощавый преподобный Пол Хьюберт. Я слышал о Зане, главном проповеднике фундаменталистов Сент-Луиса, вещающем об адском огне и проклятиях. Мисс Минакучи вырезала газетные статьи, в которых Зан говорил о Реки и Айаре как об уводящих души в неверие и проклятие; но я никогда не уделял этому особого внимания.

Этот визит удивил меня не меньше, чем если бы воинствующий борец за трезвость пришел в штаб-квартиру пивоварни Шнейдера** сделать пожертвование. Но в бизнесе приходится проявлять гибкость. Поэтому я спросил:

- Чем могу помочь, господа?

Ответил Зан:

- Мы хотим отправиться в одно из ваших сафари, не для охоты, а для того, чтобы посмотреть на ландшафт, фауну и флору различных так называемых геологических эпох. Я Гилмор Зан, а это мой помощник пастора, преподобный Пол Хьюберт.

- Приятно познакомиться, - сказал я. - Я читал в газетах некоторые замечания по поводу нашего предприятия, которые вы делали в проповедях.

* Старина Ник (англ. Old Nick) - эвфемизм для дьявола. (Прим. перев.)

** Имеется в виду баварская пивоваренная компания *G. Schneider & Sohn*, основанная в 1872 г. (Прим. перев.)

- О, это, - Зан взмахнул большой, пухлой рукой и улыбнулся широкой, искренней улыбкой. - Ничего личного, уверяю вас. Судя по тому, что я слышал, вы являетесь опорой общества, хорошим семьянином, добросовестно выполняющим свои гражданские обязанности и ведущим спокойную, нормальную жизнь. Естественно,

THE SATANIC ILLUSION

L. Sprague de Camp

This distinguished author's numerous publications include the classic science fiction novels *Lest Darkness Fall* and *Rogue Queen*; wonderful fantasies such as *The Incomplete Enchanter* (with Fletcher Pratt) and *The Undesired Princess*; and *The Great Monkey Trial*—his definitive history of the 1925 Scopes evolution trial in Dayton, Tennessee. A collection of Mr. de Camp's Reggie Rivers stories is forthcoming from Baen Books.

art: Bob Walters

между нами есть философские различия, но это не должно исключать дружественных личных отношений.

Этот большой парень обладал располагающими манерами, отчего сложно было относиться к нему неприязненно. Затем вступил преподобный Хьюберт:

- Мы надеемся, что вы не станете возражать, если это исследование разрушит ваш бизнес. Что мы пытаемся сделать, так это установить правду, всю правду, и ничего, кроме правды.

- А? - сказал я. - Почему оно должно разрушить наш бизнес?

Он подался вперед, нацелив на меня свой острый нос, словно оружие.

- Потому что оно обнажит лживость всей эволюционной ереси. Оно покажет, что все доисторические звери, чьи головы, шкуры и фотографии ваши клиенты приносят домой, жили не последовательно, а одновременно.

Подчеркивая сказанное, он хлопнул ладонью по столу, что мне показалось некоторой наглостью.

- Да ну, в самом деле? - хмыкнул я.

- Да, в самом деле, - продолжил Хьюберт, размахивая передо мной указательным пальцем. - Исследование докажет, что все твари были созданы Богом одновременно, как то сказано в Библии.

- Как насчет всех тех тысяч вымерших видов, которых выкопали как окаменелости, и которых на наших сафари видели во плоти?

- Это виды, которые не смогли добраться до Ковчега, - сказал Хьюберт.

- Успокойся, Пол, - сказал Зан. - Не переубеждайте мистера Реки. Вы, сэр, можете, очевидно, отправить охотников в древние времена - или на тысячи лет назад, как полагаем мы, или на миллионы лет назад, как утверждает ложная религия-ученость, чтобы охотиться на вымерших в современном мире животных. Я не понимаю, почему бы вам не продолжать делать именно это, несмотря на истинность или ложность эволюционной теории. Так вы возьмете нас?

Я покачал головой.

- Нет, джентльмены, не думаю, что такое сафари во времени, на которое рассчитываете вы, практически осуществимо. Слишком далеко от нашей обычной работы. Кроме того, преподобный Хьюберт на мой взгляд слишком маленький, чтобы отправиться в мезозой.

- Какое отношение к делу имеет мой рост? - спросил ощетинившийся Хьюберт.

- Потому что вы слишком малы, чтобы справиться с оружием, необходимым для противодействия динозаврам. Мы только раз потеряли клиента, и это стало результатом того, что мы взяли слишком маленького человека в меловой период. Тираннозавр сожрал его, даже после того, как охотник нафаршировал зверя пулями калибра .375.

- Мы не собираемся ни охотиться, ни стрелять, - сказал Зан. - Из того, что я слышал о дикой природе, если вы оставите зверей в покое, почти все они будут вести себя столь же вежливо. Оружия нам не надо, мы удовольствуемся тем, что рассмотрим опасных существ с большого расстояния, в бинокль. Как вам такое?

- Нет, извините. Наше дело - доставлять охотников за трофеями в периоды, когда не нужно беспокоиться об исчезающих видах, а не помогать доказывать теологические теории.

- Мистер Реки, - сказал Зан, - разве вы не рассказывали о сафари во времени в Вестсайдском отделении ИМКА* в марте прошлого года?

- Да, рассказывал.

- И разве вы не говорили, что хотели бы взять пару тупых фундаменталистов на одно из сафари, дабы они сами увидели, каким мир на самом деле был в доисторические времена?

- Да, примерно так.

- Ну что ж, - сказал, просияв, Зан, - вот прекрасная возможность исполнить ваше желание. Я уверен, что такой человек, как вы, с развитым австралийским чувством спортивной чести, не изменит своему слову.

Тут стало ясно, что эта парочка ухватила меня за мошонку. Еще немного побалаболив, я сказал:

- Окей, я согласен - при условии, что вы, господа, сможете оплатить наши тарифы. Они, по общему признанию, крутые, потому что временная камера профессора Прохазки жрет фантастически много электроэнергии.

- Сколько? - спросил Зан.

Я сказал, и, знаете ли, большой парень тут же вытащил чековую книжку и выписал чек на четверть от общей суммы в качестве депозита! Я увидел, что чек был выписан на его церковь.

Я сказал им, что мы не сможем отправиться, пока Раджа не вернется из юрского периода, но они согласились повременить. Предварительно мы назначили дату отбытия на следующий месяц.

Как только они ушли, я отправился в офис «Герольда» и спросил друга, который работал в этой газете, что он знает о финансовой состоятельности церкви Зана. Похоже, там все было просто замечательно, и я направился было в банк, когда мой друг-журналист Спенсер Макмертри задержал меня.

- Реджи, - сказал он, - раз ты действительно собираешься взять святош, чтобы увидеть, кто победит - теория эволюция или Книга Бытия - я тоже хочу отправиться с вами. Думаю, я смогу раскрутить газету на наличные. Может получиться потрясающая история!

- Окей, - сказал я, - если сможешь договориться. Стрелять умешь? Никто из этих проповедников не собирается брать ружья, а

* YMCA, ИМКА (от англ. Young Men's Christian Association - «Юношеская христианская ассоциация») - молодежная волонтерская организация. (Прим. перев.)

это делает нас слишком слабо вооруженными для того, чтобы чувствовать себя там комфортно.

- Конечно, умею!

Позже я отвел его на полигон и выяснил, что он приличный стрелок. Поскольку у него не имелось своего крупнокалиберного оружия, подходящего для осмотра достопримечательностей там, куда мы собирались, я дал ему в аренду одну из наших двуствольных «шестисоток». На полигоне, будучи крепким, хорошо сбитым парнем, он доказал, что может справиться с таким штуцером.

В НАЗНАЧЕННЫЙ ДЕНЬ мы собирались в здании машины времени. Здание принадлежит университету, но фактически большую его часть занимают аппаратура Прохазки и вспомогательное оборудование. Проповедники были в новехоньких костюмах-хаки для сафари. К нашему отправлению несколько газет прислали репортеров, и мужчина из «Пост-Диспетч» спросил:

- Правда ли, мистер Реки, что цель этой экспедиции - обратить преподобного Зана в сторонника теории эволюции? Уверен, что он попытается обратить вас в последователя его версии христианского учения.

- Не совсем, - сказал я. - Я никого не пытаюсь обращать во что бы то ни было. Я просто представлю доказательства перед ним, а он чертовски хорошо сможет сделать свои собственные выводы.

Репортер из «Глоуб-Демократ»:

- Почему вы не берете буррос, ведь их же брали на прежние сафари?

- Потому что мы не планируем отъезжать от машины времени. Мы просто сделаем четыре-пять остановок во времени, и на каждой проведем день-два. Мы нырнем в девонский период и оттуда начнем подниматься прыжками по пятьдесят-сто миллионов лет, до самой крайней разрешенной даты для путешествия в плиоцен.

- Почему бы вам не остановиться в плейстоцене, когда повсюду бегали все эти мамонты и прочие твари, а за ними гонялись или, наоборот, от них удирали пещерные люди?

- Недопустимо, - ответил я. - Мы можем столкнуться с одним из этих ребят и, взаимодействуя с ним, изменить всю последующую историю. Вселенная не допускает такого парадокса.

- Или, - сказал преподобный Зан с улыбкой Шалтая-Болтая, - как должен я заметить: «Никому не удастся провести Бога». Шестая глава «Послания к Галатам».

* «Не поддавайтесь заблуждению: никому не удастся провести Бога. Человек пожнет то, что он посеял» Послание к Галатам апостола Павла 6:7. (Прим. перев.)

Я продолжил:

- В момент попытки сделать что-то, что может повлиять на настоящее, силы пространства-времени возвращают тебя обратно в Настоящее, а этот процесс чертовски окончательно убивает.

- Получается, вы не сможете показать преподобному обезьяну и сказать: «Вот наш предок, хотите верьте, хотите нет»?

- Нет, не сможем. Даже если бы и могли, все эти предки были в Старом Свете, а переходную камеру невозможно перемещать по поверхности Земли. Они добрались до Америки, только тогда, когда уже превратились в *Homo sapiens*. Те, кто пришел из Сибири, были просто краснокожими, как мы их раньше называли. Сейчас, насколько я понимаю, предпочитают термин «коренные американцы».

Коэн, оператор камеры, подал голос:

- Реджи, ты и твой отряд готовы?

- Полминуты, Брюс, - сказал я. - Еще вопросы? Могу ответить еще на один.

- Мистер Реки, - сказал человек из одной из пригородных газет, - разве вы с преподобными не собираетесь заниматься охотой или добычей трофеев?

- Я охочусь только с ними, - сказал Хьюберт, показывая на фотокамеры, свисавшие с его шеи.

- А я ловец не зверей, но душ, - добавил Зан. - Не то, чтобы, поймите, пожалуйста, я воспринимал всерьез эту экологическую чушь. Как сказано в Книге Бытия: Бог дал человеку «владычество над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Если вид, не имеющий практического значения для человека, вымрет, то это ни для кого не станет настоящей потерей, за исключением разве что излишне сентиментальных людей, которые больше заботятся о таких существах, чем о своих близких. Но я никогда не охотился в обычном смысле этого слова и никогда в жизни не испытывал желания заниматься охотой.

- Пора, - сказал я, направляя своих барабашков в загон переходной камеры.

Несмотря на то, что мы брали с собой минимум оборудования, камере, чтобы доставить нас всех, все равно приходилось совершать две перехода, куда бы мы ни направлялись. Нас было восемь: я, два проповедника, журналист и команда поддержки, состоящая из босса лагеря Борегара Блэка, двух помощников и повара Мина. Мы могли бы втиснуться все ввосьмьмером за раз, с рюкзаками на спине; но тогда не осталось бы места для палаток, камбуза и другого необходимого оборудования на запланированную неделю в поле.

Дверь закрылась. Коэн нажал кнопки, и машина загудела.

- Когда, Реджи? - спросил он.
- Настраивайся на этот же день, триста семьдесят пять миллионов лет до нашей эры, - сказал я. - Мы должны оказаться в девоне.

Понимаете, мистер Проктор, даты геологических эпох более или менее приблизительны. Точно так же существуют пределы точности механизмов, искажающих время. Точность значительно улучшилась с тех пор, как Прохазка начал свой проект; но время прибытия все еще может не совпадать на несколько часов, дней или даже месяцев с назначенной. Чем дальше назад во времени, тем больше границы допускаемой ошибки.

Итак, Брюс Коэн нажал на свои кнопки, подкрутил циферблаты, и свет погас. Вы никогда не бывали в переходной камере, не так ли, мистер Проктор? Я так и думал. В первый раз это чертовски изнурительное переживание, сопровождаемое тряской, головокружением, тошнотой и ужасным ощущением свободного падения, пусть даже сознание говорит вам, что ваши ноги твердо стоят на полу камеры.

Должен сказать, проповедники все это перенесли хорошо. Я знал людей покрепче, чем Зан, которым случалось здесь выблевывать свой завтрак; по этой причине Коэн оборудовал камеру гигиеническими пакетами. Макмертри имел нездоровий вид, но те двое просто стояли, мрачно сжимая челюсти и молча двигая губами. Смею предположить, что они молились.

Когда стрелки на циферблатах индикации времени перестали вращаться, Коэн осторожно повернул маленький маховик, глядя на экран радара, чтобы отрегулировать нашу высоту. Высота над уровнем земли варьируется от эпохи к эпохе, и материализоваться как выше, так и ниже уровня земли было бы весьма нежелательно. В первом случае камера упадет как камень, во втором произойдет взрыв типа ядерного, который не оставит ничего ни от камеры, ни от людей.

Наконец он с громким хлопком установил нас и открыл дверь. По привычке я выскочил с ружьем наготове, пусть и был уверен, что в этот период на земле не окажется никого грознее, чем насекомое или краб.

Действительно, ничего живого вокруг не наблюдалось. Солнце только-только поднималось над огромным горным хребтом к восстоку от нас, гигантской дугой выгибавшимся на север; в то время как в западном небе готовилась закатиться полная луна, выглядевшая в полтора раза больше нынешней.

Астрономы говорили мне, что луна была ближе к Земле, чем сейчас, и поэтому приливы были выше, а дни короче, чем сейчас. Приливы послужили тормозом, который несколько замедлил вращение Земли за последние полтысячи миллионов лет. Если вы находи-

тесь в прошлом, то для точного контроля времени вам понадобятся часы, идущие на несколько процентов быстрее, чем обычно.

Пока остальные выходили из кабины, я оглядывался вокруг. Как я уже отметил, к востоку и северу от нас находился большой горный массив. Мы материализовались у подножия холмов. Эти горы были абсолютно лишены растительности, как некоторые, виденные мною в западном Техасе. Точно так же и на нашем месте высадки не было растительности, по крайней мере, достаточно значительной, чтобы разглядеть невооруженным глазом, в результате имелся прекрасный обзор во всех направлениях. Поскольку в этот период не было дров, мы взяли с собой небольшую полевую кухню на керосине, чтобы моим клиентам не приходилось обходиться холодным армейским сухим пайком.

Эти горы, решил я, должно быть, Аппалачи еще не сточенные эрозией до основания. Позже выяснилось, что я ошибался. Силы эрозии превратили эти горы в плоскую равнину задолго до образования Аппалачей; затем еще одна подвижка земной поверхности подняла эту часть страны. Эрозия принялась и за новые горы, первоначально не менее впечатляющие, чем эти, и обстрогала их, превратив в низкие пологие холмы, которые и есть современные Аппалачи.

К западу виды были совершенно иными. В нескольких километрах вниз по пологому склону, виднелась полоса темно-зеленого цвета, а за ней рукав моря, едва видный за верхушками деревьев.

Хьюберт спросил резко:

- Мистер Реки, вы уверены, что не перенесли нас вперед во времени, в те дни, когда человечество исчезло с лица Земли?

- Совершенно уверен, - ответил я. - Профессор Прохазка пытался мне это объяснить, но я не из тех мыслителей, которые понимают четырехмерные проблемы. Похоже, что, согласно его уравнениям, теоретически возможно отправить камеру вперед во времени, то есть в будущее, но при этом ее обратно не вернуть. Если, например, он послал бы меня вперед в этой машине, и я увидел бы, что там происходит, то после возвращения я мог бы сделать что-то, чтобы этого не произошло, или, по крайней мере, произошло бы иначе. Это вызовет еще один парадокс. Такое невозможно в логически устроенной Вселенной.

- Если не признавать возможности божественного вмешательства, - благожелательно сказал Зан, - «ибо есть сила у Бога поддержать». Вторая книга Паралипоменон, двадцать пять.

- Если пожелаете, можете его признавать. Я проводник охотничьих партий, а не богослов, и не стану пытаться спорить на такие вопросы. В любом случае, профессор не хочет потерять свою многомилионную машину времени, отправив ее в будущее без шансов на возврат.

Я достал карманный дальномер и посмотрел на далекую линию зелени.

- Растительность вдоль береговой линии примерно в трех километрах отсюда. Если хотите посмотреть на жизнь в девоне поближе, как насчет того, чтобы спуститься к берегу и обратно? К тому времени команда разобьет лагерь, а Мин приготовит поесть.

Святоши согласились.

- Реджи, а ружье стоит брать? - спросил Макмертри.

- Не думаю.

- Я вижу, свое ты берешь.

- Сила привычки. После стольких сафари и столкновений с чертовски грозными созданиями, без него я просто чувствую себя некомфортно. Но тебе посоветовал бы оставить свое, чтобы не таскать лишнюю тяжесть.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЗАН доказал, что среди нас он наименее подготовленный путешественник. Имея избыточный вес и не имея физической подготовки, он всю дорогу тяжело дышал и жаловался на свои новые ботинки. Но продолжал тащиться с нами, пока мы не достигли полосы растительности вдоль берега неизвестного моря, простиравшегося до горизонта. Вода и песок выглядели так же, как вода и песок нашего времени, море было очень гладким и спокойным, с небольшими волнами, накатывающимися на песок. Но растительная жизнь была совсем иной.

Вам когда-нибудь снилось, что вы уменьшились до размера муравья и проридались сквозь травяную чащобу на чужом газоне? Ну, путешествие человека через девонский лес создает аналогичное впечатление. Местные растения являются древними родственниками многих примитивных низкорослых современных, вроде папоротников, хвоиц, плаунов или ползучей живучки; все эти растения можно встретить на берегах ручьев. Но плауны, вместо того, чтобы быть маленькими мохнатыми растениями размером с пальчик, здесь были чешуйчатыми деревьями высотой десять-пятнадцать метров, лишенные чего бы то ни было, похожего на листья.

Хвоиц, вместо того, чтобы иметь размеры, подходящие для выращивания в горшке, достигали высоты трех-четырех метров. А папоротники, как и плауны, стали настоящими деревьями со стволами, похожими на стволы пальм, только на вершине, вместо пальмовых шумели молодые улиткообразно-свернутые листья папоротника. У меня возникло забавное чувство, что человек в этом пейзаже должен быть размером с семиэтажный дом.

Сначала мы не замечали признаков животного мира. Пока, озираясь по сторонам, мы пробирались сквозь зеленый пояс к воде, Хьюберт и Макмертри щелкали своими камерами. Макмертри вдруг воскликнул:

- Эй, там жук!

Он побежал пару шагов и наклонился, чтобы схватить существо, кем бы оно ни было, но оно удрало. Макмертри сказал:

- Он выглядел как чешуйница нашего времени. Разве они не первые настоящие насекомые, вышедшие на берег?

- Именно так мне говорили и ученые, - заметил я.

- Похоже, это паук! - сказал Хьюберт и настроил одну из своих камер на съемку крупным планом.

- Лучше не пытайтесь поднять его, - сказал Макмертри. - Не знаю, развились ли у них ядовитые железы так рано, но лучше не рисковать.

Мы неспешно шли дальше. Макмертри воскликнул, увидев на стволе дерева крошечную многоножку. Он обратился к Зану:

- Что ж, преподобный, вы должны признать, что этот небольшой лес не похож ни на один лес нашего времени.

- Я ничего не признаю, - сказал Зан. - Я так понимаю, что мистер Реки, возможно, высадил нас на заброшенном побережье своей родной Австралии. У них там много всяких странных растений и животных.

- Но вы должны признать, что мы не увидели никаких животных, кроме нескольких... Реджии, как называются все эти существа с суставчатыми ногами, вроде этих насекомых и пауков?

- Полагаю, это членистоногие, - сказал я.

- Окей, членистоногие. Но нет млекопитающих, птиц и рептилий. Это соответствует тому, что эволюционисты рассказывают нам о самой ранней жизни на Земле.

- Это ничего не доказывает, - сказал Зан. - Есть много частей нынешней Земли, где дикие животные были истреблены или вытеснены. Тот факт, что мы не видим антилоп или кенгуру, не доказывает, что мы не увидим их во множестве, если пересечем вот тот горный хребет.

- Эй! - воскликнул Хьюберт. - Вот настоящее сухопутное животное - я думаю, это рептилия!

Мы были на краю пляжа и смотрели на воду, покрытую мелкой рябью. На таком побережье в Настоящем можно было бы увидеть стаи морских птиц, гнездящихся на берегу и кормящихся в воде. Но здесь не было ничего подобного.

Хьюберт указал на существо, лежащее в песке в паре метров от края воды. Оно имело форму ящерицы, покрытой мягкой пурпурно-буровой кожей. Полагаю, ученые сочли бы ее не рептилией, а земноводным, что-то вроде тритона или саламандры. Длиной она была около тридцати сантиметров и толще тритона.

Хьюберт поспешил к существу, нацелив одну из своих камер. При приближении человека тритон приподнялся на четырех коротких ногах, но, похоже, совсем не склонен был отступать.

Он стоял неподвижно, пока Хьюберт его снимал. Потом Хьюберт вытянул палец, видимо, чтобы побудить тритона хоть к какой-то активности. Как только палец коснулся блестящей, влажной шкуры, тритон крутнулся и зажал палец в челюстях.

- Ой! - закричал Пол Хьюберт, отпрыгивая назад и поднимая руку.

Тритон не ослабил хватку и повис над песком на пальце Хьюберта.

- Реджи! Как мне отцепить эту проклятую тварь? Больно!

- Попробуйте притопить его в воде, - посоветовал я.

Хьюберт подошел к морю, опустил руку с тритоном в воду и тот скоро освободил палец. Хьюберт попытался пнуть его, но промахнулся, и тритон, извиваясь как угорь, уплыл прочь.

- Это должно научить вас не беспокоить местных диких животных, - сказал я, - если не собираетесь добывать трофеи.

- Пропади оно все пропадом! - воскликнул он. - Ботинки промокли! Могу я снять их и высушить носки, прежде чем мы пойдем обратно?

- Почему бы и нет, - сказал я.

Когда Хьюберт разложил обувь и носки на прибрежной полосе, он решил побродить в воде. Подвернув штанины выше колен, он вошел в море. Макмертри решил поступить аналогично, а поскольку он надел для прогулки шорты, ему было проще. Они весело шлепали по воде и замечательно проводили время.

- Как дети, - раздался звучный голос Гилмора Зана. - Если вы не возражаете, я тоже сниму обувь и носки, бродить я не собираюсь, но мне нужно отдохнуть.

- Чтобы не так уставать, нужно хоть немного упражняться, - сказал я.

- Вы правы. Обжорство и лень - мои смертные грехи, с которыми я стараюсь бороться. Надо регулярнее заниматься физическими упражнениями.

Потом крик со стороны воды привлек мое внимание. «Бродильщики» с плеском живо выскочили обратно на берег, и Макмертри сказал:

- Мы только что видели дьявольски занятную штуку! Думаю, его можно назвать девонским лобстером, только он не похож ни на одного из тех, кого я когда-либо видел.

- Длиной примерно с меня, - вклинился Хьюберт, - с сужающимся сегментированным телом. У него много ног, первая пара заканчивается клешнями, а последняя пара расплющивается как лопасть весла.

- Скорее всего, оно безобидно, - сказал я. - Не то, чтобы я захотел залезть в ванну с ним. Это эврилтерид или морской скорпион.

- Скорпион, да? - спросил Хьюберт. - У него что, жало в хвосте?

- Точно не знаю, но сомневаюсь в этом. Когда ваши ноги высохнут, и вы сможете обуться, надо будет возвращаться.

ОСТАНОВКА В ДЕВОНЕ дала еще не слишком много. Там реально мало что было интересного для таких людей, как мои сагибы, не являющихся учеными. Мы чертовски быстро исчерпали все возможности уже в это утро. Так что неудивительно, что днем они попросили меня не ночевать в девоне, а обратиться к Коэну, чтобы тот принес их вперед на следующую остановку.

Я передал информацию Коэну. Борегар и его помощники выглядели слегка недовольными, ведь им приходилось собирать так и неиспользованные палатки и прочие вещи; но Борегар был слишком практичен и дисциплинирован, чтобы возражать. Мне показалось, что я услышал, как Панчо пробормотал что-то вроде «*Tal tonteria!*»*, но притворился, что не слышу, не желая обсуждать этот вопрос. Ко времени вечернего чаепития мы снова путешествовали по времени.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА была в Пенсильванском периоде, который европейские геологи называют поздним карбоном. Она оказалась еще менее плодотворной, чем девонская. Топография вокруг изменилась; мы оказались на плоской заболоченной равнине. Осталось ли что-нибудь от горной цепи, протянувшейся в девонском периоде с востока на север, мы ничего не могли сказать, потому что, когда мы прибыли, шел ливень. Дождь выжимался из одеяла низких серых облаков, смывая с лица Земли все горы, которые могли существовать.

Мы видели шнырявших среди деревьев пару крупных земноводных, или, возможно, рептилий, или нечто среднее между ними. Они походили на тритонов с избыточным весом и длиной более метра. Деревья же очень походили на те, которые мы видели в девоне, только их было больше и сами они были выше - судя по тому, что мы кое-как смогли разглядеть сквозь потоп. Когда ливень слегка стихал, становилось слышно хриплое кваканье, похожее на те брачные песни, которое по весне распевают лягушки, только эти квакали очень низким басом.

Поскольку в нашем расписании появился лишний день, мы решили переждать дождь. Но когда он не стих и на третий день, мои клиенты сказали, что будут рады переместиться к следующей остановке.

- Очень интересно, - сказал Зан. - Я и не знал, что еще остались такие тропические болота, ведь бразильцы и прочие уничтожили их ради выращивания сельскохозяйственных культур. Однако, как

* Бред какой-то! (исп.)

я теперь понимаю, они сохранили некоторые территории в качестве национальных парков; видимо, это один из них.

- Вы имеете в виду, - сказал Макмертри, - что просто не верите, что мы вернулись на триста с лишним миллионов лет до рождества Христова?

- Нет, пока это не подкреплено словом Божиим, - улыбаясь, сказал Зан.

Команда под ливнем снова собрала палатки, и камбуз и мы отправились в поздний юрский период.

НА ЭТОТ РАЗ, когда мы вышли из переходной камеры, я предупредил своих клиентов, чтобы они держались рядом со мной.

- Там есть чертовски опасные тероподы, - сказал я им.

Особенно пристально я смотрел на преподобного Хьюберта, потому что счел его импульсивным и напористым типом, который, вполне вероятно, в стране динозавров может подвергнуть опасности себя и своих спутников.

- И знаменитые тираннозавры? - спросил он.

- Нет, они появятся сорок-пятьдесят миллионов лет спустя.

- Согласно вашей ложной теории, - сказал Хьюберт так резко, как будто намеревался затеять свару.

- Успокойся, Пол, - вмешался Зан. - Реджи сказал, что не будет пытаться обратить нас в сторонников эволюционной теории, а просто представит доказательства и позволит нам принять собственное решение. Так что давайте смотреть, наблюдать и не спешить делать свои умозаключения, пока не вернемся домой.

- Свое решение я уже принял, - сказал Хьюберт. - В любом случае, не думаю, что есть о чем беспокоиться, раз отсутствуют эти тираны-ящерицы.

- Боюсь, это не совсем так, - сказал я. - Существует целый набор тероподов разного размера. Так уж оно работает в природе - для каждого размера найдется своя особая добыча, поэтому разные виды хищников не так уж и конкурируют. Самый большой в это время - аллозавр, или, во всяком случае, теропод этого вида, доросший за достаточно долгую жизнь до размеров тираннозавра. Знаете, у большинства рептилий отсутствует имеющийся у нас внутренний отсекающий механизм, который останавливает рост на определенном этапе. Поэтому чем дольше они живут, тем больше становятся. Некоторые из моих друзей-палеонтологов считают, что этих здоровяков следует выделить в отдельный род, который они называют эпандериас. В любом случае, это не те зверьки, с которыми ты захочешь рискнуть встретиться.

Хьюберт оглянулся на лес.

- Никого из них здесь и сейчас я не вижу, - сказал он.

- К счастью для нас, - сказал я. - Эй, не заходите на то место, где была камера! Оно должно оставаться свободным, чтобы оператор смог установить в том же месте кабину с командой.

Мы оказались в лесистой местности. Насколько я могу видеть с площадки - не очень далеко - местность была более волнистая, чем плоская равнина Пенсильванского периода. Нас окружали основным пальмы разных видов, а также саговые, похожие на толстые, обрубленные пальмы, на стволах которых росло что-то вроде цветов. Попадались и араукарии. В этот период также уже появились древние родственники современного гинкго, но ни одного из них здесь я не увидел.

Среди деревьев росли кустарники, некоторые из которых были хвощами, как и те, что в девоне одними из первых завоевали землю. Эти были меньше и не такими впечатляющими, как девонские. Травы не было - она еще не появилась в процессе эволюции.

В целом, флора стала больше походить на растения нашей эпохи и меньше напоминать растения с другой планеты. Ее цвет в основном оставался таким же мрачно-зеленым, утомляющим глаза, если смотреть на растительность достаточно долго.

Слышалось жужжание насекомых, отсутствие которых я заметил на остановке в девоне. Что касается других форм жизни, то следовало подождать и посмотреть.

- Не разделяйтесь, - сказал я. - В таких лесах проще всего потеряться, едва только престанешь видеть базу. Скажем, вы запоминаете конкретное дерево, чтобы найти по нему дорогу назад, а потом когда вы начинаете его искать, оно превращается в дюжину деревьев, все они выглядят одинаково и заманивают в разных направлениях.

Прибыла команда и начала разбивать лагерь. Пока они это делали, нас окликнул Макмертри:

- Эй, вот и животинка!

Зверь, который бродил по деревьям и смотрел на нас в чистом виде, был камптозавром, одним из мелких игуанодонов. Типичный взрослый весил сто, а то и сто пятьдесят кило. Если он встанет на задние ноги, используя свой хвост в качестве опоры, его голова окажется на уровне ваших глаз. Опускаясь, чтобы идти или бежать, он будет вам по пояс. Голова его при этом торчит горизонтально спереди, а хвост для балансировки вытянут назад. В остальном это чертовски невпечатляющий динозавр: ни заметных рогов, ни клыков, ни когтей прирожденного убийцы.

Зверь спокойно посмотрел на нас и начал откусывать верхушки ближайших кустов и поросли. Пока он пасся, появилось еще несколько его сородичей. Камптозавр - стадное животное, и первый из них был всего лишь первым из толпы - извините, из стада - двадцати с лишним рептилий. Несколько молодых держались в сере-

дине. Они брели мимо, жуя ветки и бросая в нашу сторону короткие безразличные взгляды. Я сказал:

- Если желаете на ужин стейк из динозавра, то вот он, рядом гуляет.

- Можно стрелять, Реджи? - спросил Макмертри.

- Ага.

Он достал штуцер, прицелился в ближайшего камптозавра и пальнул. Корчась и извиваясь, упал небольшой динозавр. Остальные, ничего не понимая, оглядывались вокруг, сначала на своих сородичей, а затем на нас. Потом все они перешли на рысь и вскоре исчезли из виду.

Я направился к туше, чтобы разделать ее, когда меня позвал Зан:

- Эй, Реджи! Посмотрите, что там идет!

А вот и стегозавр - точнее, их стадо из двенадцати-пятнадцати особей. Эти передвигались на всех четырех ногах, с вертикальными костяными пластинами вдоль хребта. Мне говорили, что эти пластины - не броня, а радиаторы для теплорегулирования, вроде ушей у слона. Как и камптозавры, они жевали ветки, но находящиеся ближе к земле, потому что в их естественной позе головы наклонялись ниже.

Стегозавров мы, похоже, заинтересовали еще меньше, чем камптозавры. Когда, пробираясь между деревьями, они оказались на расстоянии около пятидесяти метров, Хьюберт сказал:

- Реджи, мне нужно подойти поближе, чтобы сфотографировать их!

- Мне тоже, - добавил Макмертри, почти такой же фанатик фотосъемки, как и Хьюберт.

- Окей, но пусть Спенс возьмет свой штуцер, - сказал я. - А вы, преподобный? - обратился я к Зану.

Проповедник был настолько впечатительным, что мне даже в голову не приходило обращаться к нему «Гилмор» или «Гил».

- Я буду счастлив остаться там, где нахожусь, - сказал Зан, сидящий на одном из наших складных стульев. - После этого парада бестий, единственное, что я хотел бы увидеть, так это бегемота.

- А? Разве это не мифическое библейское животное?

- Нет такого понятия, как «мифическое» библейское животное, Реджи, - сказал он серьезно. - Некоторые говорят слово «бехема» на иврите, передаваемое как «бегемот», это всего лишь гиппопотам, который, как полагают, обитал в реках Палестины в древние времена. Но поскольку по контексту это слово означает нечто огромное, то я уверен, что оно относится к одному из ваших самых больших динозавров - с длинными шеями и маленькими головами.

- Вы имеете в виду зауроподов?

- Да, полагаю, что они именно так и называются. Поскольку зауропод, насколько я слышал, весят больше, чем дюжина гиппо-

потамов, это со всей очевидностью показывает, что слово Божье есть ничто иное, как буквальная истина, а зауроподы не вымерли миллионы лет назад, а жили в библейские времена.

- Эй, Реджи! - позвал Хьюберт. - Идем, или они все исчезнут из виду!

- Окей, - откликнулся я. - Мы закончим этот спор позже, преподобный. В этот раз лучше, если первыми пойдем Спенс и я.

Обычно я ставлю клиентов впереди и следую за ними. Так, во-первых, они получают возможность стрелять первыми, а во-вторых, если кто из них и споткнется, то не отстрелят проводнику голову. Но поскольку у Хьюберта не имелось оружия, в данном случае в этой процедуре не было смысла.

Мы прошли около половины пути до стада стегозавров, когда некоторые из них нас заметили. Они тупо посмотрели на нас и продолжили жевать ветки. Возможно, они приняли нас за стадо камптозавров.

Я махнул Хьюберту и тот пошел вперед. Макмертри уже щелкал камерой, закинув ружье за спину; чтобы освободить руки. Скоро зажужжала и видеокамера Хьюберта.

Потом соседний стегозавр фыркнул. Остальные тут же принялись оглядываться и похожим образом фыркать. Затем они все повернулись мордами к центру стада и двигались вперед, пока не встали плотным кругом, головы внутрь, хвосты наружу.

- Что происходит? - спросил Хьюберт, выключив свою машинку и обернувшись.

Я тоже внимательно наблюдал за происходящим, потому что у меня появились подозрения относительно смысла этого маневра. Я понюхал воздух, пытаясь обнаружить характерный запах рептилий-карнозавров.

- Фотографы, лучше начать возвращаться, - сказал я. - Что-то подсказывает мне, что скоро это место станет опасным для здоровья. Спенсер, прячь камеру и приготовь штуцер!

Мы с Макмертри, сжимая ружья, начали, озираясь, двигаться в сторону лагеря. Но Хьюберт настолько увлекся съемкой, что остался на месте.

- Возвращаемся, Пол! - крикнул я.

Но Хьюберт продолжал фотографировать, переключаясь с одной из своих трех камер на другую. Стоящий рядом со мной Макмертри пробормотал:

- О, Боже мой!

Я посмотрел в том же направлении, что и он, и там оказался самый большой эпандериас из всех мною когда-либо виденных, должно быть, более пятнадцати метров в длину. По своему сложению он очень похож на тираннозавра, вот только передние конечно-

сти у него гораздо больше, к тому же оснащены выпускающимися когтями.

Внимание теропода сейчас было обращено на круг стегозавров, и он двигался к ним с непосредственностью голодного человека, направляющегося к накрытому столу.

Когда он приблизился и, похоже, собрался кусать, стегозавры стали мотать хвостами туда-сюда. На каждом хвосте имелось по четыре больших шипа или рога. Когда карнозавр наклонился, чтобы куснуть, один из этих хвостов ударил его по животу как колотушка по бас-барабану. Раздавшийся звук едва не заставил меня сочувственно ойкнуть.

Теропод, хрюкнув, отшатнулся. Через несколько секунд, оценив ситуацию, он начал обходить сбившихся в круг стегозавров. Исходя из своего опыта общения с животными, я заподозрил, что на самом деле его целью был не взрослый стегозавр, а один из самых молодых стегозавров, находящихся в центре. Я закричал во весь голос:

- Пол Хьюберт! Черт возьми, возвращайся!

Он только махнул рукой в нашу сторону и продолжал снимать. Теропод обходил стегозавров, время от времени делая пробные выпады, но хлещущие хвосты удерживали его на расстоянии. Наконец он добрался до той стороны круга, где стоял Хьюберт, жужжа и щелкая своими камерами. Теропод повернулся к нему, словно спрашивая: «Ну, и что тут у нас?»

- Ружье наизготовку! - приказал я Макмертри, а потом громко крикнул Хьюберту: - Беги, кусок идиота!

До Хьюberta, похоже, наконец-то начало доходить. Он подвесил свои камеры и побежал к нам. Теропод последовал за ним длинными шагами.

- Целься получше, - сказал я. - Не попади по ошибке в преподобного. Меть в сердце.

Мы подняли свои «шестисотки» и каждый выстрелил, сначала из одного ствола, потом из другого. На такой дистанции я был уверен, что все четыре пули попали в цель. Удар сбил теропода с ног, точнее, с хвоста, который он использует в качестве опоры, когда стоит на ногах. Хьюберт пробежал мимо нас, камеры, висевшие на его шее, болтались как попало, то и дело стукаясь друг о друга.

- Перезаряжай! - приказал я, переломив штуцер и вытаскивая еще два патрона из кармана жилета.

Макмертри еще перезаряжался, когда кое-что привлекло внимание - и наше, и теропода. Он приблизился к тому месту, где лежал камптозавр, подстреленный Макмертри. Неожиданно камптозавр встал на ноги, взглянул на возвышавшегося над ним теропода и побежал. Теропод повернул голову вслед убегающему камптозавру и двинулся за ним. В считанные секунды оба скрылись с глаз, хотя мы продолжали слышать, как они ломятся через лес.

- Проклятье! - сказал Макмертри. - Мне следовало делать так, как ты советовал.

- А что ты сделал не так?

- Пытался попасть в мозг вместо того, чтобы стрелять в сердце.

- И, несомненно, пуля отрикошетила от черепа, лишь оглушив животное. У динозавров мозг настолько мал по размеру по сравнению с черепом, что только попадание в одно из естественных отверстий дает шанс поразить его.

- Утверждают, что они были довольно глупыми.

- Не глупее современных рептилий. Все они обладают инстинктами, включающими во всех чрезвычайных обстоятельствах, с которыми динозавры могут столкнуться. Вот как инстинктивное построение этого круга, который сформировали стегозавры. И эти ребята продержались на Земле пару сотен миллионов лет - сравни с нашей парочкой миллионов. Так что не стоит задирать нос перед динозаврами!

Стегозавры сохраняли свой круг не менее часа после исчезновения теропода, потом они разбрелись, и снова принялись обжевывать кусты. Поймал ли эпандериас камптозавра, или упал и умер от пулевых ранений, я так и не узнал. Это противоречит моим принципам, я стараюсь не допускать, чтобы подранок уходил умирать где-то, где его смерть окажется бесполезной для всех, кроме местных падальщиков. Неспортивно. Но в данном случае, полагаю, у меня имеются веские оправдания. У меня хватало проблем и из-за того, что мне приходилось нянчиться с парочкой проповедников, которые, хотя и пытались оставаться вежливыми, были убеждены, что я - орудие Сатаны.

Когда мы вернулись в лагерь, Зан чуть не задушил своего помощника в объятиях.

- Ох, Пол! - говорил он со слезами на лице. - Я думал, что с тобой все кончено! Мне не следовало, зная о твоей неосмотрительности, позволять тебе отправляться в эту экспедицию! Что бы я сказал твоей сестре?

В итоге, поскольку день почти закончился, мы решили разбить лагерь на ночь, а завтра утром отправиться на следующую остановку, в ранний эоцен.

- Я увидел все, что мне нужно, - сказал Зан. - Если я и упустил бегемота, то все же увидел дракона - настоящего дракона, о котором упоминается в Книге Иова, Книге Исаии и в других местах. Как и бегемот, он, очевидно, сохранился до исторического времени. Это всего лишь еще одно доказательство буквальной истинности Библии.

Конечно, любой геолог назвал бы эту чушью, сославшись на возраст последних отложений, в которых обнаружены динозавры, а это шестьдесят с лишним миллионов лет до Настоящего. Но по-

добные аргументы скатывались с разума преподобного Зана, как гравий с черепашьего панциря.

Ночью, когда дежурил Макмертри, а я пытался использовать для сна свои четыре часа, меня разбудил звук возбужденных голосов из соседней палатки. Голоса звучали так, словно проповедники спорили. Я услышал, как Зан говорит великолепным звучным баритоном:

- Но, Пол, разве ты не видишь? Как только вы признаете, что некоторые стихи в Библии можно интерпретировать как образные выражения, вы сразу же открываете двери для всех библейских историков и аналитиков, которые хотят свести слово Божье к набору легенд и народных сказаний. В итоге вы получите документ, не более авторитетный, чем Махабхарата. Это уголек, выпавший из печи, грозящий грядущим пожаром.

- Но, Гил! - возразил Хьюберт. - В некоторых моментах ученые нас поприжали - например, когда Библия противоречит самой себе, как в двух разных описаниях Творения и двух описаниях Потопа.

- Это только нашим ограниченным смертным умам кажется противоречием. Для божественной мудрости решение простое, а мы не должны быть мудрее Бога.

- Но, Гил, - продолжал возражать Хьюберт, - разве мы не допускаем некоторые образные выражения, когда, например, речь идет о «четырех углах Земли» - в Книге Иова, а потом в Откровении? Мы же все знаем, что у Земли нет углов.

- В подобных случаях, - сказал Зан, - мы применяем объяснение Галилея - Библия писалась под Божиим руководством на языке, понятном людям того времени. Но ты упускаешь главное.

- Что именно?

- Как только вы признаете наличие ошибок в Библии, вы подорвете ее авторитет в качестве морального кодекса, по которому Бог повелел людям жить, и ты так же хорошо знаешь, как и я, что мораль нашей страны в прошлом веке, извините за выражение, провалилась в преисподнюю. Ты знаешь цифры по разводам, преступности несовершеннолетних и все остальное. Если ты начнешь с того, что скажешь: «Ну, «семь дней творения» - это просто образное выражение для «тысячи лет» из девяностого Псалма^{*}», то следующий шаг - отказаться от запретов на прелюбодеяние и блуд, посчитав их просто образными выражениями и, в конечном итоге отвергаются законы против воровства и убийства. Такие служители

* Имеется в виду стих 4 из Псалма 90 (Молитва Моисея, человека Божия): «Ибо тысяча лет в очах Твоих, Господи, как день вчераиний, который прошел, и как стражка в ночи». В православной Библии это Псалом 89. (Прим. перев.)

Господа, как мы - последний оплот цивилизации от варварской анархии.

- Но все эти запреты можно аргументировать рационально...
- И каков рациональный базис?
- Долгосрочные последствия бесконтрольных правонарушений, от прелюбодеяния до убийства, когда все и каждый начинают предаваться этим порокам. В конечном итоге получится правление бандитов.

- Так говорят светские гуманисты. Светская философия может прекрасно смотреться на бумаге, но она похожа на сверкающую новую лодку, неспособную плавать. Посмотри, что случилось с марксизмом, который имел моральный кодекс, очень похожий на нормы христианства! На бумаге он тоже выглядел прекрасно и логично, и был опробован в России. После семидесяти лет стало очевидно, что он не дал людям обещанной лучшей жизни. Поэтому люди, жестоко наказанные за то, что его приняли, восстали и его отринули. Боюсь, Пол, что ты направляешься по тому же самому ложному привлекательному пути.

- Вовсе нет! Если что-то явно не соответствует истине, ты не можешь ожидать, что я стану отстаивать это перед мирянами...

- Тише! Ты разбудишь весь лагерь!

Голоса понизились до неразборчивого бормотания, но спор продолжался.

Мне показалось, что Зан намекал, не высказывая этого вслух, что небольшой благочестивый подлог совсем неплох, если поможет вести массы людей по моральному пути, которому они должны следовать для своего же блага. Я не имею квалификации оценивать такое мнение как хорошее или плохое.

За завтрак на следующее утро я заметил, что отношения между двумя проповедниками не самые лучшие. Они не разговаривали друг с другом, разве только произносили самые необходимые фразы типа «Пожалуйста, передайте соль». Выглядело так, как будто их разногласия по поводу толкования Библии закончились большой ссорой. Не считая этих просьб, они ели в мрачной тишине, и так оно продолжалось, пока команда собирала снаряжение для следующего прыжка во времени.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА планировалась в нижнем эоцене, примерно во время формирования осадочных пород. Она должна была показать огромную разницу между местной фауной и той, что бродила здесь пятнадцать-двадцать миллионов лет на-

зад. До К-Т События на границе Великого Вымирания* местность кишила динозаврами: крупными, мелкими, и всевозможных промежуточных размеров. После События не осталось ничего, кроме мелких млекопитающих, вроде крыс и мышей и птиц. Птерозавры также исчезли; исчезли и некоторые морские рептилии, хотя, находясь посреди континента, я не мог это продемонстрировать.

Прекрасным весенним утром Коэн доставил нас на небольшой холм. Я, как обычно, вышел первым, но волноваться было не о чем. Климат был более сухим, чем на двух последних остановках, поэтому деревья обычно оставались в долинах и вдоль водных потоков, оставляя горные вершины свободными. Встречались даже небольшие лужайки настоящей травы, хотя не наблюдалось ничего подобного травянистым лугам и равнинам, появившимся в миоцене. Трава радовала глаз после голой земли, наблюдавшейся даже в хорошо обводненных местах мезозоя и более ранних периодов. На голой земле мезозоя повсюду растут кустарники, часто с колючками; но они не дают того душевного комфорта, какой получаешь от вида настоящей травы. Полевые цветы цвели во множестве - красные, фиолетовые и всех промежуточных оттенков спектра.

Животных не было видно, пока я не засек в бинокль стадо мелких зверей, блуждающих по склону холма и жующих зелень. Я показал на них клиентам:

- Вот те животные, которых можно ожидать увидеть в этот период.

- Насколько они крупные? - спросил Макмертри.

- С такого расстояния сложно определить, но я бы предположил размер собаки-сеттера. Кондиллярт фенакодус, наверное. Здесь не так много более крупных видов.

Глядя в свой бинокль, Пол Хьюберт сказал:

- Забавно. Они едят листья и почки, но у них лапы, как у собак, а не копыта.

- Обычное дело в этот период. Травоядные только начали превращать свои когти в копыта.

- Вы уверены, что динозавров нет? - спросил Хьюберт.

Я покачал плечами.

- Я бывал здесь раньше и вплоть до раннего палеоценена я никогда не замечал никаких их признаков. Я не буду утверждать, что все динозавры не смогли пережить Событие, возможно, где-то сохра-

* Предполагается, что Великое Вымирание на границе мелового и третичного периодов могло быть вызвано столкновением Земли с крупным астероидом около 66 млн. лет назад. Название «К-Т Событие» происходит от первых букв немецких слов Kreide (мел), и Tertiary (третичный период). (Прим. перев.)

нились какие-нибудь малыши, но окаменелостей таких выживших пока не найдено.

- Это не доказывает, что они не существуют в какой-то другой части света, - сказал Зан.

- Совершенно верно, - сказал я. - Но мы имеем только то, что было найдено.

- У нас есть слово Божье, - сказал он. - Но здесь я вам не должен его проповедовать.

- Как насчет хищников? - спросил Макмертри. - Мне кажется, что если имеется много растительноядных, найдутся и животные, эволюционировавшие, чтобы их поедать.

- Правильно! - сказал я. - Но хищники здесь тоже довольно примитивны. Они принадлежат к отряду креодонтов, но вымерли, не оставив потомков. Самый большой местный житель - зверь по имени оксиена, он по размеру и форме напоминает современную морскую выдру, хотя живет на суше. Есть виды, похожие на собак или лис. И да, чуть не забыл. Имеются большие хищные нелетающие птицы. В начале Эры Млекопитающих такие птицы охотились на млекопитающих, которые по большей части были мелкими существами, многие из которых не описаны. Такие птицы процветали в Южной Америке, отрезанной от остального мира. Когда среди млекопитающих появились более современные хищники, птицы не выдержали конкуренции и исчезли. Нам следует обратить внимание на диаграмму. Она походит на австралийского эму, за исключением того, что вместо длинной, тонкой шеи с маленькой головой, у нее крепкая шея и голова, как у орла, только больше.

- Не стоит думать, что птица может стать поводом для беспокойства, - заметил Макмертри.

- Знаменитые последние слова, - сказал я. - Первый закон выживания таков: «Не шути ни с кем, достаточно крупным, что он может убить тебя». Эта птица - может.

- Вот ваш завтрак, джентльмены, - позвал Мин.

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА я проложил маршрут для двухчасовой утренней прогулки. Выяснилось, что длительные прогулки на природе чертовски малопродуктивны, потому что мне было трудно пасты моих барашков. Зан жаловался на свои больные ноги. Макмертри и Хьюберт то и дело хотели останавливаться и фотографировать подряд всех животных и растения. Вскоре они стали жаловаться, что фауна, как я и предупреждал, оказалась однообразной, ее в основном представляли похожие друг на друга мелкие, не описанные учеными существа.

Когда Макмертри, указывая на группу животных размером с терьера, спросил:

- Как бы ты их классифицировал?

- Никак, - ответил я. - Вот если бы среди нас был настоящий палеонтолог, он мог бы сказать нам, кто тут является предком лошади, а кто - носорога, и так далее. А некоторые здесь - архаичные млекопитающие, вымершие без потомков.

Самыми крупными зверями, которых мы спугнули, оказались пара корифодонов, похожих на увеличенную версию карликовых бегемотов, высотой около метра и длиной метра два. Они грызли растения вдоль берега небольшого ручья. Когда мы подошли, самец решил, что мы угрожаем его самке, поэтому он повернулся к нам, сверкнул своими четырьмя большими бивнями и начал громко хрюкать. Мы с Макмертри подготовили наши ружья, но увидев, что мы не приближаемся, корифодоны вернулись к еде.

Мы возвращались в лагерь, когда Хьюберт воскликнул:

- Эй, вы только посмотрите!

В мгновение ока он упал на колени и нацелился на что-то своей камерой.

Остальные встали за ним, чтобы посмотреть. Он фотографировал двухметровую змею, которая глотала маленького млекопитающего. Змея уже проглотила голову и, миллиметр за миллиметром, передвигала челюсти вперед по телу.

- Убейте его! - закричал Зан.

- Нет, не надо! Я хочу запечатлеть это на пленке.

- Змея - символ зла! Господь Бог проклял змея превыше всего скота и положил, что человек будет поражать его в голову! Сказано в Книге Бытия.

- Средневековое суеверие, - рыкнул Макмертри, пытающийся освободить камеру от ремня, удерживающего его ружье на спине.

- Слова невежественного неверующего! - вскричал Зан. - Твое неведение...

- Пожалуйста! - сказал я. - Мы опаздываем на обед. Пойдемте, все! Дайте вашим аргументам остынуть. Идемте, Пол.

- Я хочу запечатлеть всю сцену, - сказал Хьюберт, сосредоточившись на змее, которая продолжала поглощать добычу, как будто нас там и не было. - Идите. Я догоню.

- Лучше пойдем, Пол, - сказал я. - Это место не настолько безопасно, как кажется.

- Оставьте меня в покое! - рявкнул он.

Я с трудом взял себя в руки и сказал:

- Я возвращаюсь в лагерь и советую всем вам, господа, идти с нами. Иначе я не отвечаю.

Эти мои клиенты чертовски меня раздражали.

Я пошел прочь. Макмертри, сделав еще один снимок, пошел за мной, а за ним и Зан. Хьюберт же остался на коленях и продолжал снимать. Я решительно отвернулся и отправился вверх по склону, ведущему в лагерь.

Мы были метрах в тридцати от Хьюберта, когда Макмертри оглянулся и крикнул:

- Эй, Реджи! Повернись, быстро!

Я повернулся. Зан отставал на несколько метров от нас с Макмертри. Из ближайшей рощи появилась крупная диатрима, двигающаяся в сторону Хьюберта, на каждом шагу качая головой вперед-назад. Хьюберт был настолько поглощен фотографией, что, похоже, не замечал приближающейся птицы.

- Эй, Пол! - я закричал так громко, как только мог, поднимая свое ружье. Макмертри также пытался привести свой штуцер в боевое положение, но он запутался в ремне одной из своих фотокамер.

Хьюберт посмотрел вверх только тогда, когда диатрима остановилась и словно выстрелила своей головой в хищника, сцепив и змею, и ее добычу. Когда голова поднялась, в клюве висела извивающаяся змея.

Очевидно же, Хьюберту следовало отпрыгнуть и убегать, как будто за ним гонится ад. Но, как я уже говорил, он был импульсивным и вспыльчивым парнем. Этот идиота кусок крикнул: «Гадина!», схватил свою широкополую брезентовую шляпу и ударил ее диатриму по голове.

Я не мог стрелять, потому что Хьюберт был прямо между мной и диатримой. Птица уронила змею, ударила своим кошмарным клювом и наградила Хьюберта мощным клевком. Хьюберт сделал шаг назад и упал в траву.

Диатрима опустила голову и начала искать свою змею. Я выстрелил, и птица свалилась.

Мы все бросились назад, но было уже слишком поздно, чтобы что-то сделать для Пола Хьюберта. От удара птичьего клюва открылась рана на шее шириной с ладонь и глубиной в сантиметр. Кровь все еще хлестала. Хьюберт вскрикнул, а потом замер. Проверка пульса показала, что сердце не работает. Полагаю, «скорая» с бригадой paramedиков могла бы что-то сделать, чтобы спасти его, но у нас их не было.

Я быстро оглянулся в поисках змеи, но не увидел никаких признаков ее присутствия. Полагаю, что когда птица уронила змею, она поспешно уползла, возможно, вознося благодарность за избавление своим богам-рептилоидам.

НЕ ХОЧУ ОПИСЫВАТЬ мрачные подробности перехода до лагеря, во время которого мы с Макмертри по очереди несли тело Хьюберта. Не было никакого смысла продолжать сафари, хотя планировалась еще и остановка в плиоцене. Мы положили тело в мешок для трупов, который хранился с нашим снаряжением. Я взял мешок на всякий случай, никому не сказав.

Пока команда складывала снаряжение в камеру, Макмертри спросил:

- Реджи, можем поговорить с тобой наедине?

- Окей. Давай отойдем в сторону, и говори потише.

- Я все видел, потому что все время оглядывался. Преподобный Зан видел, как птица вышла из леса и направилась к Хьюберту. Вместо того, чтобы предупреждать Хьюберта, который был настолько сосредоточен на своих фотографиях, что не замечал ничего вокруг, Зан спокойно, не сказав ни слова, пошел за нами. Мне кажется, он хотел, чтобы птица напала на Хьюберта.

- Может быть, в этом что-то есть, - сказал я, и рассказал Макмертри о подслушанном мною споре между проповедниками накануне вечером, когда Макмертри дежурил. - Он, должно быть, счел Хьюберта дезертиром из армии праведности.

- Это слишком похоже на убийство! - сказал Макмертри. - Хотя я не знаю, можно ли обвинить человека в том, что он, не предупредив, просто уходит от места возможной катастрофы. Он видел приближающуюся птицу и даже не вякнул.

- Я сомневаюсь, что мы сможем предъявить хоть какое-то обвинение, - сказал я. - Мы никогда не знаем, что на самом деле происходит в голове другого типа, и ты потратишь чертовски много времени, чтобы хоть что-то доказать присяжным. Даже имей мы веские основания, он стал бы утверждать, что убийство, совершенное в эоцене, не подпадает под действие современных законов.

- Он не верит, что мы отправились на пятьдесят миллионов лет назад. Максимум на четыре или пять тысяч, чтобы получилось втиснуть геологическое время в шесть тысяч лет истории по Книге Бытия.

- Четыре или пять тысяч достаточно далекое прошлое, чтобы не попадать под юрисдикцию штата Миссури. Нет, и так все достаточно плохо, так что лучше оставить это дело в покое. Черт-те что будет твориться с финансами фирмы «Реки и Айяра», в прошлый раз, когда мы потеряли клиента, мы едва не вылетели из бизнеса.

ИСТОРИЯ НА ЭТОМ не закончилась. Мы вернулись в Настоящее без происшествий. Зан взял на себя заботу о теле и снаряжении Хьюберта, за что я был ему благодарен. Когда мы расставались, он широко и ласково улыбнулся мне, помахал на прощание и сказал:

- Очень интересно, Реджи. Действительно, очень интересно! Но боюсь, что вы не обратили меня в свои нерелигиозные взгляды.

И он ушел.

Через несколько дней из церкви Зана вышли демонстранты с плакатами, образовавшие линию пикетов. Некоторые из их плакатов не только обвиняли меня в том, что я сам старый антихрист, но и намекали, что я стал причиной смерти Хьюберта. Зан рассказал

со своей кафедры, что я намеренно подвергал Хьюберта опасности, бросая его в одиночестве, когда тот отказывался перестать фотографировать. Что до Гилмора Зана, то он сказал, что ничего не ведал о приближении диатримы, пока мы с Макмертри не оглянулись и не начали стрелять. Макмертри запомнил совсем иное, но это было бы всего лишь его слово против слова Зана.

Еще в одной проповеди он сделал другое утверждение, а именно, что весь этот опыт был сатанинской иллюзией. Они вовсе не отправлялись в прошлое, это я и мои помощники-дьяволы навели на него и на Хьюберта иллюзию, вроде тех, какие получают люди, опрометчиво подвергнувшие себя воздействию некоторых наркотиках. Я не мог достаточно убедительно опровергнуть это утверждение, разве что оно не объясняло, почему бедный молодой Хьюберт вернулся в Настоящее мертвым. Но таких людей, как Зан, не слишком волнует логичность.

После нескольких дней пикетирования я отправился в роскошную большую церковь Зана, богато украшенное здание с большим количеством сусального золота. Я сообщил, что хочу поговорить с Заном, и меня сразу же к нему отвели. Когда мы сели, я сказал Зану, чтобы он отозвал свои пикеты.

- Мы с Макмертри придержали истинную историю гибели Хьюберта, хотя Спенс все остальное о поездке опубликовал в своей газете. Если вы не отзовете своих псов, я позабочусь, чтобы был опубликован весь его отчет, без прикрас.

- Он никогда ничего не докажет, - сказал Зан со своей проклятой улыбкой. - В вопросе о том, кто первый увидел птицу, его слово будет против моего, а мое слово будет иметь больший вес.

- Я в этом не сомневаюсь, - сказал я. - Но вам и вашей церкви это не пойдет на пользу, не так ли?

- Я подам на них в суд за клевету!

- А газета подаст встречный иск, и дело закончится обогащением адвокатов и обнищанием всех остальных.

- Никакой неверующий насмешник не смеет диктовать мне условия!

- Я не насмехался ни над вами, ни над вашими убеждениями, ни над вашей церковью. Осмелюсь заметить, я считаю, что в вере много хорошего, пусть даже я и не согласен с богословскими теориями. Но я уже сказал вам, что сделаю, если ваши люди не оставят меня и моего напарника в покое. Доброго вам дня, сэр!

Таким вот образом. Совпадение или нет, но на следующий день число пикетов уменьшилось, а на следующий их стало еще меньше. На третий день с плакатом стоял только один, и он был последним. Я все еще иногда видел в газетах публикации, где Зан и его новый помощник пастора писали обо мне, как об угрозе для христианской цивилизации.

Это продолжалось целый год, но потом разразился большой скандал. Похоже, Гилмор Зан присосался к церковным доходам и тратил их не по указанию своего Совета управляющих. Официально сообщалось, что деньги тратились на определенные благотворительные организации, в которых он был лично заинтересован. Он, несомненно, потратил часть денег именно таким образом; вне зависимости от того, потратил ли он другую часть на птичку-куколку или положил на свой банковский счет. Точно сказать оказалось невозможно из-за отсутствия записей. Все делалось совершенно незаконно, но якобы с такой благой целью, что его просто мягко пожурили. Однако фракция его соперников использовала этот инцидент как предлог для того, чтобы выгнать его из церкви. Где он сейчас, я не знаю.

Так что, мистер Проктор, вы теперь понимаете, почему я не собираюсь организовывать сафари для разрешения богословских споров. В путешествиях во времени достаточно тайн и без попыток втянуть туда Бога!

WINNER OF
14 HUGOS
17 NEBULAS

ISAAC

ASIMOV'S

SCIENCE FICTION®

MAGAZINE

**WATCH OUT! IT'S
THE BIG SPLASH**
L. SPRAGUE
DE CAMP

JAMES
PATRICK
KELLY

R. GARCIA Y
ROBERTSON

JUNE 1992

\$2.50 U.S./\$3.25 CAN.

VII. БОЛЬШОЙ ПЛЮХ

САМЫЙ ОПАСНЫЙ случай, мистер Берджесс? Когда проскочил на волосок от гибели? Надо подумать. Был случай, когда гаденыш по имени Кортни Джеймс разбудил спящего тираннозавра, выстрелив из ружья у него над головой... К вашему сведению, на сафари во времени у нас не бывало столько проблем от животных, сколько от людей, и не бывало столько бед от людей, сколько от сил природы. Как в тот раз, когда мы столкнулись с Энио*. Нет, не с Энни - с Энио. Это то, что ученые люди называют «К-Т Событием». Кто-то назвал его Энио в честь какой-то греческой богини уничтожения.

Пасиб, я не против опрокинуть еще одну.

К-Т Событие? Это то, что убило всех динозавров, птерозавров, плезиозавров и так далее в конце мелового периода. Итак, фирма «Реки и Айяр, Сафари во Времени», подрядилась доставить пару ученых на границу События, надеясь, что оно не прикончит нас вместе с орнитоподами. А оно чертовски хорошо почти что это сделало. Если бы Брюс Коэн, оператор камерны, промедлил бы с двумя мигами или чуть больше, только Альджира знает...

Кто такой Альджира? Это вроде главного бога одного из племен або... извините, коренных австралийцев. Видите ли, там полно разных ханжей, не переносящих божбы, они еще хуже, чем ваши пуритане в Америке. Если такой услышат, как ты воскликнул «Ей-богу!», то поднимется такая вонь... Так что, во избежание, я давно приобрел привычку клясться Альджирой.

Но вернусь к истории. Ученые полвека спорили о природе К-Т События. Одни говорили, что комета или астероид столкнулись с Землей, другие, что изверглись один или несколько гигантских супервулканов, вроде того, который создал ваш Йеллоустонский парк, и Земля покрылась пеплом и дымом.

Когда профессор Прохазка, здесь, в Сент-Луисе, заставил работать свою машину времени, а мы с Раджой затеяли фирму «Реки и Айяр», несколько крупных университетов задумали разрешить этот вопрос, отправив пару своих самых башковитых ребят в прошлое, чтобы самим взглянуть на Событие. Один прибыл из Гарварда, а другой из Йеля, так как в одиночку ни один из них не потянул бы такие расходы.

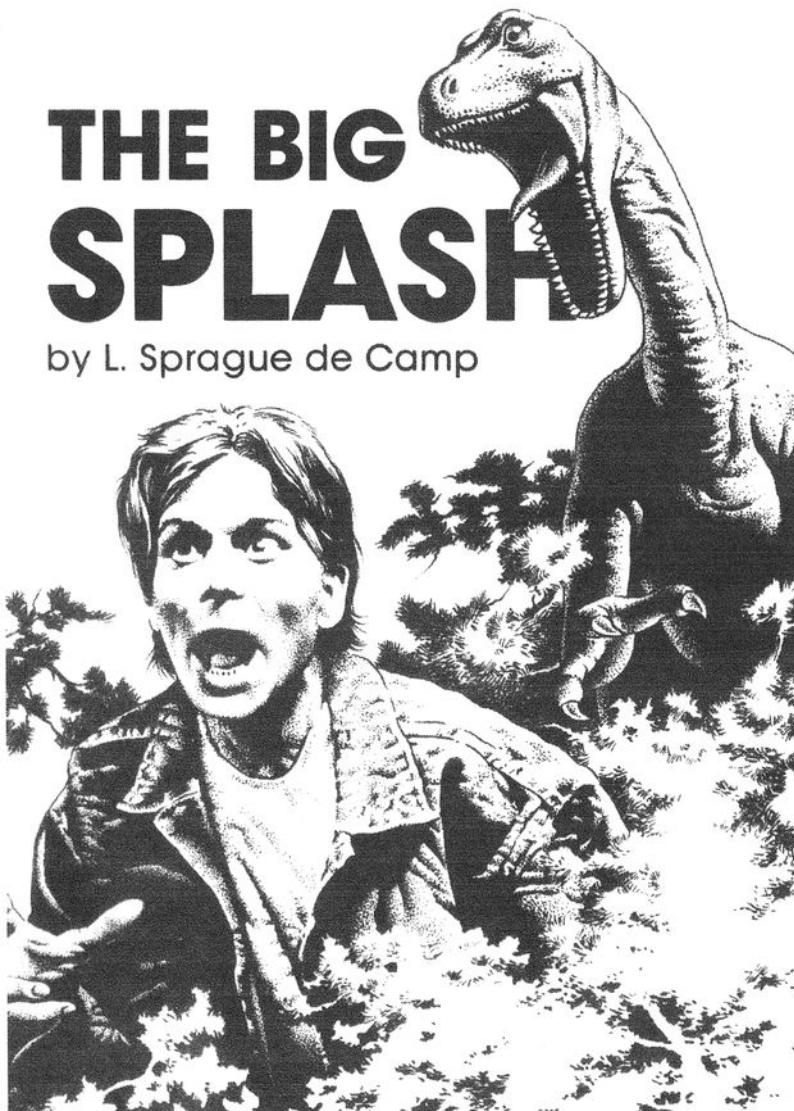
Человек из Гарварда был палеонтологом - Джордж Ромеро из Музея сравнительной зоологии, невысокий, полный, среднего

* Энио - греческая богиня неистовой войны, спутница Ареса.
(Прим. перев.)

возраста, с редкими седыми волосами. Второй - геолог, Стерлинг Фезерстоун из Йеля, немного помоложе; высокий, угловатый, черноволосый парень, из тех, кого называют «кожа да кости». Представьте молодого Авраама Линкольна без усов и получите правильное представление.

THE BIG SPLASH

by L. Sprague de Camp

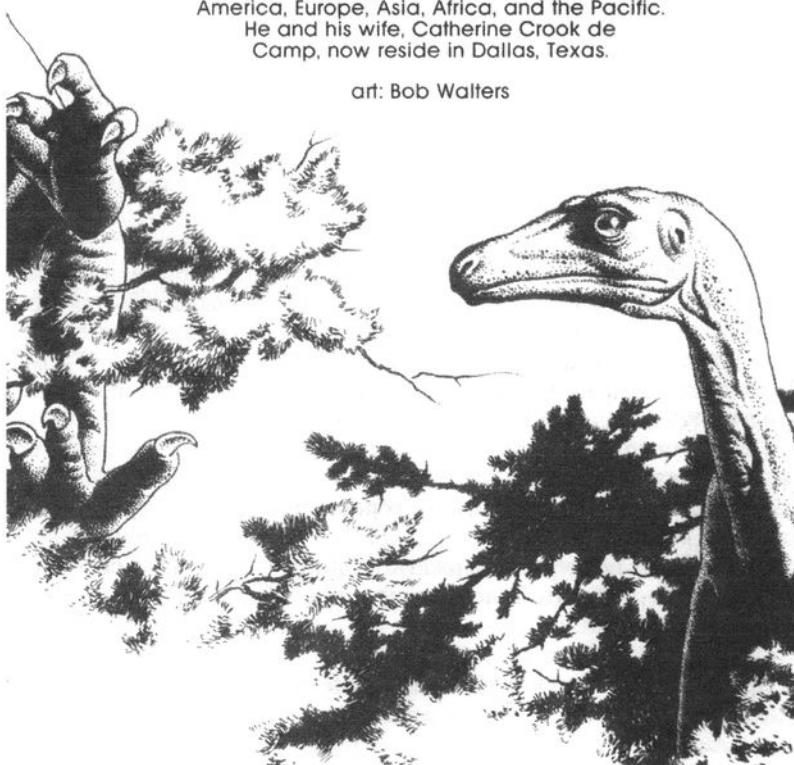
Эта пара явилась в офис вместе и сообщила о своем намерении. У меня было довольно плотное расписание, но на один из рейсов имелось только два клиента с наличными: Кларенс Тодд, охотник за трофеями, и Джон О'Коннор, художник. Если вы спросите, зачем бы это художнику в музее, или как художник может позволить себе заплатить за такое путешествие, отвечу - у него имелся контракт с музеем в Сан-Франциско на зарисовку сцен из жизни в меловом периоде, и они за него заплатили.

We are pleased to welcome L. Sprague de Camp back to the pages of *lAsfm*. This distinguished science fiction author has pursued the career of a free-lance writer for most of the past sixty years.

He is the author or co-author of nearly a hundred books on subjects as varied as science and technology, history, biography, SF, fantasy, and verse. To collect material for his books, Mr. de Camp has traveled widely through North, Central, and South America, Europe, Asia, Africa, and the Pacific.

He and his wife, Catherine Crook de Camp, now reside in Dallas, Texas.

art: Bob Walters

- Понимаете, - сказал Ромеро, - нам бы не помешал еще и астроном. Нужно, чтобы он наблюдал за небом, тогда можно рассчитать, когда ударит Энио.

- Кто такой Энио? - Я сказал.

- Так мы называем астероид, падение которого вызвало К-Т Событие...

- Он имеет в виду, - сказал Фезерстоун, - *если*, как он считает, Событие - это результат воздействия внеземного тела. Сам я приверженец теории супервулкана.

- Кто-нибудь видел это тело, кружашее вокруг солнца? - спросил я.

- За множеством астероидов следят с помощью телескопов.

- Конечно, нет! - сказал Ромеро. - Удар испарил его.

- Это я глупость спорю. Вы нашли астронома?

- Да, - сказал Ромеро. - Если вы не против, это будет Айнар Хаупт из Калтхея*.

- Я хочу предварительно встретиться с мистером - или доктором?

- Хауптом, - сказал я. - Мы предпочитаем узнать о наших сагибах, прежде чем брать на себя ответственность. Плохой выбор может стать позже причиной серьезных неприятностей, что потом выяснится к общему сожалению. Верно, Раджа?

- Абсолютно точно, - откликнулся Раджа, то есть Чандра Айяр.

Я зову его «Раджа», потому что на самом деле он наследный владетель какого-то места в Индии под названием Джанпур. Если бы он вернулся туда сейчас и попытался заявить о своих наследственных притязаниях, местные жители, скорее всего, забросали бы его грязью. Как я понимаю, последний правящий раджа Джанпура, до установления Республики, не был всеобщим любимцем.

Доктор Хаупт оказался высоким мускулистым парнем, почти моего роста, рыжеволосый и бородатый. Ему требовалась бычья сила, чтобы таскать свой прибор: супернаучное сочетание телескопа, теодолита и радара, весь покрытый кнопками и линзами. С помощью этого радара он сможет быстро получить расстояние до чего угодно, что находится по эту сторону Марса.

Первое осложнение возникло, когда я заговорил о поездке с Борегаром Блэком, боссом нашего лагеря. Проблема заключалась в том, что, поскольку Событие, скорее всего, обернется кровавой катастрофой для всего окружающего, то, в его преддверии мы должны были все время держать машину времени по соседству, чтобы успеть сбежать. Телефонной линии в Настоящее нет, туда не позвонишь с воллем:

- Заберите нас поживее!

Брюс Коэн, управлявший переходной камерой, сказал, что он согласен, пока ему платят по обычной ставке. Фактически он даже

* Калифорнийский технологический институт. (Прим. перев.)

обрадовался появившейся возможности хорошо рассмотреть один из тех первобытных пейзажей, в которые он доставлял людей. До сих пор он видел их лишь мельком, когда открывал двери камеры, чтобы путешественники по времени могли оттуда выпрыгнуть, а затем возвращался обратно.

Когда мы все рассказали Борегару, он сказал, что должен поговорить с остальными членами команды, своими помощниками и пастухами, а также с поваром Мином. На следующий день он вернулся, чтобы заявить примерно следующее: Извини, дружище, не выгорит. Пусть сагибы и ты отправляются туда и рассаживаются на бревнышках, чтобы поглядеть на конец мезозойского мира, но для него и его команды это слишком рискованно.

Он сказал:

- Мистер Реки, не знаю, насколько быстро нам придется удиরать, но явно намного быстрее, чем обычно, а понадобятся, по крайней мере, два перехода камеры. С ослами так и вовсе три. А мы просто не намерены стоять посреди польхующего мира в ожидании возвращения камеры за следующим грузом.

- Ослов мы не берем, - сказал я. - Не зная точное время События, мы не решимся уходить достаточно далеко от места высадки, и они не понадобятся для перемещения лагеря. Поэтому и команда должна быть меньше.

Борегар покачал головой.

- Иисусе, вы уж извините, мистер Реки, но, боюсь, мы просто не намерены отправляться с вами. Я поговорил с другими ребятами, и все с этим согласились. У нас семьи и все такое.

Мы с Раджой пытались уговорить Борегара, но с таким же успехом мы могли бы пытаться сбить с ног мамонта мухобойкой. Пожалуй, я мог бы уволить его и остальных за нарушение контракта, но сомневался, что когда-нибудь снова найду такого отменного босса лагеря. Мы провели вместе немало *сафарин* поэтому я знал Борегара довольно хорошо. Без наших постоянных помощников мы могли бы попасть в переплет. Но это была не та экспедиция, в которой можно было бы положиться на случайных и необученных помощников. Избавляться от такой команды означало бы нарываться на неприятности.

Они и так начались, когда я рассказал о проблеме нашим пяти сагибам. Ученые жаловались, что возня с устройством и свертыванием лагеря, приготовлением пищи, уборкой и прочим не оставит им времени на научную работу. О'Коннор жаловался, что это не оставит ему времени на творчество. Но громче всех негодовал Тодд, который был типичным маленьким человечком с комплексом Наполеона, они вечно пытаются компенсировать недостаток физического роста колючим, агрессивным поведением.

- Если на этом сафари не окажется заявленного в рекламе обслуживания, - сказал он, - то, будь я проклят, если с этим соглашусь. Я не смогу нормально охотиться, если придется затрахиваться, собирая дрова и занимаясь прочей ерундой. Я потребую вернуть аванс.

Позже, когда мы с Раджой остались одни, он сказал:

- Думаю, Реджи, я вижу выход.

Маленькое отступление - никто не называет меня «Реджи», только «Редж». Но Раджа получил образование в английском стиле и подцепил некоторые привычки помми*. Американцы на наших прогулках слышат его и начинают подражать, поэтому для них я тоже «Реджи». Я не возражаю - жизнь полна реальных проблем, не стоит париться по мелочам.

Раджа объяснил свою задумку:

- Предположим, мистер Блэк и его команда отправятся с нами в пред-К-Т Событие, разбоят лагерь, а затем вернутся в Настоящее. Потом мистер Коэн вернет камеру туда же и останется. Когда настанет время уходить, мы не станем, как обычно, сворачивать лагерь, проявляя заботу об окружающей среде, а просто закинем в камеру небольшие ценные предметы, вроде оружия и инструментов, бросив палатки, стулья и все прочее. Университетам не понравится компенсировать их стоимость, но мы просто заявим, что это единственный способ выполнить работу.

Так и порешили. Сагибы поворчали, но их протесты утихли, когда Мин согласился остаться на весь срок, так что, по крайней мере, им не пришлось бы готовить и мыть посуду.

Свое решение Мин объяснил так:

- Мистер Реки, когда-нибудь я заведу собственный ресторан и стану рекламировать себя как величайшего в мире повара, приготовлявшего динозавров и других вымерших животных. Вы их стреляете, я их приготавливаю. Кроме того, я хочу попробовать новый комплект кухонной утвари, который вы приобрели для этого путешествия.

ПЕРВАЯ ПРОБЛЕМА, мистер Берджесс, заключалась в том, чтобы установить переходную камеру в правильное время - с достаточным интервалом до начала События, но не настолько большим, чтобы нам пришлось состариться в его ожидании. Датировка по породам, основанная на времени их формирования сократила интервал примерно до полутора лет. Ученые уверились, что все началось в 65 971 453 году до нашей эры или в следующем году. Они не могли установить точнее, но, конечно, чертовски чудесно

* Помми (англ. rompny) - прозвище англичанина-иммигранта, недавно поселившегося в Австралии. (Прим. перев.)

было и то, что они смогли привязаться к одному году из десятков миллионов.

Однако такая точность не исключала возможности ошибки и нашего появления в пик События, что могло бы привести к тому, что кабина и мы внутри нее сделаем *пуфф* и превратимся в облачко пара.

Не хотелось бы и оказаться там после того, как все закончилось. Мы могли наблюдать последствия, но не смогли бы сказать, что их вызвало, а это, в конце концов, и было главной целью проекта.

Поэтому мы договорились, что Коэн доставит камеру примерно в конец шестидесяти шести миллионных, а потом мы станем передвигаться вперед прыжками по десять лет, при этом на каждом шагу Хаупт будет настраивать свой инструмент, чтобы попробовать засечь Энию, если, конечно этот астероид или комета реально существовал. По мере приближения к дате События, мы должны сократить интервалы прыжков, сначала до месяца, а затем и до дня.

Следующий вопрос заключался в том, найдется ли во времени, выбранном нами для посадки, подходящее место? Машина времени в прошлом по времени движется туда-сюда, но остается на одной и той же широте и долготе, а ведь по мере того, как летят столетия, земля меняется. Какую-то часть мелового периода территория вокруг города Сент-Луиса в штате Миссури находилась под водой Канзасского моря, а переходная камера не была приспособлена для посадки на воду. В другое время это место может оказаться стеной ущелья или настолько топким болотом, что пассажиры не смогут выйти наружу. У камеры имеются телескопические ножки, которые позволяют приспосабливаться к местности, но только в определенных пределах.

Так как мы не могли перемещать камеру по горизонтали над поверхностью Земли, мы должны были выяснить все возможное, наблюдая с того места, где мы делали остановки, за Событием, чем бы оно ни было. Ученые - те, кто верят в инопланетную Энию, - имеют различные соображения о том, куда она попадет. Наибольшее количество голосов собрало какое-то место в Карибском море или на прилегающем полуострове Юкатан. Другие голосовали за Индию, а еще одна группа утверждала, что именно этот удар стал причиной возникновения Берингова моря.

Таскать с собой каждый раз всю команду и оборудование смысла не было. Зато на каждом шагу требовалось, чтобы Хаупт сидел всю ночь, прилипнув к окуляру лицом, а пока он крутил ручки, Раджа или я стояли рядом, готовые стрелять в любого карнозавра, который решит, что мы аппетитно пахнем.

Однако во время этих всенощных бдений карнозавры к нам не приближались. Будучи астрономом, Хаупт привык к таким странным бессонным часам; но мы с Раджой нашли их немного... Эээ...

Утомительными. Мы видели множество растительноядных, в любой фауне они всегда намного более многочисленны. Наблюдались мелкие виды гипсилофодонтидов и гадрозавров, они просто оглядывали нас и ковыляли прочь, словно решив - таких существ мы не знаем, но лучше не рисковать.

Уверяю вас, месяцы попрыгуства в поздний мел и обратно, чтобы стоять там, охраняя Хаупта, пока он возился со своим инструментом, обернулись чертовски тяжелой и утомительной работой. В половине случаев, когда мы открывали дверь камеры, шел дождь или была пасмурная погода. Тогда приходилось закрывать кабину и переходить к другому дню, где видимость устроила бы Хаупта.

Однажды ночью, проведя обычные часы перед окуляром, Хаупт сказал:

- Не хочу слишком обнадеживать, Реджи, но, кажется, у меня что-то есть.

- Хочешь сказать, что эта Энио наконец-то у тебя под прицелом?

- Похоже на то. Что-то на расстоянии примерно в два раза больше, чем до Луны, и движется в нашу сторону.

- Когда она ударит, и куда? - спросил я, и, боюсь, позволил проявиться волнению в моем голосе.

- Пока не могу ответить, - сказал Хаупт. - Сначала дайте мне закончить наблюдения. Когда мы вернемся в Настоящее, у меня будет пачка записей для ребят, которые скормят эти данные своим компьютерам. Хочешь посмотреть?

Я посмотрел, но увидел в перекрестье лишь маленькое пятнышко света, вроде обычной звезды.

- Откуда ты знаешь, что это она? - спросил я.

- Радар показывает расстояние, теперь оно около 800 000 километров, и быстро сокращается. Будь на таком расстоянии настоящая звезда, она нас сожгла бы в мгновение ока, оставив только жирные пятна.

- Может она промахнется?

- Сомневаюсь. Ее направление почти не меняется, что означает - мы и она идем курсом на столкновение. Даже если она нацелена не в «яблочко», земная гравитация частично это исправит.

- И когда она прибудет?

Хаупт пожал плечами.

- Нужно дать числодробилкам обжевать мои результаты. По грубым прикидкам, я сказал бы - дня через три или четыре.

- Ничего себе! У нас остается чертовски мало времени, чтобы сбратить комитет по приему. Нам лучше убраться быстрее, чем слетает ночнушка с невесты, чтобы забрать наших людей, если О'Коннор хочет успеть порисовать, а Todd - поохотиться.

Признаю, что от слов Хаупта я слегка вздрогнул. Я почувствовал, как должна чувствовать себя муха, при виде приближающейся му-

хобойки, когда уже слишком поздно взлетать - если только можно представить разумную муху.

БРИОС КОЭН доставил нас обратно в Настоящее и я, зевая после бессонной ночи, собрал отряд. Когда я рассказал об открытии Хаупта, Ромеро сказал Фезерстоуну:

- Ха, Стерлинг! Вот тебе и супервулканская теория!

- Вовсе нет, Джордж, - сказал Фезерстоун. - Если эта штука упадет, удар отправит дедушку всех землетрясений гулять по всему земному шару. Такая встряска любого спящего супервулкана может инициировать извержения, которые в противном случае могли бы не произойти еще тысячи лет. Некоторые из них окажут более глобальный эффект, чем просто одномоментное воздействие Энио.

- Хм, посмотрим, - сказал Ромеро. - Реджи, как бы нам высидеть, наблюдая за последствиями, чтобы инструментально определить, произошли ли такие извержения сразу после удара?

- Согласно тому, что вы, ученые парни, рассказывали, - сказал я, - столкновение породит ударную волну, которая поубивает все, что больше насекомого, и подожжет все, что может гореть - по крайней мере, в том полушарии, на которое придется удар. Если хотите, можно попробовать, но вам придется подписать формы, освобождающие нас от любой ответственности в том случае, если мы вернемся в Настоящее, оставив вас с вашими инструментами. Лично я не осмелился бы попробовать, моя жена убила бы меня за то, что я так по-дурацки рисую.

БОРЕГАР И ЕГО команда загрузили в камеру оборудование, а следом втиснулись и мы. О'Коннор пожаловался, что забыл свой охотничий нож, но возвращаться за ним было поздно.

Коэн доставил весь отряд обратно в полдень того же дня, утром которого после ночного бдения Хаупт обнаружил Энио. Из соображений безопасности я вернулся в меловой период на несколько часов позже того момента, как мы с Хауптом его покинули. Нельзя пытаться занять дважды один и тот же временной промежуток, так как это создаст парадокс. В хорошо устроенной Вселенной такое невозможно, поэтому силы пространства-времени выпнут вас обратно в Настоящее, разорвав при этом на мелкие кусочки.

Место, где остановилась машина времени, оказалось как по казу. Мы находились на холме, на склоне, обращенном на юго-восток. Растительности на склоне было немного, только несколько приземистых кедров и одно большое дерево, вроде хлопкового дерева, я такие видел в Индии. На краю и вниз по склону росли панданы с ходульными корнями, их еще называют винтовые сосны. Если срубить парочку, то должен получиться четкий обзор юга и юго-востока; иными словами, именно того района, где, как считают

сторонники карибской или юкатанской теории, упадет астероид. День был ясный и Фезерстоун утверждал, что видит на горизонте море; но я в этом сомневался. В любом случае, если карибская теория верна, то расстояние до места падения по крайней мере две тысячи километров. По мне, так слишком близко.

За холмом местность была равнинной и, судя по тому, что я смог разглядеть в бинокль, болотистой, покрытой густым лесным покровом. Мои американские сагибы пришли к выводу, что рос там по большей части болотный кипарис, такой же, что и в наше время.

Мне следовало бы больше знать о таких вещах, но есть предел тому, что можно впихнуть в одну голову. Достаточно сложно запомнить какая фауна и флора существовала в течение геологического периода и в одном регионе - скажем, в радиусе ста метров вокруг Сент-Луиса. Попытка изучить всю местную биоту за пару сотен миллионов лет представляется чертовски безнадежной.

Как обычно, сначала из камеры выпрыгнули мы с Раджой, с большими пушками наперевес, на случай, если нас встречает кто-нибудь, настроенный враждебно. Но увидели только стаю черно-белых птиц, слетевшую с дерева. Они выглядели как обычные современные птицы, вроде ваших американских пересмешников. Я не разглядел, есть ли у них, как у некоторых птиц этого времени, зубы в клювах.

Пока команда разбивала лагерь, я сказал О'Коннору:

- Вам лучше заняться живописью, Джон. Не уходите из лагеря дальше, чем на дистанцию крика - это примерно метров пятьдесят - и оставайтесь в поле зрения.

Так что О'Коннор ушел с грузом холстов, красок и прочих аксессуаров. Он был самым молодым из наших сагибов, с видом типичного, вечно взъерошенного лохматого художника. Его бы опрятно одеть и хорошо подстричь - и он стал бы походить на симпатичного киноактера. По характеру он оказался мягким услужливым молодым человеком, несколько рассеянным в вопросах, не относящихся к искусству.

Потом взбунтовался маленький мистер Тодд, заявивший:

- Послушайте, Реджи, у меня так мало времени, что я должен начать охотиться прямо сейчас.

- Простите, но не получится, - сказал я. - Раджа и я заняты организацией лагеря. Через час или около того кто-нибудь из нас сможет взять вас на короткую разведку.

- Но, - говорит он, - я хочу пойти сейчас, пока дневной свет! Если вы не можете пойти со мной, я отправлюсь один!

- Вспомните, Кларенс - вы согласились, в письменной форме, что будете следовать приказам проводников. Вы не умрете, если придется немного подождать. Когда эта каменюка приблизится, нам

всем надо будет оставаться рядом с лагерем, чтобы иметь возможность запрыгнуть в камеру за считанные секунды.

- Вы позволили О'Коннору уйти в одиночку!

- Но не дальше, чем на пятьдесят метров, чтобы мы и он могли видеть друг друга. На таком расстоянии у вас хорошей охоты не получится.

Он с недовольным ворчанием отошел, а я продолжил заниматься установкой палаток и камбуза. Когда все было закончено, и экипаж грузился в переходную камеру, я спросил Хаупта:

- Есть ли еще какие-нибудь намеки на то, в какую часть Земли ударит каменюка?

- Дай мне еще одну ночь, и я смогу сделать хорошую прикидку. Расстояние до Энию и ее нынешняя скорость, с поправкой на ускорение земной гравитацией, скажут нам, когда она прибудет; а знание времени прибытия подскажет нам, какой стороной Земля будет повернута к...

Мы оба подпрыгнули от громового звука выстрела из крупнокалиберного штуцера Тодда. Я глянул на лагерь и, не увидев Тодда, крикнул Радже:

- Ты видел, как тот дурень уходит из лагеря?

- Нет, - сказал Айяр. - Мы с Мином занимались припасами.

Я так разозлился на Тодда, что решил - черта с два побегу его искать, хотя неплохо представлял, где был сделан выстрел. Так что мы с Раджой провели следующие полчаса, сначала провожая машину времени с Коэном и командой, а потом устраивая наших сагибов.

Время близилось к закату. Приковылял О'Коннор, нагруженный холстами, подставками, палитрой, красками и фотоаппаратом. Мы с Раджой согласились, что самое время для вечерней смазки, как я называю это действие. Мы все сидели кружком и потягивали виски. (Я довольно жестко контролирую, сколько разрешать выпить одной персоне. Мне приходилось видеть, что может случиться, если кто-то превысит свою дозу.) О'Коннор показывал свои наброски и говорил об *обратной перспективе* и о прочих художественных премудростях, которые вылетели у меня из головы.

Мы все обернулись, заметив Тодда, неровной походкой поднимающейся по склону. Он был весь в крови, и на секунду мне показалось, что он проиграл соревнование по взаимному пережевыванию с тероподом. Но он выглядел довольно: на одном плече здоровенный штуцер, на другом - трофея. Это была голова одного из мелких зауроподов, похожего на гигантскую змею, натянутую на слона. Я думаю, что это был аламозавр; в конце мелового периода все еще хватало зауроподов, хотя они и не попадались на каждом шагу, как в конце юрского.

Тодд отхватил с головой еще и почти два метра шеи животного, висевшего на плече, как толстый шланг.

Я никогда не посоветую моим сагибам стрелять в зауроподов. С любой точки зрения это совершенно неспортивно. Они, если их не трогать, безобидные существа, довольно глупые даже по стандартам динозавров. Я не хочу сказать, что динозавры необычайно глупы - они не глупее современных крокодилов и других рептилий. У них есть набор полезных инстинктов, которые помогают им пройти через большинство кризисов в их жизни; и они могут обучаться, хотя и не так быстро, как млекопитающие.

Однако все, что делают зауроподы, так это едят, едят и едят все зеленое, до которого смогут дотянуться такими длинными шеями. Некоторые из них громаднее, чем человек в состоянии вообразить, и, тем не менее, могут ходить по суше. Но, похоже, ограничивающим фактором является не сила ног, а то, сколько зелени за день они смогут проглотить и переработать в своих могучих кишках.

Еще они могут пережить множество попаданий. Тодду повезло попасть первым же выстрелом в сердце. А если и убьешь такого, то что получишь? Только глупую маленькую голову на длинном стебле шеи.

Ни одно из этих соображений не остановило Тодда.

- Видите? - сказал он, с улыбкой до ушей. - Я получил свой трофей, сам! Отчекрыжил ему голову мачете, и вот!

- Как далеко вы ушли вниз по склону, когда стреляли? - спросил я.

Он махнул рукой.

- Примерно на две трети, прямо в той лесной полосе болотного кипариса, где деревья редкие и чахлые.

- И вы оставили тушу там?

- Конечно! Вы же не думаете, что я затащу десять тонн динозавра по этому склону? Где тут соль, чтобы законсервировать голову?

- Ты чертов идиот! - сказал я.

Чего только не встречается на сафари во времени, но больше всего несчастий происходит из-за ублюдков, доказывающих свою мужественность.

- Разве ты не знаешь, что на запах плотоядные динозавры слетаются как мухи? - продолжил я. - Они еще до конца ночи устроят грандиозное пиршество. Ничего страшного, если они все столпятся вокруг туши, но, вполне вероятно, крупные станут отгонять мелких. Тогда мелкие, которым не достались лакомые куски, станут бродить здесь в поисках другой добычи - и найдут нас.

- Струсили, да? - фыркнул он.

- Ах ты, крысеныш... - начал я.

Все шло к первоклассной драке, когда Раджа ухватил Тодда за руку и отвел в сторону, говоря:

- Послушайте, мистер Тодд, если дошло до мятежа, нам лучше всем вернуться в камеру и отправиться в Настоящее...

Они отошли дальше и, я перестал их слышать, но в итоге Айяр утихомирил Тодда до такой степени, что тот вернулся как в воду опущенный и промямлил что-то типа «он надеется, что из-за его охотничьей импульсивности ничего плохого не случится». Раджа нашел для него консерванты, пока Мин готовил нам чай - то, что вы, ребята, называете «ужином».

На обычном сафари в первый полный день я вывожу сагибов на охоту за свежим мясом; это обеспечивает нас белком, придающим силы для блуждания по пересеченной местности. Кроме того, можно понять, кому из путешественников во времени можно доверять заряженное ружье. В мезозое мясо означает одного из маленьких травоядных динозавров, вроде крепколоба или тесцелозавра. На сей раз наше пребывание предполагалось настолько коротким, что такой поход казался нецелесообразным. Мы захватили достаточно еды из Настоящего. К тому же увлекался охотой, видимо, только Тодд.

ВОКРУГ ТУШИ зауропода, как я и предсказывал, собрались тероподы. Мы слышали их рычание и вопли, когда они устанавливали очередность, но мяса там было столько, что особо за него конкурировать им не приходилось. Так или иначе, на склон холма, где мы разбили лагерь, никто забраться не пытался.

Когда на следующее утро взошло солнце, последние из теропод, нажравшиеся до такой степени, что едва ковыляли, мало-помалу уходили в кипарисовое болото. В бинокль я разглядел обнажившиеся ребра.

Я подозревал, что на туще осталось довольно много мяса и нам лучше сохранять бдительность насчет хищных визитеров. В этот период поблизости от нашего лагеря не встретить знаменитого тираннозавра, но среди тех, кто здесь водится, есть, например альбертозавр, достаточно крупный, чтобы посчитать вас закуской.

Айнар Хаупт провел за наблюдениями большую часть ночного времени. После завтрака он, посчитав на маленьком карманном компьютере, сказал:

- Реджи, думаю, что я вычислил прибытие Энио. По моим инструментальным данным столкновение произойдет послезавтра на рассвете и, очень определенно, на этой стороне планеты.

- Можешь указать место столкновения точнее? - спросил я.

- Не-а. Если бы мы вернулись в Настоящее, мои коллеги-астрономы смогли бы, но здесь не получится.

Я получил представление о том, как на большой войне чувствовали себя парни, находясь в городе, который враг собирался бомбить. Можно утешаться мыслью, мол, имеются хорошие шансы на то, что бомбы не попадут; но было бы гораздо приятнее, если бы они вообще не падали.

- Другими словами, - сказал я, - мы можем ожидать прибытия леди чуть меньше, чем через два полных оборота этой чертовой планеты?

- Точно.

Я не сказал «сорок восемь часов», потому что в то время Земля вращалась немного быстрее, чем сейчас, так что часы - если считать двадцать четыре часа на один оборот Земли вокруг своей оси - были короче. Это усложняет наши усилия по планированию графика сафари, так как время на часах сагибов не соответствуют движению солнца. Я подумывал о том, чтобы сделать специальные часы, но потом мы с Раджой решили, что расходы будут непропорциональны выгоде. Такие часы должны настраиваться на скорость вращения планеты во все времена начиная с докембра.

День становился все жарче. Подошел Стерлинг Фезерстоун и спросил:

- Реджи, вы не видели Джорджа? Есть геологический вопрос, который я хочу с ним обсудить.

Нет, я не видел Ромеро, и поиски в лагере не помогли. Боже, подумал я, только не говорите, что еще один из этих придурков ушел в одиночку! Меня бы не слишком бы удивило, будь это О'Коннор, рассеянный и мечтательный, но такого я не ожидал от Джорджа Ромеро - рассудительного ученого, привыкшего работать в поле. Я-то считал, что ученых должно хватать здравого смысла, но получается, что это не обязательно так.

Я обошел лагерь, расспрашивая всех о Джордже Ромеро. Наконец Тодд сказал мне:

- Полчаса назад он говорил что-то насчет небольшой прогулки, посмотреть на местную фауну, не погревоженную нашим присутствием. Уверен, далеко он не уходил.

Раджа видел, что я готов взорваться и сказал:

- Успокойся, Реджи. Я пойду...

И тут пропажа нашлась. Из-за изгиба склона холма появился Джордж Ромеро, бегущий с впечатляющей скоростью, несмотря на свой небольшой рост и средний возраст. Прямо за ним мчался стен, пытаясь подобраться достаточно близко, чтобы вонзить клыки в спину Ромеро.

Стен? Сокращение от «стенонихозавр», это один из заурорнитоидесов, обитавших в тот период. Мы называем их «стены», потому что обычно людям трудно запомнить «стенонихозавр». Они мелкие плотоядные, весят около пятидесяти кило, другими словами, столько же, сколько невысокий человек. У них стройное тело, приспособленное для бега, при движении они высотой вам по пояс, голова и хвост торчат параллельно земле. Встав на задние ноги и хвост, они могут заглянуть вам в глаза. Обычно они безобидны, так

как охотятся на мелочь вроде ящериц, птиц и млекопитающих, которые в те времена выглядели очень похожими на крыс и мышей.

Но сейчас этот ублюдок гнался за нашим ученым с явно враждебными намерениями. Ромеро пробежал через лагерь к машине времени, стоявшей с открытыми дверями на краю небольшой возвышенности.

Я прыгнул в нашу с Раджой палатку и выскочил оттуда с крупнокалиберным штукером как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ромеро ныряет в двери. Коэн, находившийся в кабине, возился с приборами, и я услышал, как он испуганно вскрикнул. Потом двери захлопнулись перед носом стена.

Рептилия влепилась в стальные двери и отшатнулась, покачивая головой, словно удивляясь человеческим технологиям. Он оглянулся, похоже, впервые осознав, что попал на территорию, запретную для динозавров.

Я колебался, не решаясь стрелять в лагере, потому что опасался задеть кого-нибудь или что-нибудь. Появился Раджа со своим ружьем, но медлил и он. Затем стен включил бешенную скорость, вылетел из лагеря и через несколько секунд скрылся за изгибом холма, откуда он появился, преследуя Ромеро.

Мы долго стучали в дверь кабинки, прежде чем уговорили Коэна открыть. Оттуда вышел все еще задыхающийся Ромеро. Он походил на подростка, которого застукали, когда он запустил руку в банку с леденцами. Он непрестанно извинялся: мол, я показался ему слишком занятый и он не захотел меня беспокоить, а он хотел только немного прогуляться, и все в том же духе. А Коэн тем временем с выразительным взглядом запер за собой двери переходной камеры.

- Но, - обратился я к Ромеро, - что, черт возьми, вы сделали, чтобы так разогнать этого стена? Обычно они оставляют нас в покое, так как мы слишком крупные, чтобы показаться им нормальной добычей.

- Дело было так, - сказал он. - Я спокойно гулял по холму, пока лагерь только-только не скрылся из виду. Там на маленькой плоской площадке я увидел пару этих самых стенов, вроде как танцующих. Я стал смотреть. Один просто стоял, а другой двигался, и его движения напоминали гимнастические упражнения, которые я делаю по утрам. Он глубоко присел и снова поднялся, потом стал кланяться, касаясь головой земли, снова и снова. Потом он опять присел и поднялся. Я решил, что это брачный танец, а тот, кто занимается гимнастикой - самец, надеющийся привести самку в состояние возбуждения. Похоже, это сработало, потому что самец выдавил свой большой длинный крючкообразный гемипенис*, об-

* Гемипенис (лат. *Hemipenis*) - внешний парный копулятивный орган ящериц и змей. (Прим. перев.)

ращенный к самке. Затем он схватил самку передними лапами, поднял одну ногу над ее задом и начал тыкать своим органом в поисках точки входа. Я не смог устоять перед соблазном снять несколько кадров на мою фотокамеру. Не знаю, что привлекло внимание самца - тихий щелчок затвора или движение руки. Но он вдруг уставился на меня, отпустил самку и втянул свой крючок внутрь. Он издал что-то вроде вороньего карканья и кинулся на меня. Оружия у меня не было, и я побежал от него.

У нас с Раджой мелькнула одна и та же мысль, и мы оба расхохотались.

- Дружище, он решил, что ты соперник, захотевший трахнуть его подружку, - сказал я. - Ясно дело, ни один уважающий себя стен такого не спустит!

Этот инцидент изрядно развеселил весь лагерь. Но потом, когда облака сгрудились в огромные наковальни, изрыгающие гром и молнии, наше настроение ухудшилось. К ужину обрушился дождь, хлеставший как из ведра.

Он не прекращался всю ночь. Может, тероподы и собрались снова вокруг туши зауропода продолжить свой пир, но буря надела столько шума, что мы их не слышали. Утром ничего не изменилось, дождь шел весь день.

- Чертовски не везет, - сказал Фезерстоун. - Если мы не сможем увидеть результатов столкновения с этого расстояния, опасно будет сидеть здесь, дожидаясь, пока это не случится. Ударная волна может застать нас врасплох и размазать в лепешку.

- От Энио, даже сквозь облачный покров может оказаться достаточно света, - сказал Хаупт, - чтобы предупредить нас о столкновении.

- Как насчет большой волны? - спросил Ромеро. - Если эта каменюка рухнет в воду, она разбудит дедушку всех цунами. А вы же знаете, как говорят: «Если ты на пляже и видишь приближающееся цунами, уже слишком поздно спасать свою шкуру».

- Разве что, - заметил Фезерстоун, - у тебя быстрая заправленная машина на хорошей дороге, ведущей с пляжа.

- И если, - добавил Ромеро, - дорога не забита другими машинами, пытающимися сделать то же самое. Но как насчет *такого* цунами?

- Не переживай, - ответил Хаупт. - Оно может прокатиться по равнине вглубь страны на несколько километров - на десять, может, на двадцать, но мы, по крайней мере, в ста километрах от любого моря. Скорость...

- Откуда ты знаешь, - прервал Тодд, - что мы в ста километрах от моря, когда у нас нет карты местности этого периода?

Хаупт ответил с вынужденным терпением старой школьной учительницы, занимающейся с отстающим учеником.

- Потому что, если бы море было ближе, с этой высоты мы бы его видели. Скорость волны существенно меньше скорости звука, немного превышающую 330 метров в секунду, и которая также является скоростью ударной волны.

Я поднял руку, прекращая спор и сказал:

- Прослушайте, пожалуйста. Мы поднимемся за несколько часов до ожидаемого удара. Потом загрузим в камеру все вещи, которые планируем забрать с собой, и будем стоять у дверей, готовые за-прыгнуть в ту же минуту, как вы, парни, увидите вспышку в небе. Мы не будем дожидаться ударной волны, а мгновенно уберемся в Настоящее.

Решение было принято, но, как оказалось, этот сценарий не потребовался. Пока шел дождь мне все время приходилось выслушивать жалобы Тодда, что ему не удалось второй раз поохотиться, и жалобы О'Коннора, что он не смог нарисовать побольше картин - как будто я каким-то образом был ответственен за такую погоду.

Вечером накануне События, дождь прекратился, и облака рассеялись. Мы загрузили в переходную камеру все, что забирали с собой - например, голову зауропода Тодда и картины О'Коннора. Мин затащил сумку, полную нашей новой кухонной утвари; он не собирался жертвовать ею.

КОГДА ПЕРЕД рассветом мы поднялись, над нами было ясное, глубокое синее небо, в котором одна за другой гасли звезды, по мере того как сияние грядущего восхода солнца разгоралось на востоке.

- Где Энио? - спросил я у Хаупта.

- Она появится с минуты на минуту, - сказал он. - Земля должна чуть больше повернуться к ней... А, вот и она! Собирай свою банду!

На юго-восточном горизонте, все еще темно-синим, появилось еще одно светлое пятно, напоминающее Венеру при ее максимальной яркости. Я смотрел на пятнышко, но не замечал, чтобы Энио сдвигалась относительно нескольких еще видимых звезд.

- Она и точно упадет? - спросил я Хаупта. - Похоже, она никуда не собирается.

- Она двигается, но слишком медленно, чтобы заметить невооруженным глазом

После того, как мыостояли некоторое время, дрожа от холода и размышляя - по крайней мере, я на эту тему размышлял, - не разумнее было бы использовать роботизированные приборы вместо людей-наблюдателей, Хаупт сказал:

- Сейчас смотрите внимательно. Она заметно снижается к горизонту.

Я посмотрел - и верно, пятно сдвинулось. Оно двигалось вниз, сначала медленно, как минутная стрелка, потом все быстрее.

- Вот оно! - крикнул Хаупт.

Пятно исчезло за горизонтом, но почти сразу озарился юго-восток. Свет восходящего солнца на востоке был уже довольно ярким, но теперь как будто два солнца всходили одновременно, под углом в почти девяносто градусов. Обычный восход солнца шел в обычном неторопливом темпе, но другой разгорался намного быстрее. Потом с юга на восток хлынул поток чистого света. Не скажу, что оно было ярче миллиона солнц, но несколько секунд сияние восходящего на востоке настоящего солнца выглядело по сравнению с ним не ярче обычной свечи.

- Посмотри на горизонт, - сказал Ромеро. - Я думаю, что люди, которые ставили на Наветренный пролив*, проиграли. Пеленг указывает на Юкатан.

Свет потускнел, но затем появилось такое, чего я никогда не видел. Над горизонтом воздвигался своего рода светящийся купол. Он рос все выше и выше, превращаясь в вершину гигантской разноцветной колонны, по большей части красной. Ближе к вершине она была темно-красной, со, словно бы, шероховатой поверхностью, как будто из миллиона отдельных струй пара, или воды, или лавы. Ниже цвет становился светлее, вплоть до ярко-желтого у основания, а маленькие синие молнии вспыхивали по всей поверхности фантастической колонны. Ромеро сказал:

- Какой азимут, Айнар?

Хаупт прищурился и, прижав глаз к окуляру, подрегулировал прибор.

- Восемьдесят четыре... Нет, восемьдесят пять градусов.

- Это примерно восточное побережье Юкатана, - сказал Ромеро.

- Почему мы ничего не услышали? - спросил я Хаупта

- Чего удивительного? Это примерно в двух тысячах километров отсюда, так что для того, чтобы звук и ударная волна добрались сюда, понадобится как минимум двадцать минут.

Я посмотрел на часы и сказал:

- Через двадцать минут мы все должны оказаться в камере и нажать кнопку. У кого остались неотложные дела?

Колонна продолжала подниматься, хотя и медленнее, а цвета потускнели и поблекли. Это напомнило мне короткометражку, который я когда-то посмотрел, о взрыве американской водородной бомбы на каком-то несчастном островке в Тихом океане. Сейчас я видел что-то похожее, но гораздо масштабнее.

- Пятнадцать минут! - сказал я. - Ты готов впустить нас, Брюс?

- Да, - сказал Коэн.

- Я придержу дверь, когда он откроет, - сказал Раджа. - Десять минут!

* Наветренный пролив (англ. Windward Passage) - пролив в Карибском море между Кубой и Гаити. (Прим. перев.)

Темная полоса появилась над горизонтом, казалось, она подползает все ближе.

- Пыль, дым и водяной пар, я так полагаю, - сказал Фезерстоун.

Поросшая кипарисами болотистая равнина перед нами менялась на глазах. Перемены начались на границе видимости и быстро приближались. Изменение обратило весь лес в огромный костер. Деревья вдоль переднего края вспыхивали ярко-желтым и оранжевым пламенем, быстро поглощавшимся колоссальным облаком черного дыма, но тут же загоралась следующая лесная полоса.

- Вот и ударная волна, - сказал Фезерстоун.

- Пять минут! - сказал я. - В кабину, все! Живо!

Мы побежали к переходной камере и обнаружили там Коэна и Раджу на четвереньках перед закрытыми дверями.

- Господи, в чем дело? - заорал я.

- Брюс уронил ключи, - сказал Раджа. - Ничего не трогайте!

Они шарили руками по земле, разыскивая ключи. Прошло лишь несколько секунд, но мне они показалось часами. Мне показалось, что рассвет потускнел от стремительно застилающего небо облака дыма, но это, возможно, была только игра воображения.

- Позвольте мне, - сказал Тодд.

Он включил электрический фонарик, лучом которого принялся водить туда-сюда. Как раз тогда, когда, казалось, надежды уже не осталось, Коэн закричал: «Нашел!» и схватил ключи.

Тодд, во всяком случае, доказал, что он нечто большее, чем зазора в заднице. Коэн открыл дверь быстрее, чем когда-либо на моей памяти, и мы полезли внутрь. Я пересчитал головы залезающих мимо меня в кабину и завопил:

- Где О'Коннор? Ох, Джон! Где ты, во имя чертова ада?

- Иду, - сказал О'Коннор, неспешно шагающий от палаток с квадратным полотном в рамке под мышкой. - Забыл этот набросок, - пояснил он.

- Беги, будь ты проклят! - заорал я.

Наконец я затащил его внутрь в целости и сохранности, а потом залез и сам. Брюс Коэн, стоящий у контрольной панели, протянул руку к рычагу, запирающему двери, когда через дверной проем мелькнула еще одна тень. Я был уверен, что все мои сагибы внутри. Некоторые вскрикнули, когда к ним запрыгнул новый пассажир с ловкостью, куда большей, чем человеческая.

Коэн заколебался, затем яростно дернул рычаг. Двери захлопнулись. Новичок взвизгнул, потому что закрывающиеся двери оборвали последние сантиметра два кончика его длинного хвоста. Владельцем хвоста был стен, похожий на того, который загнал Джорджа Ромера в камеру два дня назад.

- Отправляемся в Настоящее! - крикнул я Коэну, уже работавшему с настройками.

Камера дернулась, но это был не просто переход сквозь время, но и физическое движение в позднем меловом периоде.

- Землетрясение! - крикнул Фезерстоун.

К этому моменту Коэн уже уверенно держал нас на маршруте путешествия во времени. Свет потускнел, и все почувствовали ужасное головокружение, вибрацию и тошноту. Я смотрел в сторону нашего безбилетника, зажатого в углу комнаты возле двери. Что, черт возьми, нам с ним делать? Стрелять в таком тесном помещении стало бы самоубийством. С другой стороны, оставлять спутников на милость мезозойского плотоядного...

- Он кажется неагрессивным, Реджи, - сказал Раджа. - Должно быть, он запомнил позавчерашнюю камеру и, увидев, что его мир в дыму, понял, что для него это самое безопасное место. Для рептилий они считаются довольно сообразительными... Ох, нет!

Тошнота повлияла на стенонихозавра, и его последнее блюдо оказалось на полу кабинки. Брюс Коэн, когда это увидел, ругался так затейливо, как я никогда и не слыхивал. Самый красноречивый деревенский сквернослов по сравнению с ним показался бы скромной училикой.

Раджа не ошибался насчет того, что стены были умнее большинства других рептилий. Некоторые утверждают, что если бы не Энио, динозавры все еще могли бы быть в силе, а потомки стенов превратились бы в рептилоидный эквивалент человечества.

- Если мы оставим его в покое, - сказал Раджа, - он, вероятно, поступит с нами так же. Должно быть, он больше испугался События, чем нас. Многие зоопарки не отказались бы от живого динозавра. Музею, который доставил отсюда яйца, не повезло, они не проклюнулись. Посмотрим, позволит ли бедолага перевязать ему хвост; ты же знаешь меня и животных.

- Ей-богу! - сказал Ромеро. - Уверен, это мой соперник за благосклонность той самки. У него такой же шрам на морде. Бедную девочку убила ударная волна.

- Жаль, что мы не смогли привезти пару, - сказал Фезерстоун, - и разводить их.

- Если вы, ребята из музеев, готовы принести деньги нам, чтобы доставить подругу стену, вы увидите, что фирма «Реки и Айар» всегда готова к деловым переговорам, - заметил я.

ВОТ ЭТО, мистер Берджесс, и есть история самого опасного случая со мной. Как будто в тебя выстрелили и промахнулись. На время поднимает настроение и дарит вам историю, которую хорошо рассказать за ужином; но, в общем, так рисковать снова не хочется. Мне больше не надо, спасибо. Жена должна забрать меня. Бай-бай!

ANALOG

SCIENCE FICTION AND FACT

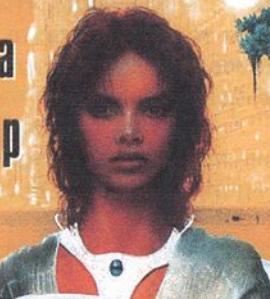
MAY 1993

Maya Kaathryn Bohnhoff

Jeffery D. Kooistra

L. Sprague de Camp

\$2.50 U.S. ■ \$3.25 CAN.

05

36003

0 387168 3

VIII. ПОТЕРЯННЫЙ МАСТОДОНТ

А, МИСТЕР ШИНДЛЕР? Что доставило нам больше всего хлопот не в доисторические времена, а здесь, в Настоящем? Ну, был иск родственников преподобного Хьюберта после того, как в эоцене этот идиота кусок позволил диатриме заклевать себя до смерти.

Потом были слушания в сенате Миссури, где волосатые психи утверждали, что сафари во времени - это заговор, чтобы дискредитировать Библию, или изменить историю и превратить нас в пар, или нарушать права животных.

Самое странное обвинение, однако, пришло от охотничьих ранчо. Знаете, те места, где за несколько тысяч какой-нибудь городской бездельник, в жизни и на десяток шагов не отходивший от пешеходной дорожки, может застрелить прирученного льва, подошедшего облизать человеку руку, а потом, попирая ногой труп, позировать для фотографий, чтобы повесить фото на стену в своей квартире. Когда он подцепит птичку-куколку, то использует картиночку, чтобы показать, какой он герой-мачо, и раскрутить ее на горизонтальные виды спорта. Если это охота, то я чертова балерина!

С исчезновением всех по-настоящему диких земель, за исключением парков и заповедников, где звери находятся под охраной, дела у охотничьих ранчо какое-то время шли неплохо. Техника разведения животных дошла до такой степени, что достаточно иметь по нескольку экземпляров любых видов, и вы можете сохранять группу для разведения, неопределенное время поставляя разных животных.

После того, как у профессора Прохазки заработала машина времени, все настоящие сагибы-охотники захотели отправиться в прошлое, пристрелить какого-нибудь местного зверя, предпочтительно мамонта или динозавра, и вернуться с доказательствами - головами и шкурами. И вот, охотничьи ранчо стали разоряться, так что они наняли лоббиста, чтобы остановить сафари во времени.

Лоббистом Ассоциации охотничьих ранчо был чертовски проницательный адвокат по имени Джейсон Эклер. Он выступил против импорта ископаемой фауны в Настоящее.

Мы с Раджой доставили из позднего мелового периода пару стенонихозавров. Это плотоядные динозавры-тероподы размером с человека. Из Парка Дикой природы в Сан-Диего сообщают, что они успешно размножаются. Сотрудники парка прямо-таки кудах-

чут над полудюжиной маленьких стенчиков, бегающих повсюду и грызущихся за лакомый кусок.

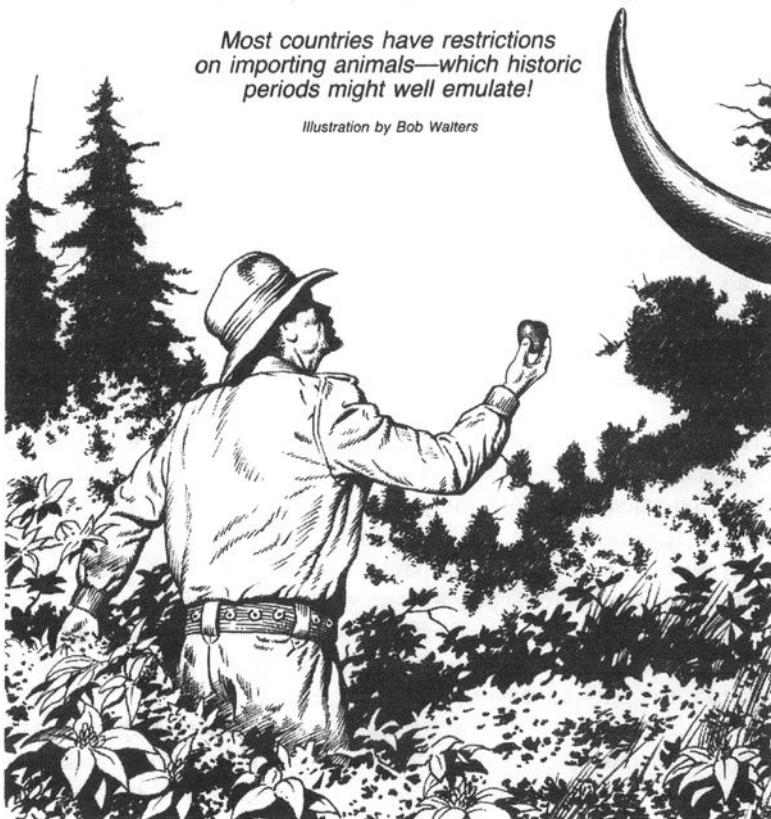
Теперь они заговорили насчет того, чтобы доставить им что-нибудь более амбициозное. С каждым годом мы с Раджой видим, что все меньше наших клиентов хотят убивать и все больше тех, кто предпочитает просто изучать зверей, фотографировать или наблю-

L. Sprague de Camp

THE MISLAID MASTODON

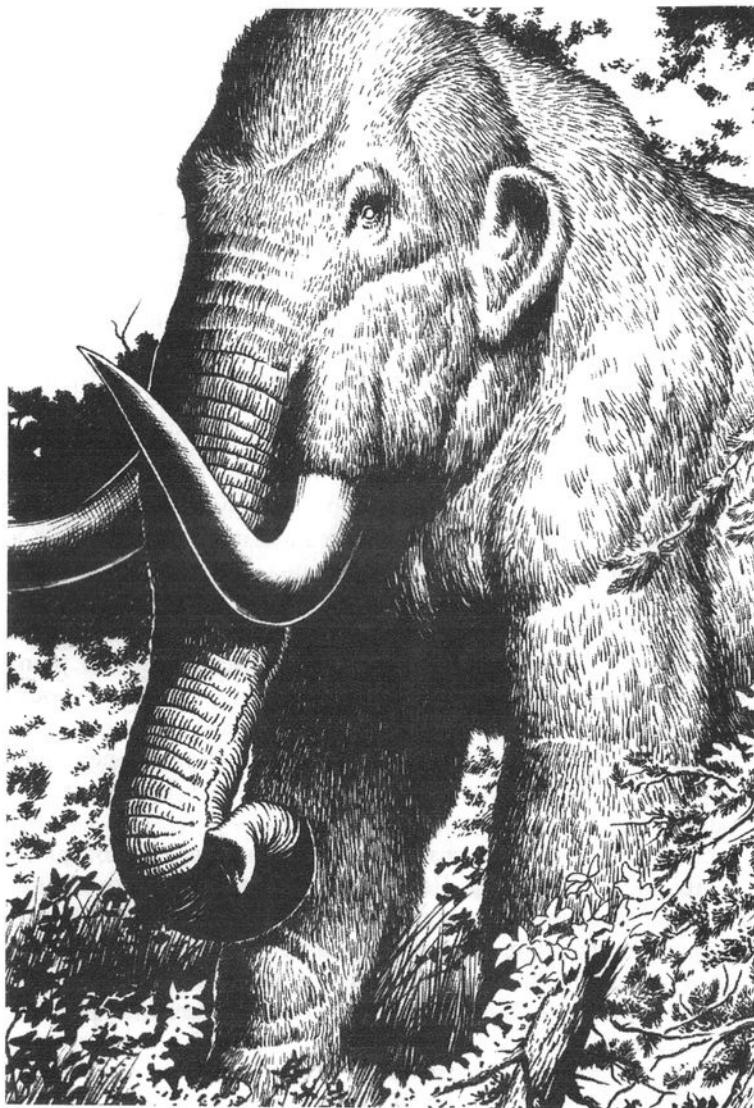
*Most countries have restrictions
on importing animals—which historic
periods might well emulate!*

Illustration by Bob Walters

дать. А еще хотят доставлять их в Настоящее живыми, что мы и пытались сделать.

Этот тип, Эклер, стал вещать об опасности импорта экзотической фауны, пара которых может вырваться на свободу и заполнить страну своими потомками. Он говорил про скворца, ходячего сома, средиземноморскую фруктовую мушку, лиану пуэрарию и

так далее. Он описывал Америку, захваченную тираннозаврами, которые гоняются за мирными гражданами и пожирают их.

В свою очередь, я указал на то, что то же самое возражение относится к любым экзотическим видам в зоопарках и цирках. Более того, именно некоторые охотничьи ранчо импортировали азиатских оленей, которые, попав на свободу, вытеснили местных. Австралии хорошо знакомы эти опасности, тому свидетельство наших проблем с завезенными кроликами и лисами.

Потом настал черед еще одного моего знакомца, крупного парня с лицом кирпичного цвета, носившего обычную одежду, но отличавшегося длинными черными волосами, закрывающими его спину. Его звали Норман Блэкэлк и он был коренным американцем из племени кроу, или абсарока*. Он адвокат и возглавляет «Общество Возрождения», которое оплачивало расходы, понесенные нами при охоте на мастодонтов. Судя пояснил, что попытка как можно полнее восстановить ключевую фауну североамериканского плеистоцене - это вопрос его совести. Суть в том, что предки Блэкэлка пришли из Сибири двадцать-тридцать тысяч лет назад. Обнаружив континент, кишащий мамонтами, мастодонтами, наземными ленивцами, верблюдами, лошадьми и другими крупными и съедобными животными, так и не научившимися противостоять людям, они убивали и съедали их во множестве. Когда же крупные млекопитающие - мегафауна, как называют их мои друзья-ученые, - почти исчезли вместе с охотящимися на них львами и саблезубыми, люди-захватчики голодали, пока не научились выращивать maize с фасолью и ловить в ловушку мелких зверей, вроде сурков.

Другим свидетелем стал Хорас Данбар, худой мужчина с обветренным лицом, техасским акцентом и нависающим над ремнем пузом. У него имелось охотничье ранчо, и он рассказал жалостливую историю о том, как он долго и усердно работал, чтобы отпра- вить своих детей в колледж, а теперь гады-иностранные решили его обанкротить своей дьявольской штуковиной для путешествий во времени. Некоторые в зале пустили слезу.

После слушаний, я и Раджа - это тот смуглый парень, который вас встретил, он мой партнер, Чандра Айар. Я называю его «Раджа», потому что по происхождению он на самом деле из князей, только кто обращает на такое внимание в наше время. Так вот, мы спустились вместе с Блэкэлком, чтобы расслабиться и заняли столик на четверых. Вскоре Эклер, увидев, что все табуретки перед баром

* Абсарока или апсароке (дети большой птицы) - индейское племя, названное англичанами кроу (ворона). (Прим. перев.)

заняты, спросил, можно ли ему присесть за наш столик. Я, конечно, не отказал.

- Без обид? - спросил он. - Я просто адвокат, занимаюсь тем, за что мне платит Ассоциация.

- Понимаю, - сказал я.

Мы выпивали и болтали о пустяках. Затем почти непьющий Раджа извинился и уехал на встречу со своей женой. Эклер сказал:

- Могу я дать небольшой совет, мистер Реки?

- Конечно, если пожелаете, - я остро глянул на него, спрашивая себя, не станет ли следующее замечание угрозой или предложением взятки. - Ваш счетчик включен?

- О, я не стану просить плату за совет, - засмеялся он. - Я только хотел сказать, что в следующий раз, когда станете выступать в качестве свидетеля, говорите чуть медленнее и отчетливее, чем обычно. Понимаете, из-за австралийского акцента некоторые американцы кое-что упускают.

- Спасибо, я учту, - поблагодарил я.

Потом Эклер, глазевший по сторонам, заметил Данбара, тоже ищущего место, где можно приткнуться. Он окликнул:

- Привет, Хорас!

Вскоре Данбар, извинившись, занял четвертое кресло. После легкой пикировки Данбар посмотрел на меня сузившимися глазами.

- Мистер Реки, - сказал он, - правильно ли я понимаю, что ваше следующее сафари будет не ради охоты, а для того, чтобы доставить в современный мир одного из мамонтов или мастодонтов?

- Верно, - сказал я. - Мистер Блэкэлк надеется получить из плей-стогона достаточно животных, чтобы создать племенные стада.

- Мы стремимся, - сказал коренной американец, - начать с американского мастодонта, некогда очень распространенного и успешного вида. Он должен быть молодым, потому что переходная камера недостаточно велика для взрослого экземпляра, то же самое верно и для трех видов мамонта, встречавшихся в североамериканском плейстоцене.

Данбар проглотил третью порцию - он явно был не дурак выпить - и сказал:

- У меня есть клиент, который хочет застрелить мастодонта и готов заплатить за это изрядную, пятизначную, сумму.

- Тогда отправьте его в фирму «Реки и Айар, Сафари во Времени», - сказал я.

- Нет, не получится. У этого парня фобия по поводу вашей машины времени. Он смертельно боится, что она доставит его в какое-то древнее время, а потом сломается, оставив его в безнадежном положении за миллионы лет до рождества Христова. Он

имеет опыт происшествий, связанных с машинами - не то самолет, сделавший вынужденную посадку на коровьем пастбище, не то поезд, сошедший с рельсов, не то корабль, севший на мель. Так что к технике он относится настороженно, и считает, что путешествия во времени - самое ненадежное.

- У нас машина времени всегда работала, - сказал я. - Мы совершили в ней десятки перемещений во времени, и она всегда доставляла нас домой, в Настоящее.

- Не имеет значения. Мой клиент стоит на своем и не захочет вас слушать. Как насчет того, чтобы вы доставили мастодонта в наши дни, а потом продали его нам?

- Эй! - сказал Блэкэлк. - Вы хотите сказать, что вы выпустите мастодонта на огороженный участок, а ваш клиент подойдет к нему и застрелит?

- Вот именно. Этот парень безумно хочет убить слона, неважно, как он это сделает. Вот только сейчас нет слонов для охоты. Те немногие, которые еще живы, пронумерованы и находятся под присмотром, как призовые цыплята, что африканские слоны, что азиатские. Нет мест, где в них разрешено стрелять. Один из моих клиентов попытался заняться браконьерством, и егеря застрелили его. Ну, так как, мистер Реки?

- Меня не интересует этот вид «спорта», - сказал я. - В любом случае, животное будет собственностью мистера Блэкэлка и его «Общества Возрождения».

- И, черт возьми, вы можете не сомневаться, что мы не пойдем на такую сделку, - сказал Блэкэлк. - Мы пытаемся восстановить вид, а не уничтожить его во второй раз.

Данбар уже выпил четыре, а то и пять порций. Он прорычал:

- Ладно, сопливые сукины дети! Я вам покажу! Собираетесь выкинуть меня из бизнеса, да? После того, как я потратил полжизни, пытаясь построить честное спортивное заведение...

Эклер схватил Данбара за руку и крепко сжал со словами:

- Заткнись, Хорас! Это тебе говорит твой адвокат!

Данбар увял, срыгнул и промямлил:

- Простите, ребята. Похоже, я позволил своим чувствам вырваться наружу. В любом случае, мне пора. Запиши мои напитки на твой счет, Джейсон. Увидимся.

Он поднялся и ушел, пошатываясь.

ПЕРВОЙ ЗАДАЧЕЙ в нашей мастодонтовой охоте стала адаптация переходной камеры Прохазки. Высота взрослого американского мастодонта у плеча будет около двух с четвертью метров, а в длину около пяти с тремя четвертями. Он не такой высокий,

как большой современный слон-самец, но он длиннее и весит примерно столько же.

Прохажка косо смотрел на наше вольное обращение с его драгоценной переходной камерой, но его увлекла перспектива перетащить ряд вымерших организмов в Настоящее и это сработало. Он висел над душой, пока нанятые нами рабочие убирали сиденья, на которых обычно устраивались пассажиры во время перехода. Затем мы огородили рядом прочных стальных прутьев угол оператора, чтобы ни одно из транспортируемых животных не смогло достать когтем или клыком Брюса Коэна, управлявшего машиной времени.

Как обычно, на модификацию потребовалось в два раза больше времени и денег, чем предполагалось. Во-первых, нам требовался загон для содержания животного в Настоящем, пока люди из «Возрождения» не заберут его. Поскольку в местном зоопарке не было свободных загонов, которые мы могли бы взять на время или арендовать, я собрал плотников и закупил пиломатериалы - прочные брусья десять на десять сантиметров. Плотники на территории университета собрали из брусьев, соединенных болтами, загородку, дополнительно укрепив ее крестовинами на случай, если животное попытается проломить одну из стен.

Как пример непредвиденных проволочек и заморочек в осуществлении подобного проекта, можно вспомнить беседу с Джозефом Хокерсмитом, специалистом по нетравматическому отлову диких животных для зоопарков и научных учреждений. Когда он увидел, какую клетку собирают для Коэна, он вскричал:

- Эй! На прутья нужна мягкая обмотка!
- А? - удивился я. - Зачем?
- Вы ведь собираетесь поймать одного из слонового племени, не так ли?
- Да, - сказал я, - хотя не уверен, что можно назвать мастодонта представителем слонового племени, поскольку это слоны происходят от мастодонтов.
- Но у него же будут бивни, верно?
- Если он достаточно взрослый, то будут.
- И вы бы хотели доставить его с неповрежденными бивнями, не так ли?
- Ясно дело!
- Ну, так вот, если посадить зверя в клетку с железными прутьями до того, как он привыкнет к тебе, он так разозлится и испугается, что станет бить бивнями по прутьям с такой силой, что может их поломать и прибыть в Настоящее с пеньками вместо бивней. Я знаю, работал со слонами.

Поэтому нам пришлось терять время, чтобы обмотать прутья, а еще навесить мягкую обивку, которую перевозчики используют в своих фургонах, чтобы не повредить груз.

Наконец мы собрались в здании переходной камеры: Раджа, я, Норман Блэкэлк, повар Мин и вся наша команда - Борегар Блэк, босс команды, и его помощники Панчо, Бруно и Родриго. Потом прибыли Хокерсмит с тремя его помощниками и еще один молодой парень, Уилмер Деларуз, которого прислал нам Миннесотский университет. Деларуз, аспирант и ассистент преподавателя, работал над докторской по палеонтологии. Мы всегда были рады за получить на сафари настоящего ученого, это давало определенные налоговые льготы.

На наших *сафариин* побывало много таких ученых малых, с кем-то получалось легко поладить, а с кем-то не очень. Деларуз казался безобидным парнем, если не считать его комплекса всезнайки с привычкой цепляться к мелочам вроде правильного произношения таких слов как апатозавр.

Когда Норман Блэкэлк произнес его с ударением на «пат», Деларуз поправил его и сказал, что ударение в этом слове должно лежать на «ап».

- Уилмер, - сказал Блэкэлк, - самый успешный адвокат из всех, кого я знал, когда клиент приходил нанять его и неправильно произносил слово, то этот адвокат в последующих разговорах использовал то же самое неправильное произношение клиента, пусть даже и лучше знал, как сказать правильно.

- Вот потому-то язык чертовски портится, - парировал Деларуз.

МЫ НАДЕЯЛИСЬ обнаружить мастодонтов достаточно близко к месту материализации камеры, поэтому не собирались перемещать лагерь и не стали брать с собой целый караван ослов для перевозки вещей по бездорожью. Мы решили, что если нам все-таки придется переносить лагерь, то мы сможем отправить за ними в Настоящее камера с Блэком и его командой.

В последнюю минуту ребята Хокерсмита занесли в камеру бочку с яблоками. Хокерсмит объяснил:

- Это приманка. Проследите, чтобы никто из ваших людей не стащил ни яблока. Для слонов я не нашел лучшего успокаивающего, чем спелые желтые яблоки, это их лакомство. Единственное, что могло бы утихомирить их быстрее, это плоды дерева марула из Южной Африки. Созревшие, они начинают бродить и когда слон их ест, то пьянеет. У меня не нашлось этих фруктов, возможно, и к лучшему. Проблем хватает и с трезвым слоном, вообразите, каково справляться с пьяным!

- Чертовски хорошая идея, - сказал я.

Мы вошли в камеру и отправились в прошлое.

Переход прошел вполне рутинно. При переходе один из людей Хокерсмита из-за морской болезни потерял свой завтрак. Ему хватило сил сдерживаться, пока Раджа не передал гигиенический пакет. Коэн прицеплял мешки с этими пакетами к спинкам сидений, но сиденья убрали, а о пакетах никто не позаботился. Однако у Брюса Коэна пунктик насчет поддержания в кабине чистоты и порядка, так что он-то не позабыл захватить с собой пакеты.

Я сказал Коэну, чтобы он установил на своих циферблатах миллион лет до Настоящего. Это было ближайшее к Настоящему время, в которое разрешали отправляться ученые, работающие с Прохазкой. Они опасались, что путешественники во времени могут повстречаться с предками Блэкэлка, пришедшими из Сибири. Такая встреча повлияла бы на последующую историю, и получился бы парадокс. Чтобы его предотвратить, нас вышвырнуло бы в Настоящее, бумм! - и все умерли.

На самом деле, я уверен, что и отправка на полмиллиона лет в прошлое не повлечет за собой никакого риска, так как все свидетельствует о том, что первые краснокожие пришли в Северную Америку намного позднее, чем в стотысячном году до нашего времени, но эксперты Прохазки для безопасности настаивает на очень большом запасе.

КОЭН НАШЕЛ нам хорошее место для высадки. Он не может перемещать камеру по горизонтали, но, перемещаясь туда-сюда во времени, он может найти период, когда площадка плоская, а почва достаточно твердая для безопасной высадки. Ландшафт в одиннадцатом году до нашего времени выглядит едва ли иначе, чем национальный лес «Марк Твен», названный в честь писателя, в современном южном Миссури. Этот штат довольно-таки ровный, есть небольшие возвышенности, но нет ничего, что американец из западных штатов согласился бы назвать горой. Самое высокое место в округе Айрон, гора Таум-Саук, всего лишь около пятисот метров. В штате Колорадо никто не удосужился бы дать название такому холмчику.

Миллионы лет эта территория была частью большого леса умеренной зоны, покрывавшего восточную треть континента до тех пор, пока не пришли белые люди, вырубившие большую часть деревьев ради сельскохозяйственных угодий. Западная граница леса перемещалась туда-сюда в зависимости от погодных условий. В засушливые столетия лес отступал на восток, оставляя большую

часть Миссури травянистой равнине, а последовательность влажных веков возвращала лес обратно.

Очевидно, мы попали в один из сухих периодов. Вокруг хватало деревьев, главным образом это были клены, гикори и дубы нескольких видов, но они росли рощицами и купами. Для нашего бизнеса такой ландшафт предпочтительней сплошного густого леса. Тут не только крупнее животные - трава обеспечивает их легкодоступной пищей, но и нам проще их заметить. В настоящих джунглях тебе чертовски повезло, если видимость на полста метров. Никогда не знаешь, сколько зверей из тех, кого ты высматриваешь, просто за пределами этого ограниченного радиуса.

Как бы то ни было, когда мы с Раджой выскочили с ружьями наготове, в поле зрения не оказалось ни одного животного, кроме пары белок. После отправления камеры обратно в Настоящее за снаряжением, первые несколько часов мы все были заняты разворачиванием лагеря.

Кроме обустройства лагеря, мы в стороне разложили большое брезентовое полотно. Это полотно было привязано тросом к мощной лебедке, а лебедка, в свою очередь, крепилась к прутьям решетки в кабине и была подключена к силовой установке переходной камеры. Если мы сможем заманить мастодонта на брезент, то попытаемся его усыпить и с помощью лебедки затащить в камеру. Я попросил ребят насыпать из подручного грунта небольшую рампу от уровня земли на месте нашей высадки до порога в дверях камеры. Но брезент можно было разместить от камеры не дальше, чем позволяла длина троса.

Я собирался назначить время перекуса, когда мы услышали, как в роще к югу от нас что-то обрушилось.

- Эй! - сказал Хокерсмит. - Может, это мастодонт идет прямо к нам в руки! Фред, доставай яблоки!

Парни Хокерсмита выкатили бочку, а мы с Раджой осторожно пошли к роще. Обогнув кучку деревьев, мы обнаружили причину шума - гигантский ленивец подсунул когти под корни молодого клена и выворотил его из земли. Теперь ленивец сидел на задних лапах и хвосте, удерживая в передних лапах выкорчеванный ствол и объедая его сверху вниз. Он уже съел все листья и листочки, ветки и веточки на большей части дерева и приближался к комлю.

Представьте себе животное, похожее на огромного медведя с большим пушистым хвостом, а еще лучше - росомаху, увеличенную до размеров маленького слона. На задних лапах имелись шипы, выступавшие сзади почти на длину стопы, что, несомненно, придавало животному дополнительную устойчивость.

Ленивец тупо взглянул на нас и вернулся к своему обеду. Хокерсмит спросил:

- Как ты назвал эту тварь, Реджи?

- Гигантский ленивец, - сказал я. - Впервые его обнаружил ваш президент Джейферсон, который получил ископаемый коготь и назвал животное мегалоникс, что по-гречески означает «большой коготь». Он посчитал, что это что-то вроде огромного льва.

- Извини, Реджи, - сказал молодой Деларуз. - Я уверен, что конкретно этот принадлежит к семейству милодон, а не к мегалониксам.

- Окей, как скажешь.

- Мы станем что-нибудь с ним делать? - спросил Деларуз.

- Не вижу смысла. Некоторые клиенты стали бы стрелять в него просто, чтобы услышать выстрел, и увидеть, как животное падает замертво. Но если мы его поймаем, у нас не останется места для мастодонта. Так что предлагаю оставить его в покое.

- Похоже, он нас не боится, - сказал Хокерсмит.

- Никогда не видел таких существ, как мы, - сказал я. - Если верить книгам, то единственный хищник, которого он всерьез опасался, это саблезуб. У гигантского ленивца своего рода доспехи из маленьких круглых костей, вросших в кожу, и нужно иметь клыки саблезуба, чтобы добраться до жизненно важного органа. Мы же не похожи на саблезубов и пахнем иначе. К тому же с ним не так легко справиться, так как, мазнув по тебе своими здоровенными когтями, он запросто может снести тебе голову.

Мы смотрели; но ленивец только и делал, что просто ел. Из своих наблюдений за крупными растительноядными, особенно за теми, кто живет на листьях или траве, я знаю, что это их основное занятие. Они вынуждены тратить все свое время на еду, потому что трава и листья имеют чертовски низкую питательную ценность.

Вскоре милодон обчистил деревце до последнего листика. Он бросил ствол, опустился на четвереньки и побрел в рощу в поисках следующего деревца. Он, не обращая на нас внимания, шел, опираясь на костяшки передних лап, как горилла.

При поиске животных для охоты, фотосъемки или просто, чтобы на них поглязеть, необходимо быть готовым к непредсказуемости их появления. В следующие дни мы видели других млекопитающих плейстоцена - оленей, медведей, гигантских ленивцев, лошадей, бобра величиной с медведя, раз вдали мелькнул лев - но никаких мастодонтов. Хокерсмит объяснил:

- Со слонами то же самое. Они всегда мигрируют, потому что у них такой аппетит, что стадо быстро очищает от зелени любое место, куда они попадают, не гнущаясь даже корой деревьев. Поэтому они вынуждены двигаться дальше, и покидают опустошен-

ный район, оставляя его восстанавливаться. Этот процесс может занять годы, что усложняет попытку сохранить слонов.

Время шло, а мастодонты не появлялись. Один из людей Хокерсмита подстрелил оленя, и лагерь на некоторое время был обеспечен свежим мясом. Но наступил день, когда весьма взбудораженные Хокерсмит и Раджа вернулись с долгой прогулки.

- Поблизости есть что-то вроде слона! - сказал Хокерсмит. - Мы прошли мимо прекрасной кучи слоновьего дерhma, ошибки быть не может!

Мы отправились на поиски и через несколько часов услышали впереди рокочущие звуки.

- Мы приближаемся! - сказал Деларуз. - Это *proboscidean borborygmus*.

- Что? - спросил Блэкэлк, повернув ко мне свое лицо цвета меди.

- Что он сказал?

- Это научное определение для урчания газов в кишечнике слона, - ответил я.

Мы осторожно шли вперед, пока не услышали треск ломающихся ветвей. Наконец примерно в семидесяти метрах мы увидели наш объект преследования, подтаскивающего ветви липы, чтобы обесть мелкие веточки и листья.

Объектом оказался большой мамонт, высотой у плеча добрых четыре метра. Он был довольно коротким, но длинноногим, покрытым красновато-коричневой шерстью, однако не такой длинной, как у более мелкого истинного или шерстистого мамонта, обитающего дальше на севере. Еще он имел пару прекрасных длинных, спирально загнутых бивней, сходящихся почти в одну точку, которые привели бы в экстаз любого из моих гоняющих за трофеями охотников-сагибов. Когда-то много спорили о том, какое применение могут иметь такие скрещенные бивни, так как их концы не функциональны. Потом выяснилось, что самцы использовали их как лопаты, раскапывая пищу зимой, а самки и молодняк следовали за ними. Путешествия во времени подтвердили эту теорию.

- Колумбийский мамонт, - сказал я. - *Paraloxodon jeffersoni*, если я правильно помню учебники.

- О, эта терминология устарела, - в своей раздражющей манере вмешался юный Деларуз. - В настоящее время большинство специалистов определяют его, вместе с шерстистым мамонтом как *Mammuthus*. А некоторые даже хотят запихнуть их всех обратно, согласно Линнею, в семейство *Elephas*, но я считаю, что это чересчур.

Мы глазели на мамонта, но через некоторое время просто смотреть, как животное ест, ест и ест, становится чертовски скучно. Хокерсмит спросил:

- Попробуем его захватить, Реджи?

Я покачал головой.

- Он слишком высокий, чтобы поместиться в камере, разве только мы сможем заставить его опуститься на колени и заползти внутрь. Не вижу перспективы.

- Вы можете выстрелить в него зарядом транквилизатора, - сказал Деларуз. - Он, я уверен, тут же ляжет.

- Да? Предположим, я вкатил ему дозу транквилизатора. Он просто ложится и дремлет, как потом доставить его к камере? Мы примерно в километре от лагеря, и почти так же далеко от поддона. (Так мы называли брезент, прикрепленный к камере). Кроме того, он весит по крайней мере пять-шесть тонн. Кто-нибудь хочет затронуть эти бивни?

- Только *не я*, - сказал Блэкэлк. - Мои предки добыли их больше чем достаточно.

- Тогда давайте возвращаться в лагерь.

- Эй, погодите! - воскликнул Деларуз, возившийся со своей камерой. - Я хочу сделать крупный план.

И посеменил прямо к мамонту-самцу. Я читал, что одинокие самцы слонового племени чаще всего очень раздражительны - из-за отсутствия регулярных половых контактов, как я полагаю. Я окликнул:

- Эй, вернись!

Но Деларуз просто неопределенно махнул рукой, продолжая идти к мамонту.

Когда он преодолел половину расстояния, мамонт, как я думаю, или заметил его своими довольно близорукими глазами или, возможно, уловил запах. Он выронил ветку, которую обгладывал, и двинулся в сторону Деларуэ, задрав хобот и приюхиваясь. Деларуз, у которого не было ружья, не отрывал глаза от видеокамеры.

Мамонт издал визгливый крик и продолжал приближаться, я приготовился стрелять. До Деларуэ, наконец-то дошло, что происходит и он выпрямился. Когда он повернулся к нам, чтобы бежать от нависавшего над ним мамонта, этот кусок идиота запутался в собственных ногах и упал, распластавшись на земле. Я не смел стрелять, опасаясь, что мамонт упадет на Деларуз и раздавит его.

Потом сбоку грохнул штуцер Раджи. Мамонт покачнулся, словно от оглушающего удара. Потом он восстановил равновесие и ушел, тряся головой.

- Я прострелил ему шишку на верхушке черепа, - сказал позже Раджа. - Я знал, что ты не захочешь его убивать. Пуля просто прошла сквозь губчатую массу костных полостей. Может, у него какое-то время и поболит голова, но дырки скоро заживут.

Этот купол на голове мамонта обеспечивает крепление огромных шейных мышц, которые должны быть чертовски мощными, чтобы поддерживать такие бивни.

- Вам следовало его убить, - заявил Деларуэ. - По результатам исследования его головы я мог бы сделать публикацию, а то и всю мою диссертацию.

- Вы ничего про это не говорили, - ответил Раджа.

- Но я считаю, что любой, имеющий мозги... - начал было Деларуэ.

Мое собственное раздражение прорвалось наружу, и я вспылил.

- Слушай, черт возьми, ты поперся к мамонту, хотя я запрещал это делать и чуть было не втянул нас в серьезные неприятности, а потом не смог разобраться в собственных дурацких ногах и свалился на пути животного. Еще одна такая выходка - и мы тебя связываем по рукам и ногам, кидаем в кабину и просим Коэна подбrosить тебя до Настоящего.

- Я... Я прошу прощения, - пробормотал он.

МИНОВАЛО ЕЩЕ несколько дней без мастодонтов, хотя все палеонтологические находки указывали на то, что в это время в этом месте они просто кищели. Мы с Раджой начали беспокоиться, потому что затраты на пребывание машины времени в плейстоцене стремительно росли. Норман Блэкэлк тоже волновался.

- Я не знаю, Реджи, сколько еще денег готовы опустить директора «Общества Возрождения» на эту экспедицию. Может, нам все-таки стоит переместить лагерь?

- Это тоже довольно сильно увеличит затраты, - ответил я. - Нам придется вернуться в Настоящее, там собрать дополнительную команду и ослов - буррос, если вам угодно, - чтобы помочь с переездом.

- Почему бы нам тогда не попытаться поймать одного из мелких млекопитающих: скажем, плейстоценовую лошадь или бобра, или даже этого гигантского ленивца? - высказался Хокерсмит.

- Мы можем заняться этим, - без особой уверенности ответил, Блэкэлк - но сначала я должен проконсультироваться с исполнительным комитетом Общества. Они совершенно определенно заявили, что хотят молодого мастодонта. У них уже есть для разведения нескольких других видов из плейстоцена, и они хотят тратить свои деньги там, где это принесет наибольшую пользу.

- Эй, Норм! - сказал Хокерсмит. - Только что появилась идея. Ты настоящий коренной американец, не так ли?

- Так считается, - сказал Блэкэлк. - Меньше четверти белых генов.

- Ну, индейцы устраивали церемонии, с плясками, чтобы побудить зверей, на которых они собирались охотиться, прийти и позвольть убить себя. Я припоминаю, что Пляска Духов, из-за которого был убит бедный старина Сидящий Бык*, должна была вернуть буйволов. Конечно, ничего бы у них не вышло, к тому времени белые перестреляли большую часть буйволов из многозарядных винтовок.

Деларуз прочистил горло.

- Разве вы не имели в виду «вернуть бизонов»?

- Нет, я сказал «буиволов», и имел в виду «буиволов». Так всегда называли это животное в то время и в том месте. «Бизон» это то, что австралийцы, вроде Реджи, говорят, когда учат физику.

- Ох, бычье дермо! - сказал я. - Типичный оззи** не произносит «бозон» и «бизон» одинаково. Если у тебя нет проблем со слухом, ты сможешь услышать разницу: «бозон» - «бизон», «бозон» - «бизон».

- Понятно, - сказал Деларуз. - Вы произносите «бизон» почти как «бозон», а «бозон» - почти как «бойсон».

- А есть такое слово, «бойсон»? - спросил Блэкэлк.

- Когда-то я знал мистера Бойсена, - пожал плечами Деларуз. Он повернулся к Блэкэлку. - Норм, как их называли кроу?

Блэкэлк развел руками.

- Не знаю. Я учил язык абсарока в школе, хотя сейчас все племя - англоязычные. Существует теория, что нельзя допускать, чтобы язык угас, потому что это бесценное культурное наследие или что-то в этом роде. Я так толком и не овладел им. На самом деле, и «бизон», и «буивол» - названия нескольких видов диких крупных быков в Старом Свете. Белые захватчики беззаботно использовали оба названия из Старого Света для одного американского вида, так как не могли выговорить слово, которым коренные американцы называли это животного.

- Мы уклонились от темы, - сказал Хокерсмит. - Норм, мы хотим, чтобы ты исполнил пляску духов, чтобы призвать мастодонта. Может, это и не сработает, но что мы теряем?

* Пляска духов (англ. Ghost Dance) - обрядовый танец североамериканских индейцев, посвященный умершим. В конце XIX века Пляской Духов называлось религиозное движение, получившее распространение среди индейцев на западе США. В 1890 г. при подавлении выступлений приверженцев Пляски Духов был убит знаменитый индейский вождь Сидящий Бык (1831-1890), хотя сам он не был одним из предводителей этого культа. (Прим. перев.)

** Оззи (англ. Aussie) - австралиец, австралийка. (Прим. перев.)

- Не уверен, что смогу. Даже если я достаточно хорошо вспомню абсарока, в этом языке нет слова «мастодонт». Если когда оно и было, то забылось вскоре после того, как животное вымерло.

- Ну, тогда просто говори «мастодонт». Твои индейские боги поймут.

- Посмотрим, что я смогу придумать...

- Не делай этого, Норм! - сказал Деларуз. - Это просто потворство примитивным суевериям. Мир никогда не сможет рационально управлять своими делами, пока люди мирятся с иррациональным, с культурами и сектами, с богами и разными духами и призраками.

Словесный понос Деларуз достал даже Джо Хокерсмита, обычно уравновешенного и спокойного человека.

- Послушай, сопляк, - сказал он. - Рассмотрим это как спортивное предложение. Если Норман сможет исполнить пляску духов, сколько поставишь на то, что мастодонт не появится в разумные сроки, скажем, через десять дней? Как насчет десяти баксов?

- Ставлю пятьдесят, - сказал Деларуз. - Обычно я не держу пари, но ставка против глупого суеверия - это верняк.

Они пожали друг другу руки.

- Для начала мне нужен барабан. Жаль, что мы его с собой не захватили, - сказал Блэкэлк.

Немного посовещавшись, в барабан мы решили превратить бочку с яблоками Хокерсмита. Мы вывалили яблоки в камере, взяли кусок пластика, используемого в качестве укрытия от дождя, а потом с большими усилиями и громким кряхтением, тую натянули его на пустую бочку и хорошо зажали. Когда Блэкэлк хлопнул по пластику, раздался вполне годный бум. Блэкэлк сказал:

- Теперь мне понадобятся танцоры. Пусть это будут Реджи и Джо.

- Мне, плясать? - сказал Хокерсмит. - Вот такого никогда в моей жизни не было. Моя жена годами охотилась за мной, чтобы загнать на уроки...

- Ты придумал этот проект, - сказал Блэкэлк, - и должен чертовски хорошо сыграть в нем свою роль.

- Какие па мы должны выучить? - только и спросил Хокерсмит.

- Я покажу.

Па оказались достаточно простыми, с задиранием коленок и проптыванием, почти как парадный шаг, практикующийся в армиях Британского Содружества.

Вечером после ужина, когда наступила полная темнота, мы освободили место и приступили к делу. Блэкэлк сидел на складном стуле, зажав бочку между коленями - голый по пояс, голова на уровне лба обвязана галстуком, а за эту повязку заткнуто несколько перьев, которые Мин выдернул из свежей индейки, нашедшейся в

наших запасах. Блэкэлк начал петь на абсарока. Повторить это у меня не получится. Песнь звучала довольно монотонно, примерно на три ноты, а в это время Блэкэлк стучал по барабану. Хокерсмит и я скакали по кругу, как нас научил Блэкэлк. Остальные члены команды, освещенные костром, стояли, ритмично хлопая в ладости. Через некоторое время ритм проник в нашу кровь, как было со мной, когда я однажды принимал участие в корробори, ритуальном танце аборигенов в австралийском буше.

Когда у Блэкэлка закончилась песня, а у нас с Хокерсмитом закончилась дыхалка, мы сделали паузу. В темном лесу кто-то взвизгнул, потом снова. Затем несколько оснащенных хоботами глоток выдали тот звук, который называют «трубным», потому что он действительно звучит как труба, только как труба, через которую плюются.

Все повернулись и стали всматриваться в темноту, а мы с Раджой отправились за ружьями. Вскоре животное оказалось на виду, достаточно близко, чтобы мы могли смутно различить его в свете нашего костра. Оно посмотрело на нас и повернулось; света хватило различить - это определенно американский мастодонт. По тонким бивням я догадался, что это самка. Я читал, что стадами слонов обычно управляют старейшие слонихи, у них есть альфа-самки, а не альфа-самцы.

Вслед за первым мастодонтом прошел еще один, потом несколько маленьких, высотой не больше, чем до пояса, потом еще один большой, по следу первого. Появились следующие, пока мимо нас не прошла по крайней мере дюжина. Все, как я мог судить, были самками и детенышами. В хвосте процесии шел большой самец. Этот посмотрел в нашу сторону, поднял хобот, принюхался и хлопнул ушами. Потом мы услышали громкий гудок, который, похоже, исходил от главы этой колонны. Самец отвернулся и поспешил за стадом, как пришпоренный. Должно быть, подумал я, эта большая мастодонтиха, матриарх, возглавлявшая колонну, сказала «Поторопись, глупый самец! Отстаешь!»

Хокерсмит, протянув руку, подошел к Деларуэ.

- Пятьдесят баксов, будь любезен!

- Дурацкое совпадение! - проворчал Деларуэ. Но заплатил.

Думаю ли я, что наша пляска духов имела отношение к появлению стада? Не то чтобы, но я стараюсь не делать скоропалительных выводов в таких вопросах. Есть многое, что люди еще не понимают.

ГОНЯТЬСЯ ЗА СТАДОМ ночью не казалось разумным. На следующее утро мы встали рано утром и отправились в путь с на-

шими помощниками и оборудованием. Хокерсмит нес с собой не только ружье, но и большой мешок с яблоками. Он объяснил:

- По моему опыту, можно научить почти любого умного животного, например, слона или медведя, приходить за бесплатной по-дачкой. Проблемы начинаются, когда у тебя заканчиваются вкусняшки. Тогда животное может решить разобрать тебя на части, чтобы посмотреть, где ты их запрятал.

Слежка за стадом не представляла никаких проблем. Я не такой следопыт, как черные следопыты Австралии. Некоторые утверждают, что коренные австралийцы могут выследить животное, прошедшее по голым камням. Я в это не слишком верю, но и то, что они реально могут сделать, действительно замечательно. Однако здесь, с большими круглыми следами везде, где почва была хоть отчасти мягкой, и пометом, остающимся за стадом, нужды в коренных австралийцах не возникло. Когда подошли ближе, мы смогли определить, где они, по звуку ломающихся ветвей.

Мы двинулись в обход, чтобы зайти с подветренной стороны, и подкрасться. Всем велено было молчать. Хокерсмит предупреждал, что испуганные животные могут напасть, и нам придется их убивать, или же все они убегут по своему миграционному маршруту и вернутся сюда не раньше, чем через год.

- Хорошо, Джо, - сказал я. - Твоя очередь.

- Кого ты хочешь? - спросил Хокерсмит.

- Вон того молодого самца, - сказал я, указывая на животное, еще не достаточно взрослое, чтобы уйти из семьи и зажить самостоятельно.

Высотой у плеча около двух метров, с толстыми бивнями самца-мастодонта, которые были вдвое короче бивней взрослого самца из этого стада, с шубой из золотисто-коричневой шерсти, как у того мамонта, которого побеспокоил Деларуз.

- Где сейчас большой самец? - спросил я.

- Не вижу, - пробормотал Хокерсмит. - А, вот и он. Похоже, он кое-чем озабочен.

Из-за деревьев вышла молодая мастодонтиха и, прямо за ней, большой самец. И, очевидно, он был кое-чем озабочен, потому что его огромный пенис, напоминавший руку крупного человека со сжатым кулаком, был полностью вытянут. Однако, похоже, его возлюбленная прямо сейчас ничего не хотела. Самец, следовавший за ней, издавал скрипучие звуки - наверное, ласково уговаривал по-мастодонтски. Она, не подпуская его к себе, быстро удалилась, затерявшись среди деревьев и сородичей, а самец тащился позади. Вскоре эти двое скрылись из виду, а мы так и не узнали, добился ли самец благосклонности своей пассии.

Нам понадобилось все наше самообладание, чтобы не расхочтаться. На самом деле, молодой Деларуз все-таки испустил было сдавленный смешок, но Раджа вовремя толкнул его.

- Ладно, поехали! - сказал Хокерсмит.

Он стал подкрадываться в лучшем стиле краснокожих к молодому мастодонту, на которого я указал. Когда их с юношой разделял только большой куст, Хокерсмит взял яблоко из сумки и бросил его. Оно попало в бок мастодонта, жевавшего выкорчеванный им куст, и отскочило. Мастодонт дернул головой и повернулся в ту сторону, посмотреть, что его побеспокоило.

Хокерсмит бросил еще одно яблоко так, что оно приземлилось на землю в паре метров от головы мастодонта, со стороны поддона.

Мастодонт стоял, развернувшись в этом направлении, и принюхиваясь. Он нашел второе яблоко, подошел к нему и съел. Теперь Джо Хокерсмит попал в его поле зрения. Мастодонт подозрительно взглянул на человека, но все же пошел дальше, следя за яблоками, которые Хокерсмит бросал перед зверем.

Через час мы приблизились к брезентовому поддону. Когда в погоне за яблоками мастодонт зашел на брезент всеми четырьмя ногами, Хокерсмит вставил в свое ружье заряд с транквилизатором и выстрелил. Транквилизаторы теперь работают куда быстрее, чем в прошлом веке, когда появился этот метод иммобилизации животных. Мастодонт взвизгнул, потрясающее широко зевнул и осел на брезент. Я со своего коммуникатора позвонил в лагерь и велел Борегару заводить лебедку.

ОСТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ была рутинной. С помощью лебедки мы затащили спящего мастодонта в камеру. Переход обратно в Настоящее прошел без запинки, если не считать того, что зверь облегчился на пол. Это позволило Коэну продемонстрировать свое мастерство по части ругани.

Слава Альджире, что переходная комната Прохазки находится на первом этаже здания! Иначе я не знаю, как нам пришлось бы спускать двухтонного мастодонта вниз по лестнице со всеми поворотами. Усилиями всех участников сафари, тянувших и ворочавших брезент, спящего зверя подтащили к выходу. Лебедку вытащили из камеры и установили в нашем брускатом загоне, а потом с ее помощью переместили в загон и мастодонта.

Во время перерыва Норман Блэкэлк позвонил в штаб «Возрождения» и сказал, чтобы присыпали грузовик за своим экземпляром. Он также сказал захватить несколько сотен кило салата и капусты, чтобы кормить мастодонта по дороге в Калифорнию.

Грузовику понадобилась неделя, чтобы добраться до нас. За это время мы хорошо познакомились с животным, которого кто-то предложил назвать Ланселотом. Раз в день мы открывали дверь его загона, чтобы закинуть туда стокилограммовый тюк сена и несколько капустных кочанов. Ланселот с удовольствием пожирал капусту, но ему не очень нравилось сено. Тюк валялся часами, прежде чем мастодонт начинал его потрошить. Деларуэ объяснил, что, хотя мастодонт и может есть любую растительную пищу, на самом деле он больше предпочитает ветки, чем траву. Что ему действительно понравилось бы, так это сто кило, но не травы, а веток и макушек деревьев или кустов, но у нас не хватило времени его этим обеспечить.

Когда дверь открывалась, Ланселот отступал, ворча и фыркая. Если бы я захотел одним словом выразить, как он относится к нам, я бы сказал «неприветливо», хотя я прекрасно понимаю, что не стоит приписывать человеческие эмоции и чувства животным. Единственный, к кому Ланселот, похоже, питал чуть более теплые чувства, был Джо Хокерсмит. Каждый день он подходил к клетке с парой яблок, которые Ланселот научился брать у него с протянутой руки. Когда Хокерсмит уходил, мастодонт, казалось, печалился - он поникал головой, опускал хобот и прикрывал веки.

НАКОНЕЦ ПРИЕХАЛ грузовик. Он оказался не полуприцепом, а цельным десятиколесным. Однако его корпус был примерно такого же размера, что и переходная камера, поэтому проблем с размещением в нем Ланселота не ожидалось.

Моя команда установила деревянную рампу за дверью клетки, и водитель подогнал грузовик. В задней стене фургона имелась двустворчатая распашная дверь. В закрытом состоянии створки закреплялись парой больших вертикальных болтов, идущих сверху вниз. Когда грузовик запирали на время поездки, эти болты прижимались парой откидных защелок, которые, в свою очередь, фиксировались навесными замками.

Ланселоту грузовик явно не понравился. Он забился в самый дальний угол своего загона и всякий раз, когда кто-то из нас пытался заставить его подняться по рампе в грузовик, он трубил, махал на нас хоботом и угрожал бивнями.

- Думаешь, нам снова придется его усыплять? - спросил Блэкэлк.
 - Надеюсь, что нет, - ответил я. - Он уже получал приличную дозу, боюсь, что еще одна может повредить его здоровью.
 - Дайте-ка я попробую, - сказал Хокерсмит.
- Он вскоре вернулся с мешком яблок, висевшим на шее.

В загоне Хокерсмит, державший яблоко, подошел к Ланселоту и заговорил дружелюбно-доверительным тоном. Ланселот взял яблоко, съел его и принюхивался, пока не обнаружил мешок. Хокерсмит раскрыл мешок и позволил Ланселоту извлечь яблоко. Потом он медленно двинулся к открытым воротам. Ланселот взял еще одно яблоко, затем еще одно, и еще. Вскоре Хокерсмит завел его по рампе в фургон. Тут я услышал крик:

- Эй, тупой зверь, отпусти! Я отдам тебе эту чертову сумку!

Заглянув через дверной проем, я увидел, что Ланселот, выяснив, откуда берутся яблоки, обхватил мешок хоботом и попытался отнять его у Хокерсмита. Тот увернулся и выскользнул из лямки как раз вовремя, чтобы Ланселот не сломал ему шею. Хокерсмит выскочил из фургона со словами:

- Окей, мистер Барнс, закрывайте!

Солнце садилось. Для установки оборудования на место, а Ланселота в грузовик, понадобился целый день, и все мы чертовски устали. Поэтому было решено не отправлять Барнса с грузовиком ночью, а дать ему хорошенько выспаться.

- Ланселот не будет против того, чтобы побыть в темноте, - сказал Хокерсмит. - У слоновьего народа зрение слабое, но обоняние и слух очень острые. Он вынюхает остальные яблоки.

Барнс вставил дверные запоры в нужные пазы. Но навесными замками он не озабочился.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО жена привезла меня в университет пораньше. Но вместо грузовика «Общества Возрождения», припаркованного возле загона, у здания машины времени суетилось множество возбужденных людей. Среди них была и пара копов, один из которых опрашивал Нормана Блэкэлка, записывая его показания в блокнот. Я поспешил туда и спросил:

- Что случилось? Барнс уже уехал?

- Черт, нет! - сказал Хокерсмит. - Ланселота украли!

- Да ну? Как это?

- Когда сегодня утром люди пришли на работу, они обнаружили бедного старого Фитца, связанного и с кляпом. Он рассказал, что после полуночи его связали вооруженные автоматами люди в масках, - Фитц Герберт работал в университете ночных сторожем. - Они связали его, завели грузовик и уехали.

Вот почему пару часов спустя я оказался в полицейском вертолете над южным пригородом. Мы обследовали огромную территорию в поисках нашего грузовика, возле которого должен был находиться другой транспортер. Разумеется, информация по нашему грузовику была разослана, и вероятность того, что он вообще добе-

рется до границы штата, была минимальной. Имея описание и зная регистрационный номер, его легко было засечь: мастодонокрады не могли успеть замаскировать грузовик.

Поскольку гаденыши, вероятно, это учитывали, казалось вероятным, что они возьмут еще один грузовик, чтобы перегрузить на него Ланселота. Я подумал, что им будет нелегко с ним управляться. Ланселот привык к Радже и моим людям до такой степени, что терпел нас, но любой незнакомец, столкнувшийся с ним, может столкнуться и с проблемами.

Наконец я ткнул вниз и сказал летчику-полицейскому:

- Похож на наш.

Я попытался разглядеть в бинокль регистрационный номер, но из-за тряски у меня ничего не получилось.

Грузовик, похожий на грузовик «Возрожденцев», стоял на полянке посреди заросшего кустарником поля, заброшенного фермерами, но еще не поделенного застройщиками. И он был не один - к задней части грузовика подъезжал большой полуприцеп. Я понимал, почему воры пригнали такую крупную машину - они не знали, насколько велико животное, привезенное нами из плейстоцена в Настоящее.

Полицейский связался по радио со штабом. По карте он определил точные координаты, потом отправился на небольшой аэродром, используемый владельцами частных самолетов. Получив разрешение на посадку, мы приземлились.

Подъехали машины с копами, и одна из их машин подобрала меня. Полицейский, сидевший за рулем, сказал:

- Мистер Реки, не думайте, что мы, как в кино, ринемся на штурм, паля изо всех стволов. У них, по меньшей мере, один автомат, а у нас только пистолеты. Придется подождать более мощную артиллерию.

- Жаль, что не захватил свой динозавробой, - заметил я. - Не было возможности.

- Хорошая штука, но он, в отличие от автомата, не стреляет очередями. Поэтому когда мы приблизимся к этим бандитам, лучше не высовывайтесь.

Наконец мы нашли взгорок, откуда в бинокль хорошо просматривалась территория, где находились грузовики. Похоже, в банде было трое: один с оружием, а двое других трудились, пристраивая подвижную платформу между двумя грузовиками. Это была одна из тех стальных тележек на колесах, где платформа устанавливалась на выдвижные опоры и поднималась гидравлическим домкратом. Один из этой пары крутил рукоятку, поднимая платформу,

находившуюся уже примерно на полпути до дверей грузовиков. Во втором я узнал Хораса Данбара, владельца охотничьего ранчо.

- Разве у вас, ребята, не имеется на такой случай под руками винтовки? - спросил я своего копа.

- Имеется, - ответил он, - но, чтобы ими воспользоваться, требуется изрядная бюрократическая волокита, на которую нужно время.

Он что-то негромко сказал в свою портативную радио, потом повернулся ко мне.

- Не переживайте, мистер Реки. Они уже отправили парней с пушками помощнее.

Мы оставили машину, чтобы подкрасться чуть ближе к грузовикам. Когда я снова посмотрел в бинокль, то увидел, что платформа поднялась до порога кузова грузовика.

Человек, который работал на домкрате, поднялся на платформу. Он убрал задвижки, которые запирали двери меньшего грузовика. Я понял, что Барнс сделал ошибку, не повесив еще и замки. Впрочем, даже если бы он это и сделал, операция только немного затянулась бы, наверняка у похитителей имелся болторез или что-то в этом роде.

Парень вытянул два длинных болта из их гнезд и зафиксировал в верхнем положении. Потом он снова спрыгнул на землю и отправился к тягачу восемнадцатиколесного полуприцепа. Он забрался в кабину, и вскоре в задней части прицепа начала подниматься дверь. Это была рулонная закатывающаяся дверь, поднимавшаяся как жалюзи и укладывавшаяся на крышу. Вскоре в торце появился широкий проем.

Парень вылез, снова подошел к концу прицепа и забрался на платформу. Данбар наблюдал за происходящим и командовал, а тип с автоматом стоял спиной к грузовикам, озираясь по сторонам.

Человек на платформе взялся за дверные ручки и распахнул двери. Данбар протянул ему прут примерно полтора метра длиной, со стальным крюком в конце. Я вспомнил, что видел, как в цирке человек управляет слоном, зацепив его ухо таким же крючком. У меня возникло ощущение, что Ланселоту не понравится такое обращение.

Потом Данбар забрался в кабину грузовика. Я не видел, что сделал крысеныш, но предполагаю, что в задней стенке кабины он открыл окно в кузов и через него ткнул. Как бы то ни было, Ланселот пронзительно взвизгнул и появился на платформе между автомобилями. Человек с багром слетел с платформы, когда Ланселот пихнул его.

Утешительно узнавать, что не только мы совершали ошибки. Я так полагаю, что человек, который поднял платформу, забыл по-

вернуть рукоятку, фиксирующую платформу в поднятом положении. Как только полный вес Ланселота стал давить на устройство, платформа начала медленно опускаться обратно на уровень земли, в то время как рукоятка кривошипа завертелась в обратном направлении.

Даже с такого расстояния мы могли слышать вопли этой троицы. Когда платформа опустилась до конца, Ланселот сошел на землю. Он поднял хобот, затрубил и двинулся прочь.

Данбар, выскочивший из кабины грузовика, закричал и встал перед мастодонтом, размахивая руками, вроде людей, которые стоят перед танками, когда правительство пытается подавить восстание. Ланселот ударил хоботом, Данбар отлетел в сторону, но остался на ногах, завопил еще громче, шагнул к мастодонту и схватил животное за переднюю ногу. Наверное, он рассчитывал на то, что с помощью Ланселота он избавится от угрозы банкротства; рассчитывал на деньги, которые получит, позволив своему клиенту-богачу пристрелить зверя и не мог вынести, что упливает его последняя финансовая надежда. В отчаянии он совершил одну из самых больших возможных глупостей, а именно - попытаться соревноваться мышечной силой с большим диким животным. Даже шимпанзе весом в полста кило намного сильнее любого обычного человека. Но отчаявшиеся люди частенько сходят с ума.

Ланселот изобразил что-то вроде пинка вбок, и Данбар улетел в кусты. Потом из кустарника выросли копы с винтовками в руках, приказывая оставшимся двоим не сопротивляться. Тип с автоматом отбросил его и поднял руки. Их начальник лежал, не в состоянии командовать, а у подчиненных не имелось причин сражаться до смерти.

Подоспел Джо Хокерсмит с новым мешком яблок, который мастодонт и схватил, радостно взвизгнув.

Рассказывать больше почти нечего. Хорас Данбар скончался по дороге в больницу в машине скорой помощи. Ему было за шестьдесят, и от удара что-то внутри у него сломалось. Блэкэлк и его «Общество» получили мастодонта, а Ланселот растет, и скоро станет прекрасным здоровенным бивненосцем. Но единственный, кто может безопасно подойти к нему - Джо Хокерсмит. При условии, что принесет с собой несколько яблок.

Вы спросили, что вызвало у нас больше всего хлопот в Настоящем. Я думаю, что этот случай - единственный, когда мы перенесли представителя вымершего вида в Настоящее и его похитили, - отвечает вашим требованиям, а, мистер Шиндлер?

IX. МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ С ДРАКОНОМ

ОХ, МИСТЕР САЙТО только не надо вот этого «Сэр Реджи-нальд»! Просто зовите меня Реджи, как и все остальные. Конечно, в моей родной Австралии сказали бы «Редж», но американцы вбили себе в голову, что надо говорить «Реджи», и я перестал пытаться их поправлять.

На самом деле, я не отношусь к титулу настолько серьезно, как многие другие, особенно американцы. Возможно, я даже отклонил бы пришедшее из Лондона предложение рыцарства, вот только моя жена слюной исходила из-за шанса именоваться «леди Бренда», и я не захотел ее разочаровывать.

Давайте-ка начистоту, Сайто-сан. Вас направили сюда, чтобы изучить перспективы японского финансирования еще одной машины времени в Монголии, в Улан-Баторе. И вы хотите узнать о нашем опыте работы с первой такой машиной здесь, в Сент-Луисе, а также о моем недавнем посещении новой машины времени в Австралии? Конечно, профессор Прохазка, придумавший эту чертову штуку, может рассказать вам больше о технических особенностях, но вы хотите знать, какие уроки я усвоил, побегав на наших сафари с точки зрения путешественников во времени, так?

До недавней поездки в Австралию я никогда не брал жену на сафари. Однажды, когда мы - мой партнер, Чандра Айяр, я его называю «Раджа», и я - были новичками в этом бизнесе, я планировал взять Бренду в путешествие во времени. Но потом она забеременела, и мы не захотели рисковать. Затем, после неудачного опыта с разнополыми отрядами, мы с Раджой решили отказаться от таких смешанных партий. В любом случае, Бренда достаточно долго была занята парой активных сосунков. Со временем эта проблема отпала, но всегда появлялась новая, делающая путешествие во времени неосуществимым.

Когда приближалась двадцатая годовщина нашей свадьбы, я спросил Бренду, что она хочет в качестве чертовски незабываемого подарка. И она сказала, что хочет на сафари. Не для того, чтобы кого-нибудь убивать - ей никогда это не нравилось - но просто отправиться посмотреть прошлое. По стечению обстоятельств, я только что получил приглашение из Дарвина, приехать и опробовать новую австралийскую машину времени. Они соглашались оплатить путевые расходы, и не только мои, но и любых моих коллег, которых я возьму с собой.

Ну, мы и решили, что я должен взять Бренду, а Раджу оставить управлять бизнесом в мое отсутствие. Конечно, я должен был пригласить профессора Прохазку. Но он отговорился тем, что уже был там во время строительства и испытаний Дарвиновской машины времени. Вместо этого он настоял, чтобы я взял Брюса Коэна, нашего оператора переходной камеры, который жаждал взглянуть на конкурента.

У меня была и другая причина отправиться в южное полушарие.

У людей, работающих с переходными камерами, есть профессиональный журнал, «Путешественник во времени», который выходит раз в два месяца в Дарвине, Австралия. Изначально он публиковался здесь, в Сент-Луисе, но несколько лет назад переехал в Австралию, чтобы сократить расходы. Тогдашним редактором этого маленького журнала был Марк Прендергаст. Хотя я никогда его не встречал, но по какой-то непонятной причине он с самого начала питал ко мне сильную неприязнь. Не было номера, в котором он не отпустил бы в мой адрес обидной шуточки или не обвинил в чем-нибудь. Странно, но факт, хотя я был уверен, что мы никогда не видели друг друга. Последний выпуск «Путешественника во времени» напечатал статью, в которой, среди прочего было, цитирую:

«Я тут услышал, что наш южный континент скоро будет осчастливлен визитом Лорда Бычьих Искусств, Реджинальдом Реки - прошу пардону, - Сэра Реджинальда. Говорят, он приезжает на второй медовый месяц. Полагаю, что нам, простым оззи, придется подползти к Его Светлости на коленях, вложить руки меж его рук и поклясться в верности в средневековом стиле. Рядом с ним, несомненно, будет стоять здоровенный бугай с шилованной дубиной, дабы наказывать ею любого наглого выскочка, посмевшего задрать нос».

В таком вот роде Прендергаст продолжал изгаляться с самого основания журнала. Я недоумевал, потому что никогда не встречал этого типа и не обменивался с ним сообщениями. В любом случае, подумал я, не будет ничего плохого, если я встречусь с парнем и присмотрюсь к нему. Если он так действует из-за какого-то дурацкого недоразумения - скажем, перепутал меня с другим человеком, который был осужден как вор или растлитель детей, - то, возможно, я смогу его поправить.

Затруднения с персоналом австралийской переходной камеры? Да, мистер Сайто, были такие - в связи с выходками Прендергаста. Я расскажу всю историю.

МЫ С БРЕНДОЙ прилетели в Дарвин, чистенький опрятный небольшой зелено-белый городок. Одна из причин, по которым

он такой красивый, заключается в том, что в прошлом веке он был дважды разрушен, один раз бомбами ваших соотечественников, а второй раз, в 1974 году - ураганом, там такое явление называют «циклоном». Поэтому они, восстанавливая город, строились с некоторой осторожностью, невысоко от земли, страхуясь от будущих катаклизмов.

Единственное, что не так в этих краях, если не считать влажного тропического климата, это то, что хотя вдоль северного побережья есть прекрасные пляжи, никто в здравом уме не ходит туда купаться. В воде легко можно встретить кубомедузу, их еще называют «морскими осами» и их укус может оказаться смертельным, морскую змею, являющуюся морским эквивалентом кобры, а то и большую белую акулу, которая, завидев плывущего человека, говорит: «Вкусняшка»! Если не наткнешься ни на одну из этих тварей, есть еще и гребенчатый, или морской, крокодил. В Настоящем этот крокодил, длиной до десяти метров, ближе всех к живым динозаврам. Название просто означает, что он, хотя обычно встречается в пресноводных реках и озерах, не прочь, если захочется, переплыть и океанские просторы. Рядом с городом есть ферма, где их выращивают ради шкур и на мясо для тех людей, которых не тошнит от этой идеи.

В Дарвине нас встретила целая делегация. Когда мы вышли из самолета, директор, Руди Хейвенс представился сам и представил своих товарищей. Это были большой, с блестящими черными глазами коренной австралиец Элджернон Малгару, профессор антропологии в Университете Северной Территории, и маленький толстячок с нервной улыбкой, представленный как Марк Прендергаст. Я же представил Бренду и Брюса Коэна.

Прендергаст одарил меня вялым рукопожатием, что-то пробормотав о том, что рад видеть меня после того, как так долго следил за описанием моих подвигов в печати. Ни слова о гадостях, которые многие годы он печатал в своем профессиональном журнале. Естественно, я не стал поднимать эти вопросы во время торжественной встречи. Прендергаст протянул руку и Бренде, но она только кивнула, не выпуская из рук свою сумочку и чемоданчик с ручной кладью.

- Сэр Реджинальд, если вы не возражаете, я отправлю с вами в прошлое Марка и Элджи, - сказал Хейвенс. - Марк не может позволить себе упустить возможность написать о реально историческом событии, а Элджернон уже отправлялся в плейстоцен в нашей машине времени и представляет картину местной географии и биоты. Он вам поможет.

- Надеюсь, - ответил я, - что мой визит будет достаточно удален по времени от посещения доктора Малгару, чтобы исключить опасность наложения.

- Конечно. Разрыв во времени будет не менее пяти тысяч лет.

Видите ли, мистер Сайто, мы должны соблюдать осторожность, чтобы не поместить два отряда путешественников во времени в один и тот же временной отрезок прошлого, или один и тот же отряд дважды в один и тот же момент. Это создаст парадокс, а упорядоченная Вселенная просто-напросто не допускает таких противоречий. В тот же миг, как вы попытались бы это сделать, силы пространства-времени вышвырнули бы ваших путешественников обратно в Настоящее, убив их при этом.

НА УЖИНЕ в лучшем отеле Дарвина, новом «Дарвин Хилтон» на Митчелл-стрит, Прендергаст показал себя веселым собеседником, постоянно щутил и смеялся. Возможно, он пытался предотвратить любую неловкую дискуссию по поводу этих отвратительных публикаций в «Путешественнике во времени».

Я сидел рядом с австралийцем, Элджи Малгару, крупным парнем с шоколадно-коричневой кожей, плоским носом и нависающими бровями, характерными для австралийской расы, и густой орехового цвета бородой с проседью. Я спросил, как он стал профессором антропологии. Он усмехнулся, обнажив крупные зубы коренного австралийца.

- Сэр Реджинальд, если вы родились «або»... - он использовал старомодное сокращение от «абориген», в настоящее время считается грубостью, если так сказал белый австралиец в отношении коренного, - ...если вы родились «або», но любите читать и писать, то для вас наилучший вариант - академическая жизнь. Там вы реже всего столкнетесь с этническими предрассудками. А если вы прошли большую часть своей молодости в глубинке среди соплеменников, вы сможете также извлечь выгоду из этого опыта, перейдя в антропологию, поскольку у вас уже имеется чертовски хороший стартовый капитал.

НЕ РАССЧИТЫВАЯ встретить крупную толстокожую дичь вроде слона или динозавра, я взял с собой мой новый «Манлихер-Шёнауэр» калибра семь с половиной миллиметров, с восьмизарядным магазином. Я посчитал, что такой огневой мощи достаточно, чтобы справиться со всем, с чем мы можем столкнуться, вплоть до сумчатого льва, *Thylacoleo*.

Брюс Коэн позаимствовал из нашего с Раджи арсенала «Братиславу» со схожими характеристиками.

Когда Коэн, Бренда и я подошли к минивену, который должен был отвезти нас к переходной камере, Прендергаст и Малгару уже заняли средние места, позади места водителя. Хейвенс, сидевший за рулем, сказал:

- Марк, тебе и Элджи придется пересесть назад, чтобы освободить места для сэра и леди Реки и мистера Коэна.

- Окей, - сказал Прендергаст. - Почему бы вам, ребята, не предать винтовки сюда? Я присмотрю за ними.

- Осторожнее! - сказал я. - Моя заряжена, на предохранителе.

Обычно я не заряжаю оружие так заранее. Но когда Хейвенс со своей машиной стали опаздывать больше, чем на час, стыдно признаться, но я занервничал и, чтобы хоть чем-то занять руки, зарядил винтовку.

Бренда заняла переднее место рядом с Хэйвенсом; Коэн и я заняли два средних места. Малгару сел на откидное сиденье позади нас, а Прендергаст устроился сзади с оружием. Повернув голову, я спросил:

- Чем вы, ребята, вооружились?

- Я полагаюсь на вас двоих, так как я буду занят работой с камерой, - ответил Прендергаст, показывая на большую видеозаписывающую установку.

- Из-за плохого зрения я так и не стал достаточно хорошим стрелком, - сказал Малгару. - Это одна из причин, по которым я никогда не сделаюсь настоящим человеком буша. Поэтому я привнес вот что, - он поднял с пола бумеранг длиной более метра. - Я сам его выстругал. Он не из тех игрушек, которые летят по кругу и возвращаются к метателю. Это настоящий убийца. В детстве я практиковался с таким, пока не научился сбивать кенгуру с полу-сотни шагов.

- Если уж вы полны решимости использовать оружие каменного века, Элджи, не будет ли копье более эффективным? - спросил я. - Я слышал, что коренные австралийцы могут бросать копья с такой точностью, что могут сбить птицу на лету.

- Давным-давно, возможно и могли, - покачал головой Малгару. - Но сейчас вы не найдете ни одного або, который знает, как сделать правильное копье, не говоря уже о том, чтобы точно его бросить. Я знал последнего або, умевшего обрабатывать кремень, но сейчас это искусство полностью вымерло. Сейчас большинство або занимаются фермерством или работают скотоводами, вы, янки, их называете ковбоями. Или становятся «белыми воротничками», вроде меня.

- Я не янки. Родился и вырос в Брисбене.

- С формальной точки зрения, возможно и нет, но говорите вы чертовски похоже на янки.

- Наверное, сказались все годы в Америке, - сказал я. - Но внутри я по-прежнему стопроцентный оззи.

НАКОНЕЦ МЫ выстроились перед австралийской переходной камерой, в большом бетонном здании, построенном на окраине Дарвина. Коэн увлеченно беседовал с местным оператором камеры, парнем по имени Драга Радич.

К моему большому облегчению, Прендергаст вернул мне мою винтовку. Во время поездки мне пришло в голову, что если он действительно чувствует то, что подразумевают его редакционные статьи, то, возможно, выстрелит мне в спину, а потом скажет: «Ой, простите, это был несчастный случай».

Потом он развернул схематическую карту и пояснил:

- Здесь показан ландшафт примерно пятитысячного года до нашей эры, в этом времени побывал Элджи. Можно надеяться, что рельеф радикально не менялся в течение нужного интервала.

Так как мы планировали провести в плейстоцене всего несколько часов, мы не брали с собой лагерное снаряжение и помощников для его установки. Хейвенс просто запихнул нас в переходную камеру и махнул, чтобы мы отправлялись. Радич установил свои циферблаты на 495 000 год до н.э. и нажал кнопки.

К тому времени, как стрелки на циферблатах перестали вращаться, Бренда от головокружения и прочих прелестей путешествия во времени выглядела как очень мертвая рыба. Радич с едва заметным толчком опустил камеру, и мы вывалились наружу.

Ландшафт выглядел очень похожим на современный австралийский буш - бурый, с покрытой пылью зеленью. Деревья по большей части были представлены эвкалиптами и акациями, попадались араукарии и панданы. Не было ни одного экземпляра этого сорняка, кактуса опунции, называемого еще колючей грушей, завезенного каким-то идиотом пару столетий назад и распространившегося так, что оззи с ним до сих пор борются. Взлетело несколько птиц, но кроме них, никакого зверя мы не увидели, никаких признаков сумчатого льва или других хищников.

Прендергаст развернул свою карту.

- Я думаю, что мы здесь, - показал он. - Если местность похожа на ту, что была пять тысяч лет назад, к западу отсюда уклон и дальше небольшая лощина или овраг, с биллабонгом* внизу, а затем снова

* Биллабонг (англ. billabong) - пересыхающая река, старица (в Австралии). (Прим. перев.)

подъем. Если хотите увидетьдижую жизнь, то надо туда, так как на биллабонг животные должны приходить пить. Я покажу дорогу.

Мы отправились за Прендергастом, тащившим на плече свою видеокамеру. Та, должно быть, весила пару десятков кило, но толстячок, похоже, не возражал.

После получасового перехода мы подошли к краю впадины, о которой говорил Прендергаст. Сквозь кусты мы довольно хорошо видели воду на дне впадины. Там же была и пара животных, пьющих из водоема. На таком расстоянии и через все кусты, даже разглядывая их в бинокль, мы мало что могли о них сказать, за исключением того, что они довольно-таки приличного размера и что у них коричневая шерсть.

- Дипротодоны, - сказал Прендергаст. - Хотите подойти поближе и посмотреть, а?

- О да! - накинув на шею ремешок своей маленькой камеры, вздохнула Бренды. Пешую прогулку она перенесла очень хорошо.

- Это то, о чем я мечтала.

- Тогда вы спускайтесь вдвоем, - сказал Прендергаст. - Я останусь здесь, чтобы снимать, постараюсь найти место с лучшим обзором.

Козну и Малгару он сказал:

- Пожалуйста, оставайтесь рядом, вдруг мне понадобится ваша огневая мощь. Как только я отсниму хорошие кадры, мы тоже спустимся и присоединимся к ним.

Повернувшись к нам с Брендой, он добавил с мерзкой ухмылкой:

- Это даст вам двоим немного приватности - ну, конечно, если сэр Редж все еще в состоянии поднять на дыбы своего скакуна.

По мере того, как смысл высказывания Прендергаста доходил до меня, я чувствовал, что начинаю становиться бешеным, как топор мясника. Я сжал кулаки, чтобы размазать эту мразь. Пусть неспортивно, пусть я больше его в два раза, но в тот момент меня это не волновало.

Но тут Бренды сладко улыбнулась, как всегда, как я знал, улыбаясь, собираясь уязвить посильнее. Она сказала:

- Уверяю вас, *мистер* Прендергаст, что сэр Реджинальд может делать все то, что делал в молодости - возможно, и лучше, пусть и не чаще. Идем, Редж!

И пошла вниз по склону, поскользываясь в своих новых ботинках.

Обычно я веду себя осторожнее; но я не мог себе позволить отстать от спутницы моей жизни. Поэтому я закинул винтовку за спину, оставляя обе руки свободными, и ринулся вниз, скользя и спотыкаясь. Я чуть не кувыркнулся, но ухватился за ветку и удержался.

- Смотри, куда ставишь ноги! - окликнул я Бренды - Змеи!

Сегодня в Австралии имеется замечательный ассортимент ядовитых змей, и можно предположить, что в плейстоцене их повсюду скользило ничуть не меньше. Но Бренда скакала впереди меня, как будто она все еще школьница. После стольких лет работы на дикой природе у меня нет такого иррационального ужаса перед змеями, какой бывает у многих, однако я не хотел бы давать шанс существам, способным убить меня одним легким укусом.

- Притормози! - снова окликнул. - От твоего шума звери разбегутся от водопоя.

На самом деле, большинство животных, которых мы видим в доисторические времена, мало опасаются человека или вообще не испытывают перед ним инстинктивного страха, потому человек что на них никогда не охотился.

Спустившись на дно лощины, мы начали продираться через кустарник к биллабонгу. Вскоре мы уже хорошо видели дипротодонов. Они родственники современного вомбата, но гораздо больше. По размеру эта пара соответствовали медведю-гризли или даже носорогу. А так это были довольно непримечательные существа, с пухлыми плоскостопными ногами и крупными головами в форме луковицы с маленькими круглыми ушами, полностью покрытые однотонной темно-коричневой шерстью.

Дипротодоны напились и как раз отворачивались от воды, когда Бренда воскликнула:

-Эй! - она подняла свою маленькую камеру. - Погодите!

Услышав ее, дипротодоны остановились, поворачивая свои огромные головы. Бренда вырвалась из скрывающих ее кустов, пробежала вперед несколько шагов, опустилась на одно колено и навела камеру.

Дипротодоны снова отвернулись и побрали прочь. Бренда побежала за ними, пытаясь сделать еще один снимок. И при этом она налетела, именно налетела на другого хозяина водопоя, только что вышедшего из буша и направлявшегося к биллабонгу.

Новичком оказался гигантский желтовато-коричневый кенгуру, настолько большой, что самый большой из современных кенгуру показался бы игрушечным. Он двигался вперед медленными прыжками, походкой вроде той, которую современные кенгуру практикуют, когда пасутся - они опираются на свои передние конечности как на костили, чтобы разом качнуть вперед пару огромных задних лап. Когда Бренда столкнулась с ним, животное подалось назад и выпрямилось, подняв голову над землей метра на три. Он, как башня, возвышался над Брендой, которая и сама хорошего роста.

Должен признаться, что я так увлекся, наблюдая за Брендой и дипротодонами, что забыл снять винтовку, все еще закинутую

за спину. Но тут я перехватил винтовку в руки быстрее, чем когда-либо прежде и начал поднимать, чтобы прицелиться.

В тот же миг гигантский кенгуру отмахнулся одной из своих передних лап от странного маленького существа, врезавшегося в него. Бренда вскрикнула от боли и своей камерой, повисшей на ремешке, взмахнула так, что та ударила кенгуру по носу. Кенгуру испуганно вздрогнул и одним огромным прыжком перелетел над каким-то низким кустом. К тому времени, как зверь оказался в прицеле, он опять прыгнул и быстро исчез.

Все происшествие заняло всего несколько секунд. Пожалуй, я смог бы застрелить кенгуру, пока он не скрылся из виду. Но зверь, очевидно, не намеревался беспокоить нас снова, а моей главной заботой была Бренда, и я поспешил к ней. Бренда рассматривала единственную длинную царапину на предплечье, вдоль раны пропадали капли крови.

В кармане сафари-жилета у меня был тюбик с дезинфицирующим средством, и через несколько секунд я уже обрабатывал царапину. Она оказалась несерьезной - когти кенгуру едва повредили кожу, но мы не рискуем давать шанс незнакомым инфекциям.

Я перевязывал раненную руку, когда увидел, что глаза Бренды, глядевшие мимо меня, расширяются от страха. Я резко повернулся, когда что-то огромное появилось на склоне за нами. Там, оказывается, имелась большая дыра, а мы, беспечно прыгая вниз, прокочили мимо этой ямы, совершенно ее не заметив. Теперь же из пещеры вылез еще один зверь, направлявшийся к нам с явно недружественными намерениями.

Встретившееся нам грозное существо стояло на вершине австралийской плейстоценовой пищевой цепи: не сумчатое или даже не млекопитающее, а рептилия, мегаланий. Это варан, родственный дракону с острова Комodo, но достигающий пятнадцати метров в длину. Так что он больше самых больших современных крокодилов - морских. За крокодилом такого размера вам пришлось бы вернуться в меловой период.

Мегаланий имеет крупные и хорошо развитые конечности, что позволяет ему передвигаться по земле быстрее любого крокодила, а крокодил может мчаться куда быстрее, чем можно подумать, наблюдая, как он дремлет после обеда.

Одной из тем палеонтологов является изучение того, как конечности четвероногих соединяются с телом. У саламандр ноги выступают в стороны и обладают лишь ограниченной подвижностью. У более примитивных рептилий плечевые и тазобедренные суставы все еще заставляют верхнюю часть конечности, бедро и плечо отходить от тела горизонтально, но предплечье и нижняя часть ноги

расположены вертикально, что позволяет животным двигаться более живо.

Последним шагом на пути к полностью четырехногому передвижению является модификация тазобедренных и плечевых суставов, приводящая кости верхних конечностей в вертикальное положение, как у млекопитающих. Полностью вертикальная конечность, действующая как колонна, очевидно, может поддерживать вес тела с меньшими мышечными усилиями, чем конечность, согнутая под прямым углом.

В пермском периоде, некоторые виды рептилий совершили этот переход. Среди них были динозавры, крокодилы и те, которые эволюционировали в млекопитающих. Но не предки ящериц. Ну, на К-Т границе, между мелом и палеоценом, все динозавры превратились в пар, наряду с несколькими другими отрядами рептилий. Но ящерицы выжили, несмотря на неуклюжую конструкцию верхних суставов. Дракон, набросившийся на нас с Брендой, был просто огромной ящерицей с примитивными тазобедренными и плечевыми суставами. Но это не помешало ему быть чертовски эффективным хищником, к которому название «дракон» подходило больше, чем ко всем тварям, когда-либо мною виданными...

Ох, простите, мистер Сайто. Иногда я увлекаюсь чтением лекции о чудесах доисторической жизни, забывая историю, которую рассказываю.

Хотите верьте, хотите нет, но, собираясь на эту короткую прогулку в австралийский плейстоцен, я совершенно забыл о мегалании.

Я, конечно, читал о нем, но при планировании этого мини-сафари я, наверное, думал только о крупных сумчатых хищниках, которых могли бы нам повстречаться. Во время кайнозоя, скажем, в Южной Америке были сумчатые саблезубые тигры, тилакосмилы, такие же большие и кровожадные, как и более известные саблезубые кошки других континентов.

А здесь была вот эта суперящерица, спускавшаяся по склону и глядевшая на нас своими большими желтыми глазами. Цвет ее в основном был сизо-серым, как у дракона Комодо; но не с красными отметинами, как на макете в Австралийском музее Сиднея, а со слабыми серовато-зелеными полосами на боках.

Я поймал в прицел голову животного, прицелился между глаз и нажал на спуск... *Щелк!*

Я передернул затвор и попробовал еще раз: снова щелчок.

Мегаланий, приблизившийся уже на дюжину метров, выглядел адски больше похожим на дракона, чем любой варан с Комодо. Он выглядел не менее пугающе, чем любой динозавр-теропод, с которым я когда-либо сталкивался, хотя в драке между мегаланием

и тираннозавром или элантериасом я бы поставил на динозавра. Будучи двуногим, теропод мог просто наклониться и схватить ящерицу за позвоночник, шею, или за спину.

Извините, я опять отвлекся. Можете держать чертовски беспроигрышное пари, что я ни о чем таком не думал, когда суперящерица наступала на нас.

Быстрая проверка показала, что магазин винтовки пуст. Я чувствовал себя так, как чувствовал бы себя тот парень Зигфрид из оперы, когда стоял возле драконьей пещеры, дразня дракона, а потом, когда Фафнир (по-моему, так его звали) принял вызов и с ревом выскочил, обнаружил, что забыл свой меч в лагере.

Бренды бросила камень. Он отскочил от головы дракона, но животное, похоже, его даже не заметило. Он двигался дальше с шипением, вроде того, как свистят экскурсионные пароходы, возяющие туристов по Миссисипи и некоторым другим местам.

Я встал перед Брендой, нащаривая обойму в своем сафари-жилете. Невозможно было сказать, успею ли я зарядить винтовку до того, как зубы мегалания вонзятся в одного из нас. Он уже разинул пасть, показывая алую глотку. Помню, я подумал, что если удар прикладом сверху по голове не остановит зверя, то, возможно, я смогу засунуть винтовку ему в глотку.

Затем что-то со свистом промелькнуло в воздухе и с громким «бум!» ударило дракона в бок. Это был бумеранг Малгару. Дракон дернулся и повернулся к источнику удара. В тот же миг загрохотала «Братислава» Коэна - раз, два и три. Удары сбили дракона с ног, он упал в кусты, сворачиваясь и корчась. Последовавшие следом три выстрела - один из моей винтовки, которую я наконец-то зарядил, - угомонили ящерицу, хотя, подобно другим рептилиям, она еще долго продолжала дергаться и щелкать челюстями.

Бумеранг не причинил дракону особого вреда, разве что, возможно, сломал ребро. Но, не отвлеки он внимания, ящерица наверняка вонзила бы клыки в того или иного Реки, прежде чем кто-нибудь успел выстрелить.

КОЭН И МАЛГАРУ продрались сквозь кусты и побежали к нам, чтобы убедиться в нашей безопасности.

- Где Прендергаст? - спросил я.

- Отошел в ту сторону сделать еще несколько снимков, - сказал Малгару. - Сказал нам идти вперед, а он догонит. А, вот и он.

Прендергаст, с видеокамерой на плече, появился в поле зрения, воскликнув:

- Какой чудесный фильм! Получится офигенная история для моего следующего номера!

Когда он подошел, я внимательно посмотрел на сафари-жилет Прендергаста и увидел, что карманы подозрительно раздуты.

- Марк, позвольте мне взглянуть на ваши карманы, - попросил я.

- В этом нет необходимости, - легко ответил он. - Просто катушки с запасной пленкой.

- Тогда нет ничего страшного, если я на них взгляну, - я, улыбнувшись, шагнул к нему.

- Нет, сэр! - сказал он, отступая назад. - Я не позволю вам себя обыскивать, это нарушает мою личную неприкосновенность! Я знаю свои права австралийского гражданина! Идите и получите ордер в магистрате!

- Окей, - сказал я, обменявшись взглядами с Коэном и Малгару.

- Так как еще полмиллиона лет судей не будет, нам придется пойти трудным путем.

Я прыгнул к Прендергасту. Он повернулся было бежать, но я сбил его с помощью приемчика из американского футбола. Коэн и Малгару схватили его за руки. В карманах, как я и подозревал, я нашел пропавшие патроны для моего «Манлихера-Шёнауэра».

Мы отвезли его обратно к переходной камере, связали и сказали Радичу, чтобы он возвращал нас в Настоящее. Правда, возникла одна задержка, когда Бренда сказала:

- Дорогой, знаешь, что бы мне очень понравилось в качестве сувенира из этой поездки? Шкура дракона, растянутая на стене нашей гостиной, сделает этот медовый месяц просто идеальным!

НУ, ВОТ И ВСЯ история, мистер Сайто. Когда мы вернулись, поднялась такая вонь, какую только и следовало ожидать. Мы рассказали нашу версию, Прендергаст рассказал свою. Он сказал, что моя винтовка была полностью заряжена, но при виде дракона на меня напал мандраж, и я не смог выстрелить, а потом мы втроем сговорились, чтобы подставить его в отместку за то, что он пишет в своем журнале. Поскольку версии Коэна, Малгару и мои совпадали, Прендергаст не смог убедить Хейвенса, и тот его уволил.

Австралийский профсоюз работников переходных камер времени устроил забастовку, чтобы заставить доктора Хейвенса восстановить Прендергаста. Понимаете, профсоюзы долго являлись главной силой в Австралии, и они кидаются на защиту своих коллег, независимо от того, что те натворили. Элджи Малгару сказал с широкой улыбкой:

- Чего ты ожидаешь, Редж? Это обычный трайбализм*, только среди людей, которые считают себя выше нас, «абов».

Через несколько месяцев спор закончился компромиссом - Прендергасту выплатили зарплату, но снова не наняли. Он выпал из моего поля зрения, и я понятия не имею, где он сейчас.

Но если вы захотите нас посетить, я покажу вам шкуру прекрасного экземпляра мегалания, растянутую на нашей стене. Конечно, хвост загнут, потому что у нас нет комнат со стенами длиной в пятнадцать метров!

Почему Прендергаст вел эту одностороннюю войну? Будь я проклят, если я знаю, мистер Сайто. Я не психиатр, но если бы мне пришлось догадываться, я бы сказал, что это была простая ревность, перешедшая в одержимость. Я не потрясаю мир; но я много где побывал, многое сделал, и многое повидал. Осмелюсь предположить, что Прендергаст тоже хотел бы там же побывать, и то же сделать, и это же повидать. Потому что он моложе меня, и потому что табу на парадокс не позволяют с помощью машины времени воздействовать на человеческую историю, нет никакого способа, чтобы он смог вернуться немного назад в прошлое и заняться бизнесом на сафари во времени раньше меня.

Нет, я понятия не имею, откуда он знал, что на этом склоне есть пещера с мегаланием, затаившимся в ней. Возможно, он совершил несанкционированное путешествие во времени в период прямо перед тем, в какой мы отправились, скажем, за год до нашего сафари. Это опасно, потому что небольшой просчет может ввергнуть тебя в парадокс, а потом *бам!* и тебе крышка. Он должен был знать о риске, но ненавидел меня так неистово, что рискнул.

Если этот идиота кусок и в самом деле поступил так, то, хотя путешествие во времени ему и сошло с рук, в конце концов он проиграл.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

В 1954 году я прочитал рассказ коллеги, рассказывающий об охоте на динозавров с помощью машины времени. Я обожал динозавров со времен Первой мировой, или, как ее еще называют, кай-

* Трайбализм (англ. tribalism) - племенное мировоззрение, фанатичная приверженность к своей группировке. (Прим. перев.)

зеровской войны, когда родители подарили мне «Книгу знаний»* издания 1912 года.

В ней имелась страница с ужасающе неточными и из рук вон плохо нарисованными картинками, изображающими доисторическую жизнь: мамонта, mastодонта, разных динозавров и других мезозойских рептилий. Меня это так зацепило, что я прочитал по палеонтологии, что только смог найти, и провел кучу времени на четвертом этаже Американского музея естественной истории, что в Нью-Йорке, Сентрал-Парк-Уэст/79-я улица. Там были выставлены окаменелые скелеты.

Судьба лишила меня возможности всю жизнь заниматься палеонтологией, но мне все равно показалось, что я вижу вопиющие научные ошибки в рассказе моего коллеги. Это раздражало меня до такой степени, что я написал свою собственную историю «Ружье на динозавра» об охоте на динозавров с помощью машины времени, пытаясь показать, как это могло бы происходить.

Пришел 1990 год; Боб Сильверберг попросил меня написать рассказ о динозаврах для антологии, опубликованной в 1991 году под названием *The Ultimate Dinosaur*.

Чувствуя, что у Реджинальда Реки, кроме «Ружья на динозавра», должны найтись и другие хорошие истории, я написал для Боба «В поисках крокомандра».

Потом, в перерыве между двумя очередными книгами, я написал еще пять воспоминаний Реджи Реки. Я также отредактировал «Ружье на динозавра», чтобы привести его в соответствие с тем, чему, как мне кажется, я научился за последние тридцать семь лет. Например, я предполагаю, что в XXI веке, к тому времени, когда начинаются эти истории, метрическая система, уже действующая в родной для Реджи Австралии, будет в целом принята и в отсталых Соединенных Штатах.

*Л. Спрэг де Камп
г. Плано, Техас
Август 1991 года*

* «Книга знаний» (англ. *The Book of Knowledge*) - под таким названием в США с 1910 г. выходила британская «Детская энциклопедия» (*The Children's Encyclopædia*), издававшаяся в 1908-1964 гг. (Прим. перев.)

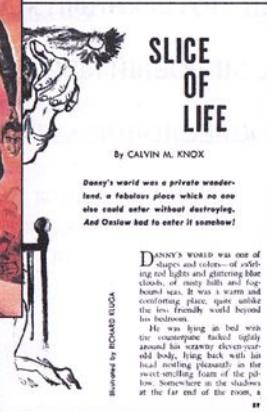
СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ.....	3
I. РУЖЬЕ НА ДИНОЗАВРА.....	7
II. «КЕЙЮЗ».....	39
III. В ПОИСКАХ КРОКОМАНДРА	59
IV. РОМАНТИКА В МИОЦЕНЕ.....	83
V. СУРРОГАТНЫЙ ВАРВАР	109
VI. САТАНИНСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ.....	133
VII. БОЛЬШОЙ ПЛЮХ	163
VIII. ПОТЕРЯННЫЙ МАСТОДОНТ	185
IX. МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ С ДРАКОНОМ.....	209
ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА	221

Читайте в
следующем томе:

Роберт Силверберг
«СЕЗОН РАСКАЯНИЯ»

Следующим выйдет Приложение № 18. Р. Силверберг. «Сезон раскаяния», состоящий из ранних произведений этого великолепного автора.

SLICE
OF
LIFE

By CALVIN M. KNOX

Danny's world was a private wonder-
land, a fabulous place which no one
else could enter without destroying.
And Ossie had to enter it somehow!

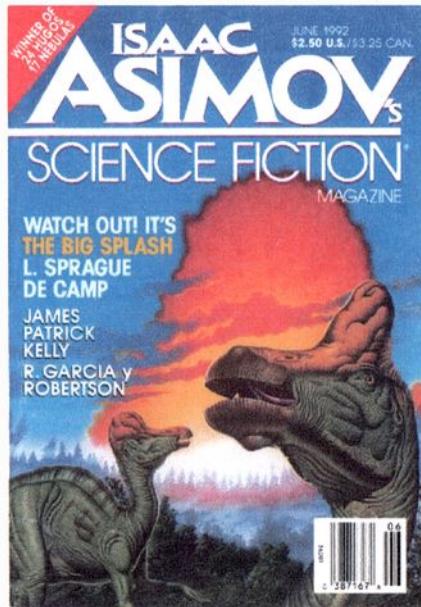
DANNY'S WORLD WAS ONE OF
dark slabs and colors, of scald-
ing sun lights, of glistening snow
clouds, of smoky hills and fog
beaten seas. It was a warm and
inviting place, a place where you could
forget the less friendly world beyond
the window.

He was lying in bed with
the counterpane tucked tightly
around his body, his head against
old body, lying back with his
head resting pleasantly on the
pillow, his feet tucked under his
head. Somewhere in the shadows
at the far end of the room, a

Illustrated by RICHARD STURGE

Библиотека англо-американской классической фантастики

Л. СПРЭГ ДЕ КАМП

Реки времени